„Чти отца твоего и матерь твою...“ (объясненіе 5-й заповѣди Закона Божія).

ВВЕДЕНІЕ.

Совѣсть.—Прирожденность ея каждому человѣку.—Безусловная общеобязательность нравственнаго закона.—Сверхчувственное его происхожденіе.—Взаимная связь заповѣдей о любви къ Богу и ближнему.—Оправдываемая голосомъ совѣсти вѣра въ божественное достоинство десятословія.—Переходъ къ объясненію пятой заповѣди.

Каждому человѣку прирождена способность различенія между добромъ и зломъ, обязанность дѣлать первое и избѣгать второго. На школьномъ языкѣ эта способность называется «моральнымъ сознаніемъ», а на житейскомъ—«совѣстью», первое утвержденіе которой состоитъ въ безусловномъ надъ всѣмъ превосходствѣ моральнаго міропорядка. Превосходство этого послѣдняго надъ всѣмъ другимъ—очевидная аксіома для всякаго, имѣющаго чистую совѣсть. Христіане или язычники, атеисты или вѣрующіе, образованные или дикари,—всѣ имѣютъ въ сущности одинъ и тотъ же образъ сужденія. Чѣмъ выше поставленъ кто въ интеллектуальной или въ политической области, тѣмъ бо̀льшимъ презрѣніемъ награждается онъ со стороны другихъ въ случаѣ игнорированія имъ требованія справедливости. Наоборотъ, бывая свидѣтелями добраго дѣла, самоотверженнаго подвига и выдающагося героизма, люди невольно испытываютъ волненіе. Ни поразительныя проявленія внѣшней силы, ни чудеса знанія, ни что нибудь подобное не имѣетъ привиллегіи производить такое сильное впечатлѣніе. Классическія произведенія литературнаго генія могутъ вызвать послѣднее, но только при одномъ условіи: классическая трагедія производитъ чувство возвышен-

наго только тогда, когда заимствуетъ свое содержаніе изъ сферы добра и зла и когда производитъ въ зрителѣ иллюзію реальности. Если бы совсѣмъ не существовало нравственнаго міропорядка, и если бы онъ не былъ непререкаемымъ фактомъ, то никогда не появилось бы на свѣтѣ и самаго драматическаго искусства, или, вѣрнѣе сказать, оно осталось бы безъ своего объекта: ничего не было бы извѣстно кромѣ натурализма и промышленныхъ искусствъ...

Всѣ люди, даже и тѣ, которые теоретически отрицаютъ различіе между добромъ и зломъ, въ глубинѣ своей души первое мѣсто предоставляютъ нравственному міропорядку. Правда, онъ понимается далеко неодинаково различными людьми: очень многое въ этой области обусловливается возрастомъ, темпераментомъ, образованіемъ, общественнымъ положеніемъ и т. п. данными, какъ и быть должно. Степень пониманія и формы проявленія разнообразятся на тысячи ладовъ, но, при всемъ томъ, *самый принципъ остается неизмѣннымъ*: каждый хочетъ лучшаго и стремится достигнуть его всѣми, въ данное время, имѣющимися, способами и средствами. Послѣдній воръ и разбойникъ, самый отчаянный преступникъ и преданнѣйшій рабъ своихъ страстей, извѣрившійся въ возможности земного счастья самоубійца,—каждый изъ такихъ заблудшихъ по-своему стремится, всетаки, къ лучшему и всѣми силами достигаетъ его, *ибо нельзя стремиться безъ цѣли*, а гдѣ есть послѣдняя, тамъ непремѣнно имѣется въ виду извѣстное содержаніе лучшаго, по сравненію съ наличнымъ, бытія. Думая о прекращеніи своей несчастной жизни, самоубійца тѣмъ самымъ свидѣтельствуетъ о возможности болѣе счастливой, за порогомъ земныхъ отношеній, будущности. Есть только нѣчто, но не ничто. Итакъ, жажда лучшаго представляетъ собой неистребимую потребность человѣческаго духа. Во имя этого лучшаго человѣкъ живетъ и дѣйствуетъ, къ этому стремится и, не обрѣтая его въ земномъ мірѣ, уповаетъ на другой, простирающійся надъ этимъ, лучшій міръ.

Изъ присущей каждому человѣку идеи нравственнаго долга, съ одной стороны, и изъ неистребимой потребности отыскивать полное осуществленіе его въ иномъ мірѣ, съ другой, необходимо слѣдуетъ заключеніе о несостоятельности всѣхъ теорій, пріурочивающихъ происхожденіе этого благороднѣйшаго нравственнаго дѣятеля къ земной дѣйствительности. Такъ, напримѣръ,

заблуждаются тѣ ученые, по мнѣнію которыхъ въ чувствѣ нравственнаго долга нѣтъ ничего другого кромѣ вѣкового отпечатка гражданскихъ отношеній, т. е., прямого слѣдствія инстинкта общественности. Однако, замѣтимъ на это, *соціальный инстинктъ самъ находится въ подчиненіи долгу*, который служитъ ему предѣломъ и регуляторомъ, а вмѣстѣ и гарантіей.

Дѣйствительно, воспитаніе является сильнымъ агентомъ въ образованіи характера и нравственныхъ привычекъ человѣка. Но изъ числа нашихъ способностей еще нѣтъ такой, которая не нуждалась бы въ его вліяніи для своего нормальнаго развитія, а его власть не такъ велика, чтобы *творить* (или подавлять) самыя способности.

Что осталось бы отъ совѣсти, если бы она не имѣла другого происхожденія кромѣ необходимости въ общественной жизни и въ сокращеніи своихъ желаній, чтобы не поглотить себя самое? Тогда она сразу лишилась бы своихъ наиболѣе специфическихъ чертъ. Самое имя ея было бы вычеркнуто изъ языка, какъ обманчивая этикетка, ибо наименованіе «*совѣсть*» не означаетъ знанія міра или чего либо другого, но есть *знаніе себя самого*. Далѣе, она должна была бы имѣть тѣмъ большее вліяніе, чѣмъ болѣе смягчены нравы, и чѣмъ выше утончена культура. Однако, чаще происходитъ обратное. Вмѣсто дружбы, обыкновенно, рождается непримиримое соперничество между соціальнымъ и моральнымъ инстинктами. Въ своихъ стремленіяхъ и дѣйствіяхъ они являются антиподами одинъ другого. Нравственный инстинктъ служитъ источникомъ силы и независимости для слѣдующихъ его побужденіямъ, между тѣмъ какъ обычай свѣта дѣлаетъ ихъ, большей частью, изнѣженными и малодушными. Обыкновеніе подчиняться большинству голосовъ, руководиться общественнымъ мнѣніемъ, уступать тиранніи числа или моды служило бы къ тѣмъ еще большему приниженію человѣка, какъ нравственнаго существа, если бы оставалось безъ противодѣйствія со стороны безусловнаго велѣнія: «*дѣлай должное, что бы ни случилось*»!

Къ сожалѣнію, соціальное рабство не довольствуется только тѣмъ, что уменьшаетъ грубости и притупляетъ углы. Оно хочетъ видѣть всѣхъ людей отлитыми по одной формѣ, нивеллируетъ ихъ и, по мѣрѣ развитія цивилизаціи, довольно содѣйствуетъ порчѣ характеровъ. По многократному свидѣтель-

ству исторіи, упадокъ начинается съ того момента, когда соціальное иго ставится на мѣсто моральнаго, и когда гражданственностью утѣсняется совѣсть. Ясно, что нравственность служитъ существеннымъ условіемъ общественнаго преспѣянія. На важнѣйшій вопросъ: чѣмъ предполагается и что содержитъ такая нравственность?—нельзя удовлетвориться поверхностнымъ отвѣтомъ. Если сослаться на уголовный кодексъ, то онъ, вѣдь, представляетъ собою не болѣе, какъ только своего рода барьеръ, поставленный на случай широкаго разлитія порока, показывая крайній предѣлъ, перейдя который общество не могло бы долѣе существовать. Но такая добродѣтель, которая совершаетъ свое дѣло по принужденію, является чисто *отрицательной*, потому что быть честнымъ не значитъ только воздерживаться отъ преступленій за недостаткомъ благопріятныхъ для нихъ обстоятельствъ. Истинно добрымъ человѣкъ бываетъ только по принципу, а для этого требуется, чтобы законъ блага получилъ жизнь *внутри* самого человѣка посредствомъ интимнаго между собою согласія воли и долга.

Но общество, какъ таковое, не имѣетъ никакого отношенія къ интимнымъ чувствамъ; оно не можетъ осуждать эгоизмъ, этотъ опаснѣйшій ядъ общественной жизни, ни внушать безкорыстіе и любовь, ибо въ себѣ самомъ не находитъ гарантій своего существованія. Общественная безопасность и будущность зависятъ отъ условій, которыхъ неспособно породить само общество, и которыя, слѣдовательно, находятся *выше* его и существуютъ *раньше* его. Законъ нравственный во всѣхъ отношеніяхъ стоитъ выше гражданскаго закона. Послѣдній имѣетъ критеріемъ интересъ коллективный, въ нѣкоторомъ отношеніи предметъ внѣшній и случайный, тогда какъ законъ нравственный есть внутренній судія, призывающій человѣка къ отвѣтственности во всѣхъ дѣлахъ и, даже, въ сокровенныхъ его помыслахъ,—судья, требующій отъ всякаго человѣка *безусловнаго послушанія*, хотя бы за это угрожало полное отлученіе отъ общества.

Какъ видно, совѣсть дастъ человѣку два различныхъ и, на первый взглядъ, противоположныхъ побужденія. Она хочетъ видѣть въ немъ всеобщаго слугу, однако, безъ раболѣпства предъ кѣмъ либо въ частности и въ то же время требуетъ отъ него полнаго самоотверженія. По требованію совѣсти *я долженъ отдать всего себя другимъ для обладанія самимъ же собою* и, наоборотъ, чтобы всегда обладать самимъ собою, я долженъ принести себя въ жертву другимъ.

Гдѣ же находится верховный *синтезъ* этихъ двухъ стремленій? Не во мнѣ, потому что, взятый въ смыслѣ центра, самъ я проникнутъ эгоизмомъ, рѣшительнымъ противовѣсомъ закону блага. Нѣтъ его такъ же и въ обществѣ, потому что соціальный инстинктъ долженъ находиться въ подчиненіи моральному и, подчасъ, даже приноситься ему въ жертву. Неподвижная точка опоры, отъ которой зависитъ равновѣсіе, и которая возвышаетъ насъ надъ цѣлымъ міромъ и надъ самими собою, должна быть отыскана въ другомъ мѣстѣ, а, именно, въ личномъ *Богѣ*. Великая заповѣдь о любви къ ближнему потеряла бы свой подлинный смыслъ безъ предшествующей и оправдывающей ее, первой и главной, заповѣди о любви къ Богу. Вотъ почему всякая попытка отдѣлить мораль отъ религіи является ложною въ своемъ принципѣ. Слѣдовательно, возвѣщаемый совѣстью безусловно-повелительный характеръ нравственнаго закона непосредственно свидѣтельствуетъ о божественномъ происхожденіи послѣдняго. Не даромъ совѣсть называется «министромъ-резидентомъ Бога внутри насъ» [1]).

Къ несчастію, *совѣсть осуждаетъ насъ*, какъ нарушителей нравственнаго міропорядка, вслѣдствіе чего мы боимся Бога и бѣжимъ отъ Его всевидящаго ока. Наше духовное око очень болѣзненно, и небесный свѣтъ является для него невыносимымъ. Не Отецъ свѣтовъ, не духовная организація наша повинны въ томъ, что мы бродимъ во тьмѣ, а наши плотскія сердца. *Мы нуждаемся во Врачѣ* для того, чтобы Онъ поставилъ насъ въ нормальныя условія духовнаго созерцанія,—нуждаемся въ психіатрѣ, который могъ бы исцѣлить насъ отъ поработившей насъ болѣзни, т. е. отъ грѣха.

Предположимъ теперь, что существуетъ такой человѣкъ, въ чистой душѣ котораго, какъ въ зеркалѣ, отразится само небо. Не въ правѣ ли будемъ мы повѣрить ему на слово, восполнить свое невѣдѣніе съ помощью его откровенія, положиться на то свидѣтельство, которое онъ выскажетъ въ пользу истины, и увѣровать въ непреложный законъ того Бога, Котораго онъ назоветъ своимъ Отцомъ? И если онъ объявитъ, что пришелъ въ міръ для того, чтобы спасти насъ, и если всей жизнью и цѣною смерти удостовѣритъ это: будетъ ли безумнымъ поступить въ школу къ такому наставнику и всецѣло подчиниться его авторитету? Люди, совѣсть которыхъ еще не

---

[1]) *A. Vinet,* Essai de philosophie morale, p. 57.

совсѣмъ погасла, на это отвѣтятъ однимъ только рѣшительнымъ «да»! [1]).

Нелицепріятная исторія, девятнадцативѣковое существованіе христіанской Церкви, безпримѣрное вліяніе галилейскаго Учителя на ближайшихъ и отдаленнѣйшихъ Его послѣдователей, совершенное перерожденіе цѣлаго міра въ религіозно-нравственномъ отношеніи и другіе замѣчательные плоды христіанской цивилизаціи,—все это говоритъ за разумность нашей вѣры въ Евангеліе. Что сказано въ немъ, то непреложная истина, вѣчно-живымъ воплощеніемъ которой служитъ Христосъ-Спаситель (Іоа. 14, 6), пришедшій въ міръ «не нарушить, но исполнить» законъ. Имъ же врученный пророку Моисею на Синаѣ (Евр. 7. 38). А такъ-какъ все нравственное мірозданіе зиждется на двухъ главнѣйшихъ заповѣдахъ о любви къ Богу и ближнему (Мѳ. 22, 40), а наибольшая близость существуетъ между родителями и дѣтьми (родители—первые «ближніе» для дѣтей), то, естественно, Спаситель не одинъ разъ поучалъ дѣтей чтить своихъ родителей (Мѳ. 15. 3—6; 19, 19) и такимъ образомъ подтвердилъ сказанное въ Моисеевомъ законѣ.

Итакъ, пятая заповѣдь закона Божія имѣетъ безусловное и непререкаемое значеніе. Голосомъ Божіимъ въ этомъ случаѣ подтверждается свидѣтельство человѣческой совѣсти, и, наоборотъ, это послѣднее находитъ въ положительной заповѣди непоколебимую для себя опору. Слѣдовательно, нарушающіе пятую заповѣдь являются одновременно извратителями своей нравственной природы и дерзкими ослушниками Божіей заповѣди, къ содержанію которой мы теперь и обратимся.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Отношеніе между пятою и другими заповѣдями.—Срединное положеніе заповѣди въ десятословіи.—Ея общеобязательность для дѣтей.—Различіе почитанія отъ повиновенія, любви и благодарности.—Почитаніе отца *и* матери въ дѣйствительномъ ихъ состояніи и, даже, порочныхъ.—Довѣріе дѣтей къ родителямъ.

Въ первыхъ четырехъ заповѣдяхъ говорится о любви къ Богу, а въ послѣднихъ шести—о любви къ ближнему. Любовь къ Богу является, по непреложному толкованію Самого Спа-

---

[1]) Подробнѣе объ этомъ см. у *Berthoud A.*, Apologie du Christianisme Lausanne, 1898, pp. 38—46 et 218—222.

сителя, «первою и большею заповѣдію» (Мѳ. 22, 38), ибо Господь Богъ есть Податель жизни и Сама присносущная Жизнь. Изъ «первой» заповѣди проистекаетъ другая, «подобная ей» (ст. 39), заповѣдь о любви къ ближнему: на него премудро указалъ Самъ Законодатель для того, чтобы на этой «отраженной» любви мы научались тѣмъ еще большей преданности и благодарности къ Своему Творцу. Любовь къ ближнему служитъ тѣмъ пробнымъ камнемъ, посредствомъ котораго съ несомнѣнностью свидѣтельствуется наша любовь къ Богу. Въ этомъ смыслѣ поучаетъ апостолъ любви Іоаннъ Богословъ: «кто говоритъ: «я люблю Бога», а брата своего ненавидитъ, тотъ лжецъ; ибо не любящій своего брата, котораго видитъ, какъ можетъ любить Бога, Котораго не видитъ»? (1 Іоа. 4, 20).

Естественно, изъ всѣхъ людей родители являются для дѣтей самыми «ближними». Самъ Богъ призвалъ ихъ къ этой высокой чести и поставилъ надъ дарованными имъ дѣтьми. ***Въ почитаніи родителей дѣти учатся богопочитанію.*** Кто не слушаетъ родителей, которыхъ видитъ, какъ будетъ слушать невидимаго Бога?

Божьи заповѣди служатъ человѣку великими благодѣяніями: «благъ мнѣ законъ устъ Твоихъ паче тысящъ злата и сребра» (Пс. 118, 72); «блаженъ человѣкъ, его же аще накажеши, Господи, и отъ закона Твоего научиши его» (Пс. 93, 12). Посредствомъ заповѣдей упорядочивается, охраняется, освящается и благословляется вся человѣческая жизнь. Въ частности, пятая заповѣдь Самимъ Богомъ положена въ *основу* благословенной семьи, которую Самъ же Богъ принялъ подъ Свое особое покровительство (Быт. 1, 27. 38; 2, 23. 24). Устроенная по велѣнію упомянутой заповѣди, семья служитъ приготовительнымъ училищемъ всякихъ добродѣтелей и залогомъ лучшихъ земныхъ благъ.

«Чти» [1])! Кратко, сильно, величественно раздается это Божье повелѣніе. Прогремѣвшее на Синаѣ, оно пронеслось

---

[1]) По евр.; kabbed—„почитай“, повелит. накл. 3-ей формы (піель) отъ глагола kabad съ первонач. значеніемъ „быть тяжелымъ“ (напр. Пс. 37, 5: „беззаконія моя.., яко бремя тяжкое отяготѣша [jikbedû] на мнѣ“); затѣмъ, оч. часто — „быть почитаемымъ“ („быть съ вѣсомъ“, какъ и греч. βαρύ—τιμος—„глубокочтимый“, латин. gravis „тяжелый“ и „важный“), а въ 3-ей формѣ: „почитать“; отсюда kabôd „честь“ и „слава“ человѣческая и, особенно, Божественная.

потомъ по всему міру и будетъ раздаваться, доколѣ стоитъ самый міръ. Ясный и рѣшительный тонъ заповѣди не допускаетъ *никакихъ отговорокъ, околичностей и компромиссовъ*. Она повелѣваетъ въ видѣ естественнаго закона, только спеціально санкціонированнаго Самимъ Богомъ,—и горе законопреступнику, ибо позади безусловнаго «чти» стоитъ Самъ Всевѣдущій и Всемогущій, Который однимъ мановеніемъ Своимъ можетъ возстановить попранную заповѣдь, несмотря на всякія козни и человѣческія ухищренія (ср. Мѳ. 15, 1—11), и побудить исполнять ее посредствомъ тяжкихъ наказаній, если только люди пренебрегутъ ея великимъ обѣтованіемъ. Почитаніе родителей является, слѣдовательно, не такимъ дѣломъ, которое *можно*, по своему желанію, дѣлать съ надеждой на земное благополучіе, или оставить безъ страха предъ жестокимъ возмездіемъ. Наоборотъ, «чти» означаетъ собою слѣдующее: поступай по высочайшей заповѣди, если тебѣ дорога жизнь: дѣло идетъ о твоемъ «быть или не быть», о преуспѣяніи или о погибели.

«Чти отца твоего и матерь твою»,—*чти, а не только повинуйся:* почтеніе содержитъ въ себѣ больше по сравненію съ повиновеніемъ. И, дѣйствительно, бываетъ послушаніе безъ любви и почтенія: вѣдь слушаются своего господина не только рабы, но даже и животныя. Внѣшнее повиновеніе, безъ внутренняго расположенія, вынужденное и насильственное, оказываемое съ затаеннымъ или открытымъ ропотомъ, неугодно Богу. «Дѣти», взываетъ апостолъ, «повинуйтесь своимъ родителямъ въ Господѣ, ибо сего требуетъ справедливость» (Еф. 6, 1). Немного требуется отъ дѣтей, а лишь то, къ чему влекутся они по прирожденному расположенію своего сердца. Послушанія требуетъ благодарность, какую должны дѣти родителямъ. Неблагодарность—большой грѣхъ, осуждаемый голосомъ совѣсти. Съ самой первой минуты своего рожденія человѣкъ является во всемъ задолженнымъ своимъ родителямъ. Правда, «всякъ даръ происходитъ свыше» (Іак. 1, 17), отъ Бога, но онъ ниспосылается дѣтямъ посредствомъ родителей, и поэтому первыя являются обязанными во всемъ послѣднимъ.

Чтить не означаетъ только любить, потому что любовь и привязанность дѣтей къ родителямъ—настолько естественное явленіе, что не требуется узаконять его особою заповѣдью. Да и въ самомъ дѣлѣ, едва ли можно найти ребенка, не имѣющаго прирожденныхъ ему любви и привязанности къ своимъ

родителямъ и, особенно, къ матери. Даже самыя непослушныя и невоспитанныя дѣти—и тѣ невольно льнутъ къ родителямъ. Не о томъ, однако, рѣчь въ пятой заповѣди, а *о признаніи высшаго авторитета и величества*, носителями которыхъ являются родители. Любовь имѣетъ свой предметъ какъ бы только около себя, а почитаніе—*надъ* собою. Ясно, что отцу съ матерью Самъ Богъ предоставилъ исключительную честь пользоваться не только любовью, но и особымъ уваженіемъ со стороны дѣтей. По отношенію къ братьямъ, сестрамъ, къ роднымъ и ближнимъ не заповѣдается ничего особаго, кромѣ любви; между тѣмъ какъ отецъ съ матерью нарочито выдѣляются въ *высшую* категорію: Богъ возвышаетъ ихъ надъ другими лицами на землѣ и въ нѣкоторомъ отношеніи поставляетъ рядомъ съ Самимъ Собою, *ибо они—древнѣйшее, существующее на этомъ свѣтѣ, величество.* Служащее честью и украшеніемъ монарховъ, величество является, по своей природѣ, не отличнымъ отъ принадлежащаго родителямъ. Различіе относится только къ большей или меньшей сферѣ его распространенія, между тѣмъ какъ, по природѣ и содержанію своему, то и другое равны. Итакъ, заповѣданное «чти» правильно поставлено на подобающемъ мѣстѣ и не можетъ замѣниться другимъ глаголомъ. Требуемое заповѣдью почитаніе оказывается, прежде всего, *внутреннимъ дѣломъ* дѣтскаго помысла и настроенія, т. е., въ умѣ и въ сердцѣ благоговѣй предъ своими родителями, даже, и въ томъ случаѣ, когда бъ ты былъ отличенъ предъ ними своимъ образованіемъ или успѣхами въ различныхъ наукахъ и искусствахъ. Въ словахъ, которыя говоришь, въ совершаемыхъ поступкахъ, въ родѣ и въ тонѣ обращенія съ отцомъ и матерью, въ устремленномъ на нихъ взорѣ, во всемъ твоемъ поведеніи проявляй высокую почтительность, не смотря на то, что они, подчасъ, не одобрятъ тебя за то или другое слово и дѣло. *Ихъ долгъ повелѣвать, а твой — подчиняться* и такимъ образомъ исполнять Божью заповѣдь.

Почитаніе нельзя отождествлять съ *благодарностью*, не смотря на ихъ близкое родство между собою. Обѣ добродѣтели, несомнѣнно, основываются на какомъ либо, воспринятомъ отъ другихъ, благодѣяніи. Самая пламенная благодарность нерѣдко проистекаетъ изъ случайнаго соотношенія одной личности съ другою, между тѣмъ какъ почитаніе возникаетъ на почвѣ болѣе продолжительнаго соприкосновенія между

людьми и обусловливается установившимся отношеніемъ между даяніемъ и пріятіемъ тѣхъ или другихъ нравственныхъ и матеріальныхъ благъ, напримѣръ, между отцомъ и сыномъ, учителемъ и ученикомъ, отечествомъ и гражданиномъ. Вотъ почему почитаемое мною лицо является для меня вмѣстѣ съ тѣмъ, и *достоуважаемымъ*, чего не происходитъ непремѣнно въ случаѣ чувствуемой мною къ кому либо благодарности. Слѣдовательно, *почитаніе выше благодарности и поднимается на степень благоговѣнія*. И въ самомъ дѣлѣ, почтительно относящійся къ другому близокъ къ той премудрости, «начало» которой — «страхъ Божій» (Прит. 9, 10), и наоборотъ, для кого нѣтъ ничего досточтимаго и святого, тотъ несклоненъ и Самому Богу воздавать подобающую честь.

Заповѣдь повелѣваетъ чтить «отца *и* матерь». Не случайно *родители названы каждый отдѣльно*. Печальный опытъ говоритъ о томъ, что у нѣкоторыхъ дѣтей существуетъ дурная склонность, при исполненіи того или другого дѣла, сообразоваться съ волей отца *или* матери, смотря по тому, что въ данныхъ условіяхъ представляется болѣе выгоднымъ или удобнымъ. Часто наблюдаются въ семьяхъ подѣленные между отцомъ и матерью дѣти: «папенькинъ», «маменькинъ»—довольно извѣстные предикаты сыновей и дочерей. Такого раздѣленія не допускаетъ заповѣдь. «Развѣ ты не знаешь», какъ бы такъ говоритъ она, «что твой отецъ и твоя мать для тебя должны быть какъ бы однимъ лицомъ, и что своекорыстнымъ предпочтеніемъ одного изъ родителей другому ты хочешь разлучить то, что сочеталъ Самъ Богъ? Развѣ тебѣ невѣдомо, что, поступая такимъ образомъ, ты тяжко грѣшишь противъ св. союза, которымъ твои отецъ и мать призваны къ единой жизни? Или ты не понимаешь, что проявляемое тобою непочтеніе къ матери падаетъ и на твоего отца, котораго, по тѣмъ или другимъ соображеніямъ, ты ей предпочитаешь?» Итакъ, прочь неразумное и преступное раздѣленіе между родителями!

Чти отца твоего и матерь твою *такими, какими они являются въ дѣйствительности*, а не какими хотѣлъ бы ты видѣть ихъ. Не въ личныхъ качествахъ родителей, не въ томъ или другомъ складѣ ихъ умственныхъ и нравственныхъ дарованій, не въ болѣе или менѣе видномъ общественномъ положеніи и матеріальномъ обезпеченіи коренится право ихъ на почитаніе со стороны дѣтей, но, прежде и главнѣе всего, *оно основывается на Божьей волѣ*, на досточтимомъ родительскомъ

имени, свыше дарованномъ имъ. Пускай твой отецъ не блистаетъ положеніемъ и состояніемъ въ обществѣ, пусть онъ — бѣднякъ, добывающій тяжелымъ трудомъ насущный хлѣбъ, а ты славишься своей ученостью, о твоихъ рѣчахъ и дѣлахъ шумятъ газеты, тебѣ открыты двери въ высшее общество, — всѣмъ этимъ, однако, не мѣняется существо дѣла. Наоборотъ, въ такихъ-то обстоятельствахъ ты особенно долженъ чтить благословенную бѣдность родной хаты и воздать подобающее почтеніе незнатнымъ родителямъ, первымъ, проложившимъ счастливые пути твоей жизни. Вѣдь нужда и незнатность— великія воспитательницы въ родѣ человѣческомъ! И не будь ихъ, вѣроятно, не появилось бы на свѣтѣ очень многихъ «знаменитыхъ мужей», «родившихся», по древней пословицѣ, «въ темномъ мѣстѣ».

Мало того, даже и дѣйствительные пороки, которые были бы присущи твоимъ родителямъ, не освобождаютъ тебя отъ исполненія пятой заповѣди. Спаситель не имѣлъ грѣха, плотскіе же Его родители были не безгрѣшны; однако это не помѣшало Ему находиться «въ повиновеніи у нихъ» (Лк. 2, 51) и, надо полагать, такъ же и за это пользоваться «любовью Бога и людей» (ст. 52). Совершаемыя родителями погрѣшности тебя не касаются; на первомъ мѣстѣ поставленъ твой *долгъ*: «чти отца твоего и матерь твою!» И въ загробномъ мірѣ, предъ высочайшимъ престоломъ, тебя не спросятъ о томъ, какъ ты расцѣнивалъ родительскую жизнь, а потребуютъ отчета въ соблюденіи пятой заповѣди, освященной святымъ примѣромъ Спасителя и положительнымъ ученіемъ евангелія: «ни одна іота или ни одна черта не прейдетъ изъ закона, пока не исполнится все» (Мѳ. 5, 18 ср. 15, 1—10). Въ какія темныя дебри зайдемъ мы на этомъ свѣтѣ, если почтеніе и послушаніе поставимъ въ зависимость отъ нравственныхъ качествъ носителей извѣстныхъ достоинствъ! Глубокаго сожалѣнія заслуживаетъ общераспространенное теперь заблужденіе—заниматься «переоцѣнкою всѣхъ цѣнностей» и, въ злобномъ недовольствѣ нравственной стороной извѣстныхъ личностей, отказывать въ уваженіи къ носимому ими сану и служебному положенію. Корень этого зла—въ непониманіи различія между лицомъ и занимаемымъ имъ положеніемъ. Роковыя послѣдстія этой нравственной слѣпоты неисчислимы.

Вотъ почему достигшіе высокой духовной зрѣлости отцы и подвижники зорко слѣдили за точнымъ исполненіемъ разби-

раемой заповѣди. «Твердо знайте», учитъ св. *Антоній Великій* († 356 г.), «что ни преуспѣть, или возрасти и сдѣлаться совершенными вы не можете, ни умѣть вѣрно различать добро отъ зла вы не будете, если не станете повиноваться своимъ отцамъ. Отцы наши сами такъ поступали: повиновались отцамъ своимъ и слушали ихъ наставленія, почему и преуспѣли, возрасли и сдѣлались сами учителями, какъ и написано въ Премудрости сына Сирахова: „не отступай отъ повѣсти старцевъ, ибо тіи навыкоша отъ отцевъ своихъ: яко *отъ нихъ навыкнеши разуму*, и во время потребно дати отвѣтъ" (Сир. 8, 11. 12). Итакъ, повинуйтесь отцамъ своимъ—и не падете во вѣки».

Поэтому, имѣя хорошихъ родителей, дѣти должны благодарить Бога за такую милость. Но, въ случаѣ противоположныхъ обстоятельствъ, пусть они проникнутся тѣмъ еще большимъ почтеніемъ къ своимъ родителямъ, являющимся «скудельными сосудами» (1 Петр. 3, 7) богодарованной имъ чести. «Если бы твой отецъ былъ, даже, тяжкимъ преступникомъ»,— читается въ одной проповѣди, — «то и тогда своей непочтительностью ты совершилъ бы великій грѣхъ. И если бы на матери твоей напечатлѣлось клеймо крайняго позора, то и оно не избавило бы тебя отъ сыновнихъ къ ней обязанностей».—Когда-то въ одномъ мѣстечкѣ участились кражи. Власти обѣщали довольно значительную награду тому, кто поймаетъ преступника. И вотъ, явившійся предъ судомъ юноша указалъ на своего отца, какъ на вора, и потребовалъ себѣ условленной платы. Судъ не могъ не выдать обѣщанной преміи, но поступилъ такъ, что послѣдняя всецѣло поглощалась штрафомъ, наложеннымъ на молодого доносчика-сына за то, что онъ оказался неумѣстнымъ сыщикомъ, да, кромѣ того, послѣдній былъ подчиненъ особому полицейскому надзору. Судебное рѣшеніе, по *буквѣ* закона, неправильно, но за то едва ли противорѣчитъ естественному *чувству* справедливости.

Высокою почтительностью дѣтей къ родителямъ не только не устраняется, а, наоборотъ, устрояется необходимое въ ихъ взаимоотношеніи *довѣріе*, въ силу котораго дѣти не должны имѣть никакихъ секретовъ отъ родителей, ничего не дѣлать за ихъ спиной и, вообще, не предпринимать чего-л. такого, что̀ съ доброй совѣстью не могло быть сдѣлано на родительскихъ глазахъ. Если бъ ты былъ увѣренъ въ томъ, что же-

лаемое тобою удовольствіе не было бы одобрено родителями, то лучше отказаться отъ него, нежели вкушать запрещенный плодъ. Даже и самая невинная забава обойдется слишкомъ дорого въ томъ случаѣ, когда изъ за нея образуется нѣкоторое «средостѣніе» между тобою и родителями, а потому полезнѣе сократиться въ удовлетвореніи, хотя бы и сильнаго, желанія, нежели приносить ему въ жертву родительское спокойствіе. Заботься, главнымъ образомъ, о томъ, чтобы все было ясно и открыто между тобой и родителями. Въ противномъ случаѣ, т. е., допустивъ въ началѣ едва уловимую тѣнь недоразумѣнія между тобой и ими, ты подвергнешься опасности увеличить его въ грозную тучу большихъ непріятностей, концомъ которыхъ явится твое полное отчужденіе отъ родителей. Во избѣжаніе такого печальнаго послѣдствія старайся, съ первой же возможностью, повѣдать свои недоумѣнія родителямъ и будь увѣренъ, что не раскаешься въ такой откровенности.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Ученіе Спасителя о пятой заповѣди.—Почитаніе родителей со стороны взрослыхъ дѣтей.—Особое положеніе юноши по причинѣ различныхъ искушеній.—Выборъ „призванія".—Житійные примѣры.—Важность повиновенія родительскимъ совѣтамъ.—Ливингстонъ и Гарфильдъ.—Предѣлъ повиновенія родителямъ.—Исключеніями не опровергается правило.

Въ Евангеліи Самъ Христосъ попутно даетъ толкованіе пятой заповѣди. Несправедливо упрекаемый фарисеями за мнимое нарушеніе «преданія старцевъ» Его учениками (Мѳ. 15, 1—2), Господь обличаетъ возражателей въ извращеніи упомянутой заповѣди. «Зачѣмъ и вы преступаете заповѣдь Божію ради преданія вашего? Ибо Богъ заповѣдалъ: „почитай отца и мать", и „злословящій отца или мать смертью да умретъ", а вы говорите: если кто скажетъ отцу или матери: „чѣмъ бы пользовался отъ меня, то посвящено въ даръ Богу", тотъ можетъ и не почтить отца своего или мать свою. Такимъ образомъ вы устранили заповѣдь Божію преданіемъ вашимъ» (ст. 3—6).

Изъ приведенныхъ словъ Спасителя очевидно, что требуемое заповѣдію «почитай» *преимущественно относится къ взрослымъ дѣтямъ* и, далѣе, имѣетъ въ виду не одну только нравственную, но и матеріальную, т. е. проявляющуюся въ дѣлѣ, почтительность: дѣти должны помогать своимъ родите-

лямъ и дѣло помощи поставлять на первомъ мѣстѣ, причемъ послѣдняя составляетъ одинъ изъ видовъ почитанія. Изъ тѣхъ же словъ ясно, что такому *почитанію не указано границъ*, ибо ихъ не положено, а оно, начиная съ безсознательнаго, и потомъ, съ переходомъ въ сознательный возрастъ, продолжается цѣлую жизнь. Вѣдь родители и дѣти навсегда остаются въ своемъ прирожденномъ состояніи и, смѣемъ думать, даже самая вѣчность не только не истребитъ богоустановленныхъ между родителями и дѣтьми отношеній (ср. Еф. 5, 32), а только еще болѣе одухотворитъ ихъ и возвыситъ. Но для этого требуется, въ качествѣ необходимаго условія, еще здѣсь, на землѣ, положить благое начало высоко-моральнымъ отношеніямъ дѣтей къ своимъ родителямъ и, особенно, въ *критическій* для молодого поколѣнія возрастъ.

Само по себѣ ясно, что дѣтскій возрастъ—не юношескій и что въ первомъ происходило естественно и непосредственно, какъ бы интуитивно, то въ послѣднемъ является обусловленнымъ нѣкоторыми обстоятельствами, совершенно невѣдомыми невинному дѣтству. Ребенку все просто и понятно, *юноша* надъ всѣмъ задумывается и обо всемъ критически разсуждаетъ, особенно, подъ напоромъ мучительныхъ страстей и сомнѣній, обильно питаемыхъ превратными примѣрами и ученіями и, какъ морской песокъ, расплодившейся безнравственною литературой. «Вино глумливо, сикера буйна» (Прит. 20, 1)— слова Премудраго, справедливо примѣнимыя и къ взятому возрасту. Привыкающій къ *сознательному* воспріятію происходящихъ явленій, впечатлительный юноша, естественно, начинаетъ подмѣчать слабости и видѣть тѣневую сторону различныхъ лицъ и учрежденій, до сихъ поръ являвшихся предъ нимъ только въ радужномъ освѣщеніи. Вотъ тутъ-то и наступаетъ *искушеніе* для почитанія: пойдетъ ли юноша по стопамъ почтительныхъ Сима и Іаоета, или же предпочтетъ имъ отверженнаго Хама? «Плохая птица, что загаживаетъ свое гнѣздо». Плохъ и такой юноша, который не стыдится забрасывать грязью домъ, въ которомъ онъ выросъ, воспитательное заведеніе, въ которомъ получилъ образованіе, Церковь, освятившую всю его жизнь, Отечество, вскормившее и оберегающее все его бытіе, старшихъ, положившихъ много заботъ на его преспѣяніе. Такое поведеніе—отвратительная низость, ибо, позорящій родившихъ его отца и мать, еще болѣе позоритъ себя самого.

Обратимся напередъ къ положительной сторонѣ дѣла,—вопросу объ избраніи рода практической жизни.

«*Призваніе*»,—какое заманчивое слово! Однако, напередъ требуется поглубже вникнуть въ его смыслъ, чтобы оно повело къ прекрасному дѣлу, ибо *гдѣ призваніе, тамъ долженъ быть также и призывающій*. Словами: «таково мое призваніе» каждый выражаетъ не иное что, какъ одно: «къ этому я призванъ». Но Призывающій есть *Самъ Богъ*, и потому, въ вопросѣ о выборѣ призванія, каждый долженъ имѣть увѣренность въ томъ, что его рѣшеніе въ сторону извѣстной карьеры основывается, дѣйствительно, на небесномъ призваніи и находится въ совершенномъ согласіи съ Божьей волей. Какимъ же, спрашивается, образомъ *опознать* это призваніе? Существуютъ ли болѣе или менѣе опредѣленные *признаки* послѣдняго, и можно ли болѣе точно опредѣлить ихъ?

Несомнѣнно, бываютъ такіе счастливые молодые люди, которымъ не приходится переживать тяжелыхъ мукъ въ рѣшеніи вопроса о своемъ призваніи. Природныя дарованія, опредѣлившіяся склонности, родительская воля, внѣшнія обстоятельства,—все въ высокой степени благопріятно складывается для нихъ, такъ что они твердо и не колеблясь вступаютъ на предлежащій путь. Такъ, напримѣръ, священническій сынъ становится ревностнымъ служителемъ алтаря, мальчикъ изъ военнаго званія—бравымъ офицеромъ, сынъ врача—продолжателемъ профессіи своего родителя. Въ другихъ случаяхъ, въ которыхъ дѣти хотя и не идутъ по стопамъ отцовъ, довольно рано, однако, проявляются извѣстныя склонности и настолько ясно предопредѣляютъ будущее призваніе, что избраніе послѣдняго не сопровождается никакими особыми затрудненіями. Такимъ дѣтямъ, подлинно, *прирождено* призваніе и, такъ сказать, съизмальства начертано въ ихъ сердцѣ. Въ перечисленныхъ случаяхъ, думается, нельзя сомнѣваться въ дѣйствительности «божественнаго» призванія, ибо оно выражается, обыкновенно, не посредствомъ чудесъ и знаменій, а естественнымъ ходомъ вещей, въ которомъ благочестивая душа открываетъ для себя путь въ Божьемъ міроправленіи и попечительномъ промыслѣ.

Въ выборѣ призванія необходимо имѣть предъ глазами *три существенныхъ обстоятельства:* во первыхъ, *личныя дарованія молодыхъ людей*; во вторыхъ, *желаніе и волю родителей*, которыхъ Самъ Богъ поставилъ Своими замѣстителями

для дѣтей, и, въ третьихъ, многоразличныя *внѣшнія условія*. Если указанныя три линіи сходятся въ одной точкѣ, то, значитъ, все въ добромъ порядкѣ. Но какъ поступать въ противоположномъ случаѣ, когда эти линіи или совсѣмъ не пересѣкаются въ одной точкѣ, или же расходятся въ совершенно противоположныхъ направленіяхъ въ такомъ, напримѣръ, случаѣ, гдѣ природныя дарованія и горячія симпатіи юноши указываютъ на ученую карьеру, а родительская воля и внѣшнія обстоятельства понуждаютъ приняться за торговое дѣло? Возьмемъ такой случай, въ которомъ молодой человѣкъ ни въ своихъ дарованіяхъ и склонностяхъ, ни въ родительской волѣ, ни въ расположеніи сопутствующихъ обстоятельствъ не получаетъ ясныхъ указаній на избраніе житейскаго пути. Такое неопредѣленное положеніе не можетъ продолжаться въ безконечность, и рано ли, поздно ли, но только всякимъ колебаніямъ долженъ быть положенъ предѣлъ. Какъ же, спрашивается, выйти изъ сложившагося затрудненія? Пусть, этотъ юноша не имѣетъ опредѣленнаго призванія, однако, хотя бы въ довольно общихъ чертахъ, такъ или иначе оно обозначается уже тѣмъ состояніемъ, въ которомъ онъ родился, тою житейскою средой, къ которой онъ принадлежитъ, тѣми условіями, которыми окруженъ онъ, наконецъ, школой, которая воспитала его. Да идетъ таковой во имя Божіе въ указанномъ направленіи; частности и ближайшія нужды выяснятся подъ воздѣйствіемъ окружающихъ обстоятельствъ, разумѣется, подъ условіемъ серьезной вдумчивости въ свое положеніе и дѣятельной вѣры въ благой Промыслъ. Изъ житій святыхъ извѣстно довольное число примѣровъ такого рода. Возмемъ нѣкоторые. Такъ, напримѣръ, сынъ знаменитаго черниговскаго боярина Ѳеодора Бяконта, отрокъ Елеѳерій воспитывался въ родительскомъ домѣ. Одно необыкновенное событіе предуказало его будущую судьбу. Однажды онъ разставлялъ сѣти для ловли птицъ, на этотъ разъ неудачной, и, утомившись, заснулъ. Вдругъ слышитъ во снѣ слова: «Алексѣй, что всуе трудишься? Тебѣ предстоитъ ловить человѣковъ». Елевѳерій пробудился. Непонятны были ему и значеніе словъ, и новое имя Алексія. Съ этого времени въ немъ произошла удивительная перемѣна. Мальчикъ сталъ задумчивъ, молчаливъ, удалялся отъ дѣтскихъ игръ и охотнѣе сталъ читать божественныя книги. Таинственный голосъ пробудилъ его дремавшую душу и отъ дѣтскихъ забавъ обратилъ ее къ болѣе важнымъ занятіямъ. Наклонность

къ чтенію и молитвѣ росла въ немъ съ каждымъ годомъ. Вскорѣ онъ покинулъ міръ и поступилъ въ московскій Богоявленскій монастырь, гдѣ и постригся въ двадцатилѣтнемъ возрастѣ подъ именемъ *Алексія*, которому Господь судилъ сдѣлаться знаменитымъ митрополитомъ и оказать безцѣнныя заслуги русской землѣ [1]). Другой примѣръ. Мать преп. *Θеодосія Печерскаго* [2]) горячо любила своего, по смерти отца осиротѣвшаго, сына, но только долгое время не могла помириться съ его аскетическими наклонностями. Ей казалось унизительнымъ, что Θеодосій носитъ бѣдную одежду, что раздѣляетъ крестьянскіе труды,—и она старалась то лаской, то сильными угрозами отвлечь его отъ такого образа жизни и внушить ему любовь къ земнымъ благамъ. Однако ничто не дѣйствовало на пламенѣвшую любовью къ Богу душу отрока. Много пришлось ему претерпѣть отъ гнѣвавшейся матери. Однажды онъ рѣшился тайно уйти съ богомольцами въ Іерусалимъ; но мать поспѣшила за нимъ, настигла его и, жестоко наказавъ, привела домой. Много тяжкихъ огорченій и побоевъ пришлось перенести набожному сыну отъ родной матери, пока, наконецъ, благодаря твердымъ убѣжденіямъ и молитвамъ сына, и она сама поступила въ одинъ изъ кіевскихъ монастырей [3]).

Существенныя затрудненія возникаютъ въ послѣднемъ случаѣ, т. е., когда три линіи *расходятся въ противоположныхъ* направленіяхъ. Какъ опредѣлить тогда истинное призваніе и чѣмъ удостовѣриться въ требующемся для него Божьемъ благословеніи? Повторимъ вышеуказанный примѣръ, въ которомъ сынъ стремится къ ученой карьерѣ, а его родитель хочетъ видѣть въ немъ будущаго коммерсанта. Какъ быть? Отецъ отказывается выдавать сыну средства для продолженія образованія въ учебномъ заведеніи, а житейскій бытъ «нищаго-студента» весьма печаленъ, не говоря уже о другомъ, что, въ случаѣ сыновней настойчивости и рѣшимости—выйти на излюбленный путь, послѣдняя обойдется чрезвычайно дорого для семейнаго мира. Въ данномъ случаѣ ничего болѣе не остается, какъ только разсѣчь Гордіевъ узелъ въ направленіи подчиненія родительской власти и, хотя съ утѣсненнымъ сердцемъ, однако приняться за указанный родителемъ трудъ, предоставивъ даль-

---

1) † 1378 г., 12 февраля, подъ каковымъ числомъ см. его Житіе.

2) † 1074 г.

3) См. Житіе пр. Θеодосія подъ 3 мая.

нѣйшее Божьей волѣ, которая можетъ измѣнить родительское расположеніе въ желательномъ сыну направленіи подъ условіемъ, что, дѣйствительно, въ ученой сферѣ долженъ пролегать житейскій путь взятаго въ нашемъ примѣрѣ юноши.

Къ счастью, въ обыденной жизни не такъ многочисленны подобные примѣры. Въ болѣе частыхъ случаяхъ юношеское стремленіе наталкивается на противоположное ему желаніе отца, подчасъ соглашающагося, хотя и не совсѣмъ охотно, уступить настойчивому стремленію сына. Нѣтъ спору, что находящійся въ такихъ обстоятельствахъ молодой человѣкъ сошлется на примѣры, когда тотъ или другой изъ знакомыхъ ему сверстниковъ, благодаря усиленной настойчивости, съ какою онъ добился родительскаго соизволенія на избраніе любимой карьеры, блистательно оправдалъ въ будущемъ свои симпатіи и занялъ видное положеніе въ обществѣ. Какъ бы то ни было, не будемъ возводить въ правило исключительныхъ примѣровъ, не обойдемъ такъ же и противоположныхъ имъ и потому совѣтуемъ молодымъ дюдямъ *не относиться легкомысленно къ завѣтнымъ родительскимъ желаніямъ*. Каждый, идущій наперекоръ родительскому желанію, сынъ нравственно обязанъ отвѣтить по чистой совѣсти на вопросъ: побудительныя причины къ избранію извѣстнаго рода жизни настолько ли безупречны и важны, чтобы изъ-за нихъ вступать въ столкновеніе съ родителями? Расходящееся съ ними стремленіе молодого человѣка дѣйствительно ли является внутреннимъ призваніемъ? Не слышно ли здѣсь предательскаго внушенія лукавой совѣсти, уязвленнаго самолюбія, болѣзненнаго позыва къ болѣе спокойной и беззаботной жизни, къ пріумноженію внѣшнихъ благъ и мірскихъ почестей? Справедливо ли призваніе, долженствующее по его смыслу являться осуществленіемъ безкорыстной любви къ ближнимъ, начинать оскорбленіемъ этой послѣдней—и по отношенію, именно, къ самому близкому изъ всѣхъ ближнихъ—родному отцу?

Что бы ни приводили въ свое оправданіе пылкіе молодые люди, — имъ никогда не удается опровергнуть той истины, что *родители лучше знаютъ дарованія своихъ дѣтей, нежели сами обладатели*, и что едва ли рѣшатся направлять послѣднихъ туда, куда имъ нѣтъ никакихъ основаній устремляться. Вѣдь слѣдуетъ имѣть въ виду и то, что такихъ дѣтей очень мало, природныя способности которыхъ направлялись бы только въ какую-либо *одну* сторону и могли бы развернуться во

всей красѣ лишь на какомъ-либо опредѣленно-очерченномъ поприщѣ. Отсюда вполнѣ справедливымъ является предположеніе, что природныя дарованія этихъ, именно, дѣтей не отличаются строгою опредѣленностью или односторонностью, и потому, особенно при добромъ прилежаніи, мнившій себя на профессорской каѳедрѣ можетъ пожать болѣе пышные лавры за коммерческимъ предпріятіемъ—дѣломъ, весьма почтеннымъ въ себѣ самомъ и ничуть не повинномъ въ его приниженіи безчестными его исполнителями. Да не всегда и въ будущемъ, при отцовскомъ занятіи, встрѣтятся затрудненія — отдаваться любимому дѣлу. Такъ, напримѣръ, подчасъ профессоръ или священникъ занимаются живописью и музыкой, или послѣдній подаетъ своимъ пасомымъ медицинскіе совѣты, врачъ выступаетъ въ качествѣ моралиста, коммерсантъ является въ роли мецената, королева пишетъ романы, императоръ становится на мѣсто пастора... Въ одномъ музеѣ нѣкогда была выставлена картина, изображающая земной шаръ и восходящаго на него, съ гордымъ лицомъ, разодѣтаго и самоувѣреннаго, молодого человѣка. «Такъ разсудилъ я самъ съ собой—пройти туристомъ шаръ земной»—гласила подпись съ одной стороны изображенія, а съ другой—другая картина: тотъ же молодой человѣкъ является предъ зрителемъ въ очень плачевномъ видѣ: согбенный, усталый и въ жалкомъ рубищѣ. Надпись: «вокругъ мой путь такъ труденъ былъ, что я все счастье погубилъ».

Совершенно особыя задачи и трудности возникаютъ въ томъ случаѣ, когда природныя дарованія и склоности къ извѣстному призванію находятъ опору въ родительскихъ волѣ и желаніи, за то великое препятствіе — во *внѣшнихъ* обстоятельствахъ. Такъ, напримѣръ, даровитый юноша можетъ имѣть пламенное стремленіе къ научнымъ занятіямъ, но испытываетъ неодолимый гнетъ бѣдности. Утѣшить такого возможностью снискать пропитаніе личнымъ трудомъ, въ сущности, значитъ только признать наличность горькой нужды, потому что «возможность»— весьма растяжимое понятіе. Одинъ видитъ возможность лишь въ томъ случаѣ, когда напередъ уже все представляется ровнымъ и яснымъ, и когда возникающія затрудненія такого рода, что съ ними легко бороться и преодолѣть ихъ. Другой, наоборотъ, не хочетъ признавать никакой невозможности и рѣшительно убѣжденъ въ томъ, что не существуетъ такихъ затрудненій, которыхъ нельзя было бы одолѣть прилежаніемъ, выносливостью и терпѣніемъ. Перваго рода молодые люди только

тогда движутся впередъ, когда имъ благопріятствуютъ обстоятельства. Да и позднѣе, уже нашедшіе опредѣленное призваніе, они совершаютъ лишь то, что едва только возвышается надъ самымъ зауряднымъ: для отвѣтственныхъ положеній они пока еще не выростаютъ. Наоборотъ, люди выдающейся предпріимчивости, видящіе въ различныхъ затрудненіяхъ Самимъ Богомъ указанную для рѣшенія задачу, нерѣдко съ поразительнымъ успѣхомъ преодолѣваютъ ихъ и выходятъ потомъ на свѣтлый житейскій путь.

Знаменитый шотландскій миссіонеръ и путешественникъ по Африкѣ *Давидъ Ливингстонъ*, былъ сыномъ бѣднаго торговца и не имѣлъ ровно никакихъ средствъ хотя бы для элементарнаго обученія. Начиная съ девятилѣтняго возраста онъ вынужденъ былъ цѣлыми днями работать на фабрикѣ, чтобы облегчить родителямъ житейскую нужду. Отъ шести часовъ утра начинался фабричный день и продолжался до восьми вечера. Откуда взять мальчику времени для науки? Рѣшившійся на сомопожертвованіе, Ливингстонъ отнялъ у себя часы покоя: отъ восьми и до двѣнадцати, а иногда и за-полночь онъ отдавался наукѣ. Озабоченная мать нерѣдко закрывала книжку и насильно уводила мальчика на постель. Да и самыя книги-то онъ долженъ былъ добыватъ съ большимъ трудомъ. Получивъ недѣльный заработокъ и отдавъ часть его матери, на оставшуюся онъ купилъ латинскую грамматику, которой и занимался въ ночное время, причемъ достигъ столь поразительныхъ успѣховъ, что въ шестнадцатилѣтнемъ возрастѣ могъ свободно читать и основательно усвоилъ Вергилія и Горація. Дальше—новое затрудненіе; какъ получить медицинское образованіе? Вечернихъ курсовъ на это не хватало, и вотъ неутомимый Ливингстонъ хитроумно изобрѣтаетъ другой путь. Работая на прядильной машинѣ, онъ помѣщалъ книгу на ней такъ, что можно было во время самой работы постепенно читать строки, между тѣмъ какъ вокругъ шумно бурлила фабричная жизнь. Усвоенное такимъ образомъ знаніе Ливингстонъ дополнялъ въ зимнее время, поступивъ для этого въ Гласговскій университетъ, право обученія въ которомъ трудолюбивый студентъ оплачивалъ заработанными на фабрикѣ деньгами. Такъ, въ концѣ концовъ, Ливингстонъ сдѣлался врачемъ и путешественникомъ, ни отъ кого не получивъ для этого ни одного гроша. И когда, впослѣдствіи, знаменитый африканскій путешественникъ въ дѣвственной чащѣ первобытныхъ лѣсовъ,

среди многочисленныхъ неодолимыхъ препятствій, велъ свой дневникъ и писалъ любопытныя наблюденія, то ему посчастливилось это исполнить только благодаря раньше пріобрѣтенному навыку—заниматься подъ стукъ фабричныхъ машинъ.

Замѣчательна такъ же судьба павшаго отъ предательской руки (въ 1881 г.) президента Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ *Джемса Гарфильда.* Вся его жизнь служитъ яснымъ свидѣтельствомъ особаго Божія промышленія объ избранномъ человѣкѣ, восходящемъ отъ силы въ силу, не взирая на множество неодолимыхъ препятствій. И, подлинно, этотъ человѣкъ гигантскимъ шагомъ отъ простого блокгауза поднялся на президентское кресло. Поразительная тайна этого восхожденія кроется въ добросовѣстномъ использованіи Гарфильдомъ своихъ талантовъ и неустаннымъ трудолюбіи въ положеніяхъ земледѣльца, моряка, плотника, учителя, и въ непоколебимымъ упованіи на благой Промыслъ. Разумѣется, далеко не всякій предназначенъ къ высокому служенію; но за то каждый долженъ помнить непреложныя слова: «да будетъ воля Твоя!»

Мудрая пословица учитъ: «на Бога надѣйся, и самъ не плошай!» Къ несчастью, многіе перетолковываютъ ее въ антирелигіозномъ смыслѣ, предоставляя *самому* человѣку, съ его ограниченными силами, устроеніе своей жизни и нисколько не озабочиваясь всемогущимъ участіемъ въ ней Божественнаго Промышленія. Не таково христіанское ученіе, по смыслу котораго *каждый долженъ молиться о небесной помощи*, твердо уповать на нее и во всемъ поступать по разуму своей вѣры, не смотря на всевозможныя препятствія. «Богъ намъ прибѣжище и сила, Помощникъ въ скорбехъ обрѣтшихъ ны зѣло», воспѣваетъ Св. пророкъ Давидъ. «Сего ради не убоимся, внегда смущается земля, и прелагаются горы въ сердца морская» (Пс. 45, 1. 2):

По народной поговоркѣ, «всякій—кузнецъ своего счастья». Смыслъ ея не тотъ, что человѣкъ можетъ обойтись безъ небесной помощи, потому что, по еще болѣе достовѣрному свидѣтельству, «аще не Господь созиждетъ домъ, всуе трудишася зиждущіи» (Пс. 126, 1), а другой: „кузнецомъ“ своего счастья каждый является не потому только, что въ старости пожинаетъ посѣянное въ молодости, но и по другой причинѣ, ибо ковка желѣза—тяжелый трудъ, требующій большого напряженія. Не во снѣ и лѣни приходитъ счастье, а только въ про-

цессѣ напряженнаго усилія, труда и неослабной борьбы съ противными обстоятельствами, а для этого необходима сверхъестественная помощь.

Для *послѣдующей* жизни дѣтей ихъ чистосердечіе по отношенію къ родителямъ имѣетъ чрезвычайно важное значеніе. Какъ часто только одно воспоминаніе о давно уже почившей матери, ея мысленный образъ или одно, когда-то сказанное слово, удерживало многихъ отъ страшныхъ преступленій! Кто не знаетъ такихъ примѣровъ?

Однако, возражаютъ, всякому почитанію должны быть положены *предѣлы*. Развѣ нѣтъ случаевъ, особенно въ нашъ безумный вѣкъ, что сами родители оказываются крайними губителями и развратителями своихъ дѣтей? Вотъ отецъ пріучаетъ мальчика—сына къ хмѣльному питью; тамъ мать посылаетъ свою дочь на легкій промыселъ; то воровству, то попрошайству, то разврату сами же родители обрекаютъ своихъ дѣтей. Статистика преступленій изобилуетъ такими вопіющими фактами.

Дѣйствительно, отрицать этихъ ссылокъ нельзя. Чѣмъ дальше, тѣмъ больше преступленій выходитъ изъ тѣхъ мѣстъ, откуда должно было бы проливаться одно благословеніе. Но, спрашивается, какое значеніе имѣютъ эти случаи для нашего дѣла? Можно ли, опираясь на нихъ, отрицать или хотя нѣсколько видоизмѣнить *основное* требованіе пятой заповѣди? Сколько, напримѣръ, случаевъ злого банкротства, никакого коммерсанта не обязывающаго, однако, къ отрицанію добросовѣстности въ торговомъ дѣлѣ; сколько злоупотребленій въ финансовыхъ операціяхъ, не уничтожающихъ, однако, пользы биржевыхъ комитетовъ; какъ, подчасъ, погрѣшаютъ самые прозорливые судьи, и, не смотря на то, ищущій справедливости не можетъ обойтись безъ ихъ услугъ; какія потрясающія драмы происходятъ на моряхъ изъ-за непростительной небрежности капитановъ, однако, они остаются полными распорядителями морскихъ гигантовъ.... и должны оставаться каждый на своемъ мѣстѣ, пока люди еще въ состояніи различать между лицами и должностями. *Говоримъ объ основныхъ правилахъ жизни, а не объ исключеніяхъ*. Чтожъ касается послѣднихъ, то, по свидѣтельству печальнаго опыта, и «въ семьѣ не безъ урода». Въ случаѣ, окажется такимъ отецъ или мать,—дѣтямъ предоставляется возможность, нисколько не оскорбляя родительскихъ чувствъ, помнить мудрый отвѣтъ апостоловъ синедріону: «справедливо ли предъ Богомъ слушать

васъ болѣе, нежели Бога»? (Дѣя. 4, 19). Необходимо только приэтомъ имѣть въ виду слѣдующее, что, для ссылки на Всеправеднаго Судію, требуется напередъ слышать въ совѣсти своей Его повелительный голосъ. Принимаемая на себя дѣтьми отвѣтственность въ исключительныхъ случаяхъ чрезвычайно велика и опасна. Такъ, напримѣръ, превосходившая женскую любовь Іонаѳана къ Давиду (2 Цар. 1, 26), въ связи съ бурными обстоятельствами ихъ жизни и съ предпочтеніемъ вдохновеннаго Духомъ Божіимъ друга истерзанному злымъ духомъ отцу, уполномочивала царственнаго сына на особыя отношенія къ своему другу. Но совсѣмъ иначе обстояло дѣло съ измѣнникомъ Авессаломомъ, поднявшимъ народное возмущеніе противъ своего отца и задумавшимъ насильственно, хотя бы цѣною жизни Давида, сѣсть на его престолѣ. «Я убью царя», говоритъ мятежному сыну Ахитофелъ. И что же отвѣчаетъ Авессаломъ? «И понравилось это слово Авессалому», читается въ книгѣ царствъ (2 Цар. 17, 2. 4). По замѣчательно-краснорѣчивому толкованію З л а т о у с т а, «злоба Авессалома не достигла цѣли, чтобы отцеубійцы не приняли его поступка за правило отцеубійства; но, послуживъ какъ исполнитель наказанія, онъ самъ убитъ, какъ осужденный. Подобно тому, какъ на зрѣлищахъ дикія звѣри на однихъ нападаютъ, а другими сами убиваются,—такъ Авессаломъ, напавши на Давида, былъ пораженъ Іоавомъ (2 Цар. 18, 14), и на высокомъ деревѣ повисъ тотъ, который превозносился передъ отцомъ; растеніемъ удержанъ тотъ, который возсталъ противъ корня; въ вѣтвяхъ запуталась вѣтвь, отломившаяся отъ родительскаго расположенія; за голову былъ удержанъ тотъ, который домогался главы отца; висѣлъ, какъ плодъ отъ растенія, тотъ, который хотѣлъ истребить виновника своей природы; пораженъ былъ въ сердцѣ и убитъ въ то самое мѣсто, гдѣ умышлялъ убійство» [1]). Наоборотъ, какъ ни страшенъ былъ въ своей ярости одержимый злымъ духомъ Саулъ, сынъ его Іонаѳанъ, всетаки, раздѣлилъ съ отцомъ трагическую

---

[1]) *Златоустъ*, Творен. въ рус. пер. Спб. 1899, Т. 5, стр. 9. „Богомъ дана заповѣдь: „чти отца твоего и матерь“ (Исх. 20, 12), и ее преступилъ сынъ Давидовъ. Почему послѣдній, (т. е. Давидъ), для исправленія его (Авессалома) и для вразумленія многихъ, молитъ Бога не долготерпѣть, но востать гнѣвомъ, воставъ, отомстить за Свою заповѣдь (Пс. 7. 7). Онъ говоритъ: отомсти не за меня, но за пренебреженіе заповѣди, которую Самъ Ты далъ“ *(Васил. Вел.* Толк. на пс., рус. пер., Моск., 1845, стр. 199).

смерть на бранномъ полѣ: «Саулъ и Іонаѳанъ», какъ оплакивалъ ихъ Давидъ, «не разлучились и въ смерти своей» (2 Цар. 1, 23). Подлинно, выразимся словами старца Зосимы, даже «и отъ самаго дурного семейства могутъ сохраниться воспоминанія драгоцѣнныя, *если только сама душа твоя способна искать драгоцѣнное*» [1]).

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Проистекающее изъ почитанія родителей храненіе дѣтьми „отеческихъ преданій".—Происходящее отъ нарушенія послѣднихъ зло.—Пояснительные примѣры.—Сократъ и Главконъ.

Итакъ, «чти отца твоего и матерь твою» *въ полнотѣ ихъ духовнаго бытія*, ихъ нравственнаго облика, ихъ желаній, стремленій, священныхъ идеаловъ и надеждъ ихъ. Находятся ли родители въ живыхъ, или отошли въ лучшій міръ,—этимъ не измѣняется, по существу, долгъ почитанія; а что касается до окончанія ими земного поприща, то это послѣднее обстоятельсво, особенно въ связи съ предсмертнымъ родительскимъ завѣщаніемъ, обязываетъ дѣтей къ тѣмъ еще большему почитанію блаженной памяти почившихъ.

Благоговѣя предъ послѣднею, разумныя дѣти отнюдь не дерзнутъ на весьма опасное «передвиженіе давней, отцами проведенной, межи» (Прит. 22, 28), и, какими незначительными по ихъ общественному положенію ни были бы послѣдніе, со страхомъ воздержатся отъ пагубнаго самопревозношенія, которымъ заклеймилъ себя и расточилъ доставшееся ему отцовское достояніе непочтительный наслѣдникъ: «мой мизинецъ толще чреслъ отца моего»—говорилъ онъ (3 Цар. 12, 10). Другими словами: пятая заповѣдь обязываетъ дѣтей *хранить родительскія* (respect.: «отеческія») *преданія*, не порывать установившейся связи съ сѣдою стариной и не набрасываться съ жадностью на новое и заимствованное, о чемъ съ неподражаемою силой молитвеннаго вдохновенія сказано въ извѣстномъ молебствіи: «оставихомъ путь правды Твоея и ходихомъ въ воляхъ сердецъ нашихъ; еще же и отеческая преданія ни во чтоже вмѣнивше, прогнѣвахомъ Тя о чуждихъ. Ихже ради, якоже древле сыновъ исраилевыхъ, тако и насъ объятъ лютое обстояніе, и о ихже

[1]) *Достоевскій*, Братья Карамазовы, Спб. 1882, Т. I, стр. 324).

ревновахомъ наставленіихъ, сихъ враговъ имѣяхомъ буіихъ и звѣронравныхъ» [1]).

Отъ природы надѣленные замѣчательными душевными способностями и силою историческихъ обстоятельствъ вынужденные къ чужеземнымъ заимствованіямъ, русскіе люди въ этомъ отношеніи дошли до преступной и недостойной великой страны подражательности. Страшно и стыдно вспомнить, напримѣръ, дикую вакханалію извращенно-понятой „свободы", тому назадъ пять лѣтъ происходившую въ Царствующемъ Градѣ Св. Петра. Кто не видѣлъ тогда этихъ развѣвающихся красныхъ флаговъ на столичныхъ улицахъ, оглашаемыхъ пѣніемъ марсельезы? Неужели это раздавалась похоронная пѣснь нашему Самодержавію, а въ царелюбивую Россію приглашалась страшная гостья— въ видѣ революціи, бурно пронесшейся сто лѣтъ тому назадъ въ «дружественной» намъ странѣ? Если «да», то оставалось, для большаго сходства въ подражаніи, воздвигнуть на одной изъ столичныхъ площадей гильотину и приставить къ ней усердныхъ палачей. Но скажите ради Бога: какое отношеніе имѣетъ къ намъ, *русскимъ* людямъ, *французская* марсельеза? Неужели еще и до сихъ поръ мы не въ силахъ освободиться отъ рабскаго подражанія всему чужеземному и настолько отупѣли, что не можемъ обойтись, даже, безъ заимствованія чуждой намъ революціонной пѣсни? Такова ли наша исторія, все наше прошлое, чтобы и намъ легкомысленно пробавляться взятыми напрокатъ обычаями и терминами, изобличающими только нравственное убожество извѣстныхъ «ревнителей» отечественнаго блага, надѣющихся добыть ихъ огнемъ и кровью, буйнымъ насиліемъ и всѣми ужасами производимыхъ у насъ погромовъ? Все это въ высшей степени ужасно и странно, но, къ сожалѣнію, дѣйствительно!

Въ западной Европѣ—тамъ *свое и намъ совершенно-чужое прошлое.* Тамъ своя особая исторія, свои особые счеты съ былой феодальной системой, съ особыми экономическими нуждами, съ омірщеннымъ римско-католическимъ духовенствомъ, съ темными іезуитскими кознями, съ реформаціонными движеніями, съ невообразимыми ужасами «священной инквизиціи» и съ другими обстоятельствами, насъ не касающимися. Поэтому,

[1]) „Послѣдов. благодарств. и молебнаго пѣнія... въ воспоминаніе избавл. Церкве и Державы Россійскія отъ нашествія галловъ и съ ними двадесяте языкъ".

распространенныя теперь у насъ выраженія: «отдѣленіе церкви отъ государства», «секуляризація церковныхъ имуществъ», «клерикализмъ», «соціалъ-демократія» и проч. только еще разъ обличаютъ насъ въ крайней некультурности, въ какой-то японской подражательности и въ болѣзненномъ аппетитѣ къ соблазнительнымъ кушаньямъ за чужимъ столомъ [1]).

Происходившее въ большомъ происходитъ и въ маломъ: рѣдкая семья свободна отъ упомянутаго злого недуга. Не успѣетъ еще охладѣть тѣло почившаго родителя, какъ почувствовавшій свободу сынъ спѣшно заявляетъ о своихъ правахъ и осуществляетъ ихъ въ «модномъ» направленіи. Вскорѣ же проносится семейная революція. Богатый наслѣдникъ доставшихся ему капиталовъ преобразуетъ старинный, напримѣръ, купеческій домъ на барскій ладъ и самъ придаетъ себѣ до смѣшного изысканную внѣшность. Для собственнаго удовольствія заводятся рысаки и пышный выѣздъ. Какъ сорвавшійся съ привязи конь, молодой юнецъ мчится въ театръ, въ циркъ, на скачки, въ общество продажныхъ женщинъ. Праздники, посты и благочестивые церковные обычаи,—все это пренебрегается, подчасъ, не столько искренно, сколько по подражанію «буіимъ и звѣронравнымъ». И такъ проходятъ мѣсяцы, а за ними и годы, пока (а это происходитъ довольно часто) надъ нѣкогда пышнымъ мотомъ не разразится гроза, и онъ не испытаетъ злой участи блуднаго сына: «и желаше насытити чрево свое отъ рожецъ, яже ядяху свинія: и никтоже даяше ему» (Лк. 15, 16).

Сколько печальныхъ примѣровъ даютъ тѣ крестьянскія семьи, дѣти которыхъ отправляются на «отхожій промыслъ» и тысячами гибнутъ въ фабричныхъ омутахъ, главнымъ образомъ, изъ-за увлеченья «веселой жизнью» и пренебреженья добрыми обычаями и преданьями родного дома. Вотъ, какъ разсуждаетъ объ этомъ одинъ изъ серьезныхъ печальниковъ нашей деревни. «Оторвите крестьянина отъ земли, отъ тѣхъ заботъ, которыя она налагаетъ на него, отъ тѣхъ интересовъ, которыми она волнуетъ крестьянина—добейтесь, чтобъ онъ забылъ „крестьянство",—и нѣтъ этого народа, нѣтъ народнаго міросозерцанія, нѣтъ тепла, которое идетъ отъ него. Настаетъ душевная пустота, „полная воля", т. е. невѣдомая пустая даль, безграничная пустая ширь, страшное „иди, куда хошь"» [2]). Что касается

[1]) *Аквилоновъ Е.*, Проф.-прот.: Объ истинной свободѣ и нрав. долгѣ. Спб. 1905, стр. 15.

[2]) *Успенскій Гл. И.*: изъ „Власти Земли".

нашей «интеллигенціи», то ея преступную измѣну родинѣ заклеймилъ поэтъ въ слѣдующемъ стихотвореніи:

„Никто поклониться ему [1] не придетъ,—
Забыли потомки свой доблестный родъ!
Въ блестящей столицѣ иные изъ нихъ
Съ ничтожной смѣшались толпой;
Повѣтрія моды умчали другихъ
Изъ родины въ міръ имъ чужой.
Тамъ русскій отъ русскаго края отвыкъ,
Забылъ свою вѣру, забылъ свой языкъ"! [2])

Главный недостатокъ современнаго юношества—это *отсутствіе почтенія* къ тѣмъ лицамъ и учрежденіямъ, которыя составляли драгоцѣнную святыню для молодыхъ людей сравнительно еще недавняго прошлаго. Наиболѣе почтенные воспитатели, коротко знающіе теперешнихъ юношей, всѣ единогласно жалуются на поразительный упадокъ уваженія въ младшихъ по отношенію къ старшимъ. Доказательствъ этого печальнаго явленія, къ сожалѣнію, слишкомъ много. Непочтительныя замѣчанія по отношенію къ родителямъ, неуваженіе и резонерство по адресу своихъ воспитателей и школы, высокомѣрное сужденіе о распоряженіяхъ начальствующихъ лицъ, презрительное отношеніе къ общественнымъ учрежденіямъ и законамъ, отрицаніе добрыхъ преданій и обычаевъ прошлаго,—вотъ, чѣмъ занимается нынѣшняя молодежь въ большинствѣ случаевъ, не считая, конечно, исключеній. Что касается, въ частности, Церкви, этой общей всѣмъ духовной матери, то къ ней они совершенно равнодушны, а то и рѣшительно враждебны и ни мало не озабочены исполненіемъ ея уставовъ и обычаевъ. По требованію принудительныхъ обстоятельствъ они, скрѣпя сердце, еще подчиняются обязательнымъ постановленіямъ и лицамъ, отъ которыхъ зависитъ ихъ будущая судьба; однако, нетерпѣливо ждутъ времени, въ которое свергнутъ съ себя тяжкое иго и, по достиженіи цѣли, стараются забыть о своихъ воспитателяхъ и, даже, не узнаютъ ихъ при случайныхъ встрѣчахъ.

Въ своихъ «Воспоминаніяхъ» о Сократѣ Ксенофонтъ разсказываетъ поучительную исторію одного молодого аѳинянина, который, не имѣя еще и двадцати лѣтъ отъ роду, задумалъ

[1]) Забытому дому.

[2]) Гр. *А. Толстой,* стих.: „Пустой домъ". См. Полн. собран. Соч., изд. Маркса, Спб., 1907, Т. I, стр. 368.

попасть въ государственные люди и сталъ усердно произносить публичныя рѣчи, въ надеждѣ привлечь къ себѣ народное расположеніе. Сократъ, когда молодой человѣкъ пришелъ къ нему, спросилъ его: «слышу я, Главконъ, что тебѣ очень хочется имѣть власть въ государственномъ управленіи?»—«Да, признаюсь, хочется».—«Какая прекрасная доля», сказалъ ему Сократъ, «управлять государствомъ! Только, я думаю, и ты согласенъ со мною, что такая честь не дается даромъ: надо чѣмъ-нибудь заслужить ее».—«О, конечно!».—«Скажи-ка мнѣ»,—продолжалъ Сократъ,—«съ чего-жъ бы ты началъ, напримѣръ?»—Молодой человѣкъ не далъ отвѣта: онъ еще ни разу не думалъ, съ чего начать.—Путемъ дальнѣйшихъ вопросовъ мудрый философъ привелъ своего юнаго собесѣдника къ сознанію непониманія послѣднимъ самыхъ основныхъ предметовъ государственной жизни, и Главконъ образумился, началъ учиться и пересталъ ораторствовать въ народныхъ собраніяхъ.

Эту простую и старинную исторію кстати припомнить и въ настоящее время, когда *вся земля кишитъ Главконами*; когда, едва покинувшіе школьную скамью, да притомъ еще плохо обсиженную, юноши начинаютъ уже строчить въ канцеляріяхъ полуграмотные проекты новыхъ уставовъ, или произносятъ рѣчи, нанизывая фразу за фразой. *Только въ ту пору былъ Сократъ, а въ нашу нѣтъ его*, да если бъ и появился, то едва ли пошли бы къ нему современные Главконы за поученіемъ [1])...

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Причины непочтительности дѣтей къ родителямъ.—Пагубное вліяніе Руссо и современнаго матеріализма.—Господство нравственнаго детерминизма.—Воспитаніе воли.—Значеніе домашней культуры и дисциплины.—Правильныя отношенія между братьями и сестрами.

Откуда произошло столь бѣдственное положеніе вещей?

Главнымъ источникомъ заблужденій, отъ которыхъ страдаетъ современное общество, служитъ *ложная идея объ исконномъ совершенствѣ человѣческой природы*, овладѣвшей умами со словъ Руссо [2]). Изъ этой идеи произошли ложные дог-

---

[1]) Взято изъ книги: „Московскій Сборникъ", изд. *К. П. Побѣдоносцева*, Москва, 1896, стр. 244—246.

[2]) Въ 1789 г.

маты свободы, равенства, права на возстаніе противъ власти... Отсюда дикія насилія, анархія и варварство. Какой законъ, какое учрежденіе, какое общество, какое правительство могутъ устоять при овладѣвшей умами мысли, что стоитъ лишь оставить человѣка на волю его натуральнымъ наклонностямъ,— и онѣ приведутъ его къ добродѣтели? Всякая кормилица знаетъ по опыту, какъ въ маломъ ребенкѣ, съ первыми проблесками сознанія, уже появляются страсти, и гнѣвъ, и зависть, а затѣмъ и насиліе, и притворство. Опытъ свидѣтельствуетъ не о самовозрастаніи добродѣтели, а, напротивъ того, о необходимости воспитывающей и исправляющей дисциплины. Вотъ начало и основаніе родительской власти, и кроткой и твердой. Родители призваны продолжать Божье дѣло творенія на землѣ, призывая новыя существа къ жизни. Если они не воспитаютъ человѣка для общества въ чувствѣ долга, то введутъ въ общество паразита или варвара. И еще того важнѣе: Богъ поручаетъ имъ душу безсмертную, которую они должны вести къ вѣчности. Вотъ почему родительская власть, единственная установленная Богомъ въ законѣ десяти заповѣдей, есть самая высокая власть, незамѣнимая никакою другою [1]).

Этимъ, однако, далеко не вполнѣ объясняется занимающій насъ предметъ. Самый *духъ времени* теперь весьма неблагопріятенъ развитію почтительности однихъ къ другимъ. Поразительныя открытія въ области разнообразныхъ наукъ и искусствъ, въ техникѣ и естествознаніи, включительно до воздухоплаванія, очень многимъ вскружили голову до такой степени, что они, восхищаясь земными пріобрѣтеніями, забыли о надземномъ мірѣ. И, какъ это всегда было и будетъ, меньше другихъ оказавшіе услугъ въ перечисленныхъ областяхъ больше всѣхъ вознесли главу свою и думаютъ обойтись безъ соблюденія древнихъ добродѣтелей. Все счастье *здѣсь*: для чего же заботиться о какомъ-то потустороннемъ мірѣ?

Понятно, что такое безотрадное положеніе вещей настолько удручающе дѣйствуетъ на многихъ современниковъ, что они готовы проповѣдывать «*всепрощеніе*» [2]) всѣмъ, находящимся подъ гипнозомъ такого духа и утратившимъ смыслъ пятой заповѣди. «Справедливо-ли требовать почтенія отъ меня»,

---

[1]) *Ле-Пле*, Основная конституція человѣческаго рода. Изд. *К. П. Побѣдоносцева*, Москва, 1897, стр. XVII.

[2]) Позволяю себѣ употребить это истрепанное выраженіе.

возражаетъ свободолюбивый юноша, «когда я *поневолѣ* являюсь сыномъ своего вѣка?» Итакъ, ссылка на тлетворный духъ приводится въ качествѣ оправданія. Если угодно, она служитъ только указаніемъ на обстоятельства, способствующія произрастенію убійственнаго яда, но никакъ не извиняетъ современныхъ хамовъ. Горе тому, кто является только сыномъ своего вѣка! Горе ему, что онъ не можетъ, а вѣрнѣе не желаетъ быть чѣмъ-либо большимъ; что въ немъ не тлѣетъ та спасительная искра, которая могла бы, при нѣкоторомъ напряженіи воли, вспыхнуть яркимъ пламенемъ и не только вознести его надъ духомъ времени, но и противодѣйствовать ему. Кто не рѣшается на благородный подвигъ,—о такомъ можно сказать, что «бѣдна сила» его (Прит. 24, 10): онъ не сможетъ выполнить въ жизни Самимъ Богомъ указанной ему задачи, ибо для того требуются закаленные характеры, а не безсильные нули. Величественное сооруженіе жизни созидается изъ крѣпкаго матеріала, а не изъ колеблемаго вѣтромъ тростника. Было бы вопіющимъ заблужденіемъ не относить этихъ словъ къ современной молодежи: она-то, именно, въ смыслѣ лучшей надежды общества, и не должна уподобляться «трости, вѣтромъ колеблемой» (Мѳ. 11, 7), но чѣмъ больше будетъ вѣровать въ нравственные идеалы и настойчиво проводить ихъ въ жизнь, тѣмъ меньше будетъ обуреваема пагубными ученіями. Наоборотъ, вдохновенное, крѣпкое морально и физически, выносливое, съ еще не окаменѣвшимъ сердцемъ, юношество (и оно-то преимущественно) станетъ въ защиту попираемыхъ святынь и спасетъ ихъ, при должной настойчивости, отъ всякаго поруганія. Пусть только молодежь начнетъ съ оказанія почтенія тамъ, гдѣ ему наиболѣе приличествуетъ находиться,—съ Высочайшаго Бога и съ твердой вѣры въ Него, которою наши предки «побѣдиша царствія, содѣяша правду, быша крѣпцы во бранехъ, обратиша въ бѣгство полки чуждихъ» (Евр. 11, 33. 34). Въ такомъ случаѣ никакая фривольность, никакая грубость, ни разнузданность, ни ослушаніе, ни пренебреженіе и ничто подобное не найдетъ отклика въ благородныхъ душахъ, для которыхъ *высшей честью послужитъ ея отданіе отрицаемымъ авторитетамъ и сильнѣйшимъ обнаруженіемъ воли—уничтоженіе всякаго самоволія съ подчиненіемъ старшимъ.*

Воспитанный въ почитаніи родителей сынъ, въ свою очередь, воспитаетъ въ почтительности къ себѣ такъ же и своего

сына, какъ и этотъ—своего и т. д., въ родовомъ преемствѣ, постоянно будетъ воздѣлываться пренебрегаемая теперь добродѣтель, отъ упражненія въ которой зависитъ благосостояніе человѣческихъ обществъ. Вѣдь и въ духовной области неизбѣжно происходитъ своя «эволюція», подобно всѣми признаваемой въ физической природѣ. Какъ въ послѣдней, такъ и въ первой, съ теченіемъ времени, постепенно накопляются и развиваются заложенныя въ самой природѣ ихъ силы; слѣдовательно, пріумноженіемъ послѣднихъ обезпечивается благополучный ростъ самой жизни. Въ одномъ изъ посланій ап. Павелъ пишетъ своему любимому сотруднику Тимоѳею: «желаю видѣть тебя, приводя на память нелицемѣрную вѣру твою, которая прежде обитала въ бабкѣ твоей Лоидѣ и матери твоей Евникѣ: увѣренъ, что она и въ тебѣ» (2 Тим. 1, 5). Такъ выразительно и просто Словомъ Божіимъ удостовѣряется получившій теперь всеобщее признаніе *законъ наслѣдственности* въ духовномъ мірѣ, имѣющій чрезвычайно важное значеніе такъ же и по отношенію къ разсматриваемому предмету. Смыслъ закона ясенъ: отъ старшихъ переходитъ къ младшимъ сокровище (къ несчастью и зло) ихъ внутренней жизни. Подобно переселяющемуся изъ одной въ другую квартиру постояльцу, и религіозная вѣра, какъ и вообще все духовное содержаніе старшихъ поколѣній передается младшимъ. Вѣра, обычаи, порядки, міропониманіе, отношенія къ ближнимъ, привычки, опытно добытые практическіе пріемы и т. п.,—все это мало-по-малу переходитъ отъ родителей къ дѣтямъ.

Такимъ образомъ, по самому естественному порядку вещей, создается могучее средство къ семейному, а за нимъ и ко всякому другому благополучію, называемое *преданіемъ*. Какъ уже показываетъ самое слово: «преданіе», имъ означается то, *что̀ предано*, а передать можно лишь то, что̀ напередъ получено. Если у кого ничего нѣтъ, то и чего либо передать другому такой не можетъ, какъ и наоборотъ, однимъ уже фактомъ своего психофизическаго бытія дѣти свидѣтельствуютъ о полученіи своей жизни отъ родителей.

Не одинъ мужъ и не одна жена, каждый самъ по себѣ, въ состояніи произвести младенца, но только изъ соединенія супруговъ между собою рождается послѣдній, являясь продолженіемъ даннаго рода. Таково неизмѣнное устроеніе природы, по благословенію Самого Творца, относящееся не только

къ *тѣлесному*, но въ еще большей степени и къ *нравственному* общенію супружеской любви. Порожденіе психо-физическаго влеченія сравнительно малое время довольствуется молокомъ матери и вскорѣ предъявляетъ права̀ на другой продуктъ, существенно необходимый для поддержанія его жизни,—на моральное жизнеобщеніе своихъ родителей. Вотъ почему вслѣдъ за рожденіемъ начинается *воспитаніе* ребенка. Но и въ послѣднемъ отношеніи подлиннымъ воспитателемъ младенца являются не отецъ съ матерью, а животворящій *духъ семьи и домашняя культура*. Гдѣ не въ достаточной степени проявляется нравственное общеніе родителей, или же и совсѣмъ отсутствуетъ, для произведенія требуемаго семьей моральнаго настроенія, тамъ дѣти лишены самаго существеннаго условія духовнаго роста. И хотя бы они были разодѣты въ шелкъ и бархатъ и ѣли на серебрѣ и золотѣ, всетаки имъ не доставало бы самаго драгоцѣннаго блага, которымъ изобильно насыщаются послѣдніе бѣдняки,—воспитательной силы домашней стихіи. Въ такихъ печальныхъ обстоятельствахъ родители начинаютъ терзаться заботами и печалями о своихъ дѣтяхъ вмѣсто того, чтобы внимательнѣе всмотрѣться въ себя самихъ, ибо корень зла—въ ненормальныхъ супружескихъ взаимоотношеніяхъ. Вмѣсто этого съ родительской стороны все упованіе возлагается на гувернеровъ и домашнихъ учителей, на подарки и угрозы, на пансіоны и педагогическія общества, къ сожалѣнію, никогда не достигающія такихъ благихъ результатовъ, какіе легко и безъ особыхъ хлопотъ рождаются изъ незримыхъ нѣдръ здороваго домашняго духа, — разумѣются ласковое послушаніе дѣтей и безпечальная ихъ рѣшимость къ усовершенствованію своей духовной жизни. Только въ такомъ семействѣ, въ которомъ изъ нравственнаго общенія родителей произошла духовная атмосфера, находится главное условіе правильнаго дѣтскаго воспитанія. Только такимъ образомъ старшее поколѣніе исполняетъ свой долгъ въ отношеніи къ младшему; только этимъ способомъ младшіе возрастаютъ въ почтительномъ отношеніи къ старшимъ.

Говоримъ не о какомъ-то мгновенномъ преображеніи дѣтей, а только указываемъ на неотложное требованіе, чтобы сами родители, посредствомъ строгой въ отношеніи къ себѣ *дисциплины*, позаботились о созданіи такой нравственной стихіи, которая составляла бы облагораживающее и возвышающее содержаніе молодой жизни, естественно располагая дѣтей къ

любви и почитанію своихъ родителей. Гдѣ дѣло обстоитъ, именно, такъ, тамъ въ большей степени исполняются слова пятой заповѣди. Вѣдь на свѣтѣ нѣтъ еще такого драгоцѣннаго блага, какъ жизнь; но ея содержаніе далеко не исчерпывается одною длительностью времени изо дня въ день, изъ года въ годъ. Мы дорожимъ жизнью въ смыслѣ болѣе или менѣе богатаго сокровища своего безсмертнаго духа, что и доказывается (отрицательно) тысячекратными примѣрами постоянно увеличивающагося числа самоубійствъ: душевная пустота невыносима. Отсюда ясно, что каждый стремящійся къ *истинной* «жизни», долженъ крѣпко хранить преданное ему ея содержаніе. Другими словами: «стоять и держать преданія» (2 Сол. 2, 15), ибо безъ нихъ невозможна ни религіозная, ни семейная, ни общественная и никакая другая жизнь. Органическій ростъ и цѣлесообразность послѣдней обусловливаются преемственностью составляющихъ ее моментовъ; а развѣ можетъ быть какая либо преемственность при ихъ постоянномъ или часто происходящемъ разрывѣ? Наоборотъ, вмѣсто органической жизни, въ такомъ случаѣ, наступитъ атомистическая, конецъ которой смерть и разрушеніе.

Очевидно, что съ такимъ нищенскимъ багажемъ невозможно пріобрѣсти ясное и твердое *самосознаніе*, безъ котораго теряется всякая цѣнность какъ личной, такъ и общественной жизни. Потерявшій его мало чѣмъ отличается отъ бездыханнаго трупа; такъ и въ составляющихъ государство соціальныхъ единицахъ потемнѣніе или окончательная утрата политическаго самосознанія знаменуетъ собою начало конца: «идѣ же бо аще будетъ трупъ, тамо», по словамъ Спасителя, «соберутся орли» (Мѳ. 24, 28) и, конечно, растерзаютъ его.

Такъ сбываются со всей строгостью слова Писанія: «кто соблюдаетъ весь законъ и согрѣшитъ въ чемъ-либо *одномъ* (въ разбираемомъ случаѣ—въ нарушеніи перваго слова заповѣди: «чти»), тотъ становится виновымъ во всемъ» (Іак. 2, 10). Въ томъ-то и состояла крѣпость нѣкогда могущественныхъ государствъ, что дѣти почитали родителей, что въ младшихъ воспитывались родовыя преданія, что старшіе съ особенной настойчивостью повѣствовали имъ о родной сторонѣ и воспитывали ихъ въ благоговѣйномъ къ ней уваженіи. «Боже, ушима нашима услышахомъ, и *отцы наши возвѣстиша намъ дѣло*, еже содѣлалъ еси во днехъ ихъ, во днехъ древнихъ», восклицаетъ Псалмопѣвецъ (Пс. 43, 1). Не по легкомысленному

тщеславію повѣтствовали «отцы» своимъ сыновьямъ о минувшихъ дняхъ, а по особому, заповѣданному Самимъ Богомъ, повелѣнію. «И сказалъ Господь Моисею: войди къ фараону, ибо Я отягчилъ сердце его..., и чтобы ты разсказывалъ сыну твоему и сыну сына твоего о томъ, что Я сдѣлалъ въ Египтѣ» (Исх. 10, 1. 2); «и когда скажутъ вамъ дѣти ваши: что это за служеніе? отвѣтьте имъ: это—пасхальная жертва Господу, Который прошелъ мимо домовъ сыновъ Израилевыхъ въ Египтѣ, когда поражалъ египтянъ и домы наши избавилъ» (Исх. 12, 26. 27). Повелѣніе Господне настойчиво повторяется еще нѣсколько разъ (Исх. 13, 14; 14, 15 и др.) въ несомнѣненное удостовѣреніе чрезвычайной важности его для народной жизни. «И да будутъ слова сіи», еще настойчивѣе повелѣваетъ Господь Своему пророку, «въ сердцѣ твоемъ и въ душѣ твоей; и внушай ихъ дѣтямъ твоимъ и говори о нихъ, сидя въ домѣ твоемъ и идя дорогою, и ложась и вставая; и навяжи ихъ въ знакъ на руку твою, и да будутъ они повязкою надъ глазами твоими, и напиши ихъ на косякахъ дома твоего и на воротахъ твоихъ» (Втор. 6, 6—9). Въ крѣпости *семейной дисциплины*, главнымъ образомъ, и состоитъ изумительная живучесть Израильскаго народа; и если бы кто указалъ на трагическій конецъ его государственнаго бытія, находящійся въ явномъ противорѣчіи съ строгимъ соблюденіемъ пятой заповѣди, то въ отвѣтъ возражателю укажемъ, во первыхъ, на особые, непостижимые для насъ (Рим. 11, 33—36), пути Божьяго Промысла и, во вторыхъ, на будущее возстановленіе временно отринутаго народа (ст. 12). Высказанныя мысли кратко резюмируются слѣдующими словами св. І. Златоуста: «дитя, повинуйся родившимъ тебя, какъ слуга господину. Вѣдь, чѣмъ ты сможешь воздать за то, что они дали тебѣ? Тебѣ нельзя, въ свою очередь, родить ихъ». Обращаясь, затѣмъ, къ родителямъ, святой отецъ замѣчаетъ: «если ты хорошо воспитаешь ребенка, то и онъ такъ же своего сына, а тотъ—своего,—и до самаго края будетъ простираться какъ бы нѣкая цѣпь и послѣдовательность превосходнѣйшей жизни, берущая отъ тебя начало и корень и тебѣ же приносящая плоды отъ усердія потомковъ» [1]).

Наряду съ отношеніемъ господства и подчиненія между родителями и дѣтьми, въ семьѣ существуетъ такъ же и дру-

[1]) *Златоустъ*, Творен. въ рус. пер., СПБ. 1906, Т. XII, стр. 720. 721.

гое отношеніе—равенства между *братьями* и *сестрами*. Эти, въ горизонтальномъ направленіи проводимыя, линіи, вмѣстѣ съ вертикальными, образуютъ одну стройную схему нормальнаго семейнаго быта, потому что, при всей неоспоримой важности почитанія дѣтьми родителей, миролюбивое взаимоотношеніе между дѣтьми составляетъ драгоцѣнный элементъ семейнаго благополучія и проистекаетъ, какъ необходимое слѣдствіе, изъ одного источника—обязательнаго исполненія пятой заповѣди. Въ самомъ дѣлѣ, что можетъ быть естественнѣе, какъ не миръ и любовь среди дѣтей, имѣющихъ общихъ имъ родителей? Взаимное согласіе между братьями и сестрами обусловливается физически однимъ уже ихъ рожденіемъ и наслѣдованіемъ отъ родителей болѣе или менѣе одинаковыхъ природныхъ свойствъ и расположеній. А такъ какъ человѣкъ состоитъ не изъ одного тѣла, но, главнѣе, того, еще и изъ души, то физическое взаиморасположеніе одного къ другому дѣтей возводится на высшую степень *нравственнаго единомыслія*: братья и сестры образуютъ между собою не только «едино тѣло», но и «единъ духъ» (Еф. 4, 4).

По свидѣтельству тысячи наблюденій, почтительные сыновья, обыкновенно, оказываются также и любвеобильными братьями, какъ и наоборотъ, взаимное несогласіе между дѣтьми является естественнымъ слѣдствіемъ ихъ непочтительности къ родителямъ [1]). Искалѣченныя въ семьѣ, враждебныя отношенія другъ къ другу дѣтей, къ несчастью для нихъ же, сопровождаются такими же, если только не горшими, послѣдствіями и для общественной ихъ жизни. Тяжелая обуза для семьи, непочтительныя дѣти становятся такою же и для общества; и здѣсь, какъ и тамъ, они всѣми недовольны, ко всѣмъ непріязненны, ни къ кому не дружелюбны. Они все знаютъ лучше

[1]) Вотъ, взятый изъ русскихъ житій примѣръ. Святитель Тихонъ Задонскій († 1783 г.) родился въ семьѣ бѣднаго дьячка Новгородской губерніи и еще въ дѣтствѣ лишился отца. Трудно было вдовѣ содержать многочисленную семью, и дѣти изведали много горя и нужды. Старшій изъ сыновей сдѣлался дьячкомъ, второй попалъ въ солдаты; третьяго, Тимоѳея, мать хотѣла было отдать къ ямщику, но старшій сынъ на колѣняхъ умолялъ мать не отдавать брата. „Я готовъ идти по міру съ сумой“, говорилъ онъ, „только чтобы Тима выучился грамотѣ; тогда мы опредѣлимъ его въ дьячка или пономаря“. Мальчика опять взяли домой, и онъ иногда изъ-за хлѣба цѣлыми днями боронилъ пашню у сосѣдняго крестьянина (см. Житіе св. Тихона подъ 13 августа).

другихъ, которыхъ чуть не презираютъ; у нихъ всегда и на всѣхъ готова безпощадная критика, и они, обыкновенно, поставляютъ цѣлую армію непримиримыхъ противниковъ правительства и различныхъ установленій [1]). Наоборотъ, кто еще въ семьѣ навыкъ къ миролюбію, тотъ приноситъ его и въ общественную жизнь, являясь для нея не разрушительнымъ динамитомъ, а строительнымъ цементомъ. Вѣдь какъ ни говорите, а всякая жизнь развивается и крѣпнетъ путемъ *спокойнаго и послѣдовательнаго развитія (эволюціи), а не бунтовъ и насилій (революціи)*: «всѣ, взявшіе мечъ, мечемъ погибнутъ» (Мѳ. 26, 52). Не даромъ и св. Псалмопѣвецъ восклицаетъ: «се, что добро, или что красно, но еже жити братіи вкупѣ» (Пс. 132, 1).

И, подлинно, на этомъ свѣтѣ едва ли что другое можетъ сравняться съ любвеобильною и миролюбивою жизнью родныхъ сестеръ и братьевъ! Сколько самаго трогательнаго вниманія, сколько безкорыстной дружбы, сколько нѣжной ласки и самоотверженной преданности произрастаетъ въ такомъ семейномъ раю! И радость и горе—все пополамъ. Здѣсь нѣтъ мѣста ни зависти, ни корысти, ни дурному слову, ни лукавой мысли. При взглядѣ на такую семью, невольно возникаетъ вопросъ: сама природа, съ напряженіемъ своихъ лучшихъ силъ, не хотѣла ли предвосхитить въ разсматриваемомъ случаѣ тотъ идеальный строй жизни, который только съ пришествіемъ на землю Христа, да и то ненадолго, разъ проявился въ юной іерусалимской общинѣ, гдѣ «у множества увѣровавшихъ было одно сердце и одна душа?» (Дѣя. 4, 32). О, если бы побольше было такого братолюбія въ семьяхъ,—тогда своими животворными лучами оно согрѣло, возродило и умиротворило бы нашу мятежную жизнь *).

Протопресвитеръ **Е. Аквилоновъ.**

---

[1]) «Усобица княземь на поганыя погыбе»,—печалуется еще составитель „Слава о полку Игоревѣ“,—«рекоста бо братъ брату: „се мое, а то—мое же“. И начаша князи про малое „се великое“ мълвити, а сами на себе крамолу ковати; а поганіи съ вьсѣхъ странъ прихождаху съ побѣдами на землю Русьскую».

*) Окончаніе слѣдуетъ.

О времени написанія книги Іисуса сына Сирахова.

Для сужденія о времени написанія книги Іисуса бенъ-Сира́ имѣются два, опредѣленныя на первый взглядъ, указанія. Въ самой книгѣ послѣднимъ въ числѣ знаменитыхъ мужей древности прославляется первосвященникъ Симонъ,—значитъ, авторъ не могъ жить раньше его (terminus a quo); въ предисловіи переводчикъ сообщаетъ о себѣ, что онъ прибылъ въ Египетъ въ 38-мъ году «при Евергетѣ царѣ»,—это можетъ служить для опредѣленія времени, позже котораго нельзя полагать написаніе книги (terminus ad quem). Но, при ближайшемъ разсмотрѣніи, эти указанія являются вовсе не такими, чтобы на основаніи ихъ можно было безспорно установить время жизни писателя и время написанія его книги.

Разсматривая похвальную пѣснь отцамъ, занимающую шесть главъ книги Іисуса (44—49), мы видимъ, что здѣсь сначала наблюдается строго послѣдовательный хронологическій порядокъ: рядъ славныхъ мужей начинается Енохомъ, Ноемъ, Авраамомъ и кончается Зоровавелемъ, Іисусомъ, сыномъ Іоседековымъ, и Неемі́ей (44, 15,—49, 15). Въ концѣ своей пѣсни авторъ, какъ бы оглядываясь назадъ и возстановляя опущенное, кратко вспоминаетъ объ Енохѣ, Іосифѣ, Симѣ, Сиѳѣ и Адамѣ (49, 16—18). Затѣмъ, закончивъ свой гимнъ древнимъ отцамъ, сынъ Сираховъ присоединяетъ къ нему подробное, поэтически-восторженное описаніе дѣятельности и священнослуженія первосвященника Симона, сына Оніи или Іоханана (50, 1—23). Здѣсь описаніе священнослуженія Симона сдѣлано авторомъ столь живо и наглядно, что

возникаетъ естественное предположеніе: авторъ или самъ былъ очевидцемъ этого блестящаго служенія, или, во всякомъ случаѣ, онъ слышалъ разсказы о немъ отъ непосредственныхъ очевидцевъ, передавшихъ ему своя живыя воспоминанія о первосвященнической славѣ Симона. Въ исторіи извѣстны два первосвященника Симона, имѣвшіе отцовъ съ именемъ Оніи,—это Симонъ I, бывшій первосвященникомъ въ началѣ III вѣка до Р. Х., и Симонъ II, сынъ Оніи II, первосвящёнствовавшій въ началѣ II вѣка до Р. Х. [25]. Который изъ этихъ двухъ первосвященниковъ прославляется въ книгѣ Іисуса? О Симонѣ I въ еврейскомъ преданіи сохранилась свѣтлая память, какъ о человѣкѣ справедливомъ и благочестивомъ: за эти качества онъ получилъ даже прозваніе «Симона Праведнаго», הַצַּדִּיק [26]. О Симонѣ II въ 3-й книгѣ Маккавейской разсказывается, что когда Птоломей IV Филопаторъ, вступивъ въ храмъ іерусалимскій, пожелалъ войти въ святилище, то первосвященникъ Симонъ произнесъ горячую молитву ко Господу, и Господь поразилъ царя разслабленіемъ, такъ что онъ не въ силахъ былъ исполнить своего намѣренія (3 Мак. 1, 10—2, 18). Хотя все повѣствованіе 3-й Маккавейской книги носитъ явно недостовѣрный характеръ [27], и самый фактъ, описанный тамъ, исторически не засвидѣтельствованъ, но все-таки изъ этого разсказа вытекаетъ, что и Симонъ II оставилъ по себѣ прекрасную память въ еврейскомъ преданіи. Въ настоящее время выдвигаютъ новую

---

[25] О хронологіи этихъ первосвященниковъ, поименованныхъ у Іосифа Флавія, см. *E. Schürer*, Geschichte des jüd. Volkes im Zeitalter J. Christi. 3 Aufl., T. I, S. 139—140, Anm. 3, ср. T. III, S. 159.

[26] *Іосифъ Флавій* въ „Іуд. Древн." 12, 2, 5 говоритъ о немъ: ὁ Δίκαιος ἐπικληθεὶς διά τε τὸ πρὸς τὸν θεὸν εὐσεβὲς καὶ τὸ πρὸς τοὺς ὁμοφύλους εὔνουν. Видѣть въ прозваніи *гаццаддûк* указаніе на происхожденіе отъ Садока (какъ думалъ *Abr. Geiger*) невозможно, такъ какъ оно не прилагалось ко всѣмъ потомкамъ Садока. Вѣроятно, къ Симону I относится и то, что говорится въ Мишнѣ о Симонѣ צַדִּיק, какъ объ одномъ изъ послѣднихъ членовъ великой синагоги. Въ Pirke Aboth 1, 2 приводится и притча Симона Праведнаго: „тремя вещами стоитъ міръ: закономъ, (бого)служеніемъ и благотворительностью" (см. *O. Fritzsche*, Kurzgef. exeg. Handbuch zu Apokryphen, V, S. XVI; *V. Ryssel* in *E. Kautzsch'* Apokryphen, I, S. 237, и др.).

[27] *E. Kautzsch* in *Kautzsch'* Apokryphen I, S. 120, *Otto Zöckler*, Die Apokryphen, S. 140, *E. Schürer*, Geschichte des jüd. Volkes im Zeitalter J Christi. 3 Aufl., T. III, S. 364—365.

теорію относительно этихъ двухъ Симоновъ: говорятъ, что наименованіе «праведный» принадлежало одному только Симону II, а Симона I въ дѣйствительности и не было, онъ является «двойникомъ» Симона II, введеннымъ у Іосифа Флавія въ рядъ первосвященниковъ произвольно, безъ историческихъ основаній [28]. Однако и сомнѣваться въ правильности показанія Іосифа относительно Симона I нѣтъ никакихъ основаній, кромѣ совершенно произвольныхъ предположеній, повтореніе же именъ правителей было обычно въ тѣ времена, какъ и въ послѣдующія (ср. имена Птоломеевъ, Антіоховъ, Иродовъ и т. под.).

Оставляя пока открытымъ вопросъ о томъ, который изъ двухъ первосвященниковъ, носившихъ имя «Симонъ» и бывшихъ сыновьями Оніи, разумѣется въ книгѣ Іисуса, примемъ за несомнѣнное только то положеніе, что она написана была уже послѣ смерти восхваляемаго лица: хотя въ текстѣ и нѣтъ прямого на это указанія [29], но трудно допустить, чтобы премудрый сынъ Сираховъ рѣшился осыпать высокими похвалами лицо, еще не закончившее своего жизненнаго пути, хотя бы и вполнѣ заслужившее похвалы,—и притомъ въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ славными предками народа еврейскаго. Если же такъ, то самою раннею изъ возможныхъ датъ для времени написанія книги Іисуса сына Сирахова (terminus a quo) будетъ начало III вѣка до Р. Х., время правленія перваго Симона. Перейдемъ теперь ко второму указанію, помогающему опредѣлить время написанія книги,—году прибытія переводчика ея въ Египетъ.

«Прибывъ въ Египетъ въ тридцать восьмомъ году при царѣ Евергетѣ и пробывъ тамъ,—я счелъ крайне необходимымъ и самому приложить усердіе и трудъ къ тому, чтобы перевести эту книгу»: ясно, что если удастся опредѣлить годъ прибытія въ Египетъ внука автора, то мы получимъ крайній пунктъ времени, позже котораго не могла быть написана книга (terminus ad quem), такъ какъ несомнѣнно, что она при-

---

[28] См. *R. Smend,* Die Weisheit des J. Sirach, S. XVI—XVII.

[29] Въ 50, 26 бенъ-Сира высказываетъ пожеланіе: „да пребудетъ съ Симономъ милость Его, и да возстановитъ Онъ съ нимъ завѣтъ Финеесовъ, который бы не прекращался съ нимъ и съ сѣменемъ его на всѣ дни неба". Можно подумать, что въ этомъ пожеланіи Симонъ предполагается еще живущимъ; на самомъ же дѣлѣ онъ олицетворяетъ здѣсь свое первосвященническое потомство, какъ видно и изъ сравненія съ Финеесомъ, и изъ подобнаго же выраженія въ 45, 29—30.

везена переводчикомъ въ Египетъ уже въ законченномъ видѣ. Но при ближайшемъ разсмотрѣніи этой даты, и она оказывается далекою отъ безспорной опредѣленности. Прежде всего, откуда считаетъ авторъ 38-й годъ: есть ли это общая хронологическая дата обычнаго въ древности лѣтосчисленія по годамъ правленія царей, или же это—указаніе автора на свой возрастъ во время прибытія въ Египетъ? Строй греческой фразы не препятствуетъ и послѣднему пониманію: ἐν γὰρ τῷ ὀγδόῳ καὶ τριακοστῷ ἔτει ἐπὶ τοῦ Εὐεργέτου βασιλέως «на тридцать восьмомъ году, при Евергетѣ царѣ»,—это можетъ значить: на тридцать восьмомъ году моей жизни,—въ такомъ случаѣ остается только широкое указаніе на время царствованія Евергета, безъ точной даты. Защитники такого пониманія утверждаютъ, что въ ихъ пользу говоритъ грамматическая конструкція фразы,—отсутствіе члена передъ ἐπὶ: если бы переводчикъ имѣлъ намѣреніе указать годъ царствованія Евергета, то онъ сказалъ бы: ἐν τῷ λή ἔτει τῷ ἐπὶ Εὐεργέτου [30]. Однако, по словамъ нашего ученаго изслѣдователя перевода LXX проф. И. Н. Корсунскаго, «въ употребленіи члена у LXX толковниковъ»—и, значитъ, вообще въ такъ называемомъ κοινὴ διάλεκτος—«такъ же много свободы допускается, какъ и у писателей классическихъ» [31]. Это замѣчаніе оправдывается тѣми примѣрами изъ перевода LXX, по языку совершенно сроднаго съ греческимъ переводомъ книги бенъ-Сира, какіе указываются защитниками обще-хронологическаго пониманія даннаго мѣста [32], и тѣми египетскими надписями и папирусами временъ Птоломеевъ, какіе приведены у Дэйссманна и проф. Корсунскаго [33]. Правда, самъ проф. Корсунскій поддерживаетъ автобіографическое значеніе даты, указанной переводчикомъ книги Іисуса, и находя, что нѣкоторыя изъ приводимыхъ имъ надписей «какъ будто даютъ основаніе

---

[30] *G. B. Winer.* Biblisches Realwörterbuch. I-ter B., 3 Aufl. Leipzig 1847, S. 555.

[31] *И. Корсунскій.* Переводъ LXX. Его значеніе въ исторіи греческаго языка и словесности. Сергіева Лавра, 1898, стр. 448.

[32] Напр., Зах. 1, 1: ἔτους δευτέρου ἐπὶ Δαρείου, ср. 1, 7; 7, 1: ἐν τῷ τετάρτῳ ἔτει ἐπὶ Δαρείου τοῦ βασιλέως; Агг. 1, 1: ἐν τῷ δευτέρῳ ἔτει ἐπὶ Δαρείου τοῦ βασιλέως, ср. 2, 1 и др. (ср. *Edersheim* in *Wace'* Apocrypha II, p. 6).

[33] Изъ надписи на розетскомъ камнѣ отъ 27 марта 196 г. до Р. X.: ἕως τοῦ πρώτου ἔτους ἐπὶ τοῦ πατρὸς αὐτοῦ, т. е. Птоломея IV Филопатора; на папирусѣ 120 г. до Р. X.: τοῦ ιή ἔτους Παχὼν ἐπὶ τοῦ Φιλομήτορος. *G. Ad. Deissmann*, Bibelstudien, Marburg 1895, S. 256—257. *И. Корсунскій*, Переводъ LXX, стр. 39.

къ выводамъ не въ пользу» его мысли, старается ослабить это противорѣчіе тѣмъ, что въ надписяхъ нѣтъ предлога ἐν «въ, на», и самое обозначеніе времени стоитъ въ родительномъ падежѣ [34]. Однако, предлогъ ἐν, стоящій въ предисловіи переводчика книги Іисуса, имѣетъ совершенно одинаковое значеніе, будемъ ли мы относить дату къ годамъ жизни переводчика, или къ годамъ царствованія Птоломея, и нисколько не вліяетъ на рѣшеніе вопроса; и что̀ особенно важно, тотъ же предлогъ ἐν употребляется въ очень похожихъ на эту дату выраженіяхъ перевода LXX въ книгахъ пророковъ Аггея 1, 1, 2, 1 и Захаріи 7, 1 [35].

Слѣдовательно, повторяемъ, въ грамматическомъ построеніи фразы нѣтъ основаній понимать ее непремѣнно въ смыслѣ указанія на 38-й годъ жизни автора. Если же мы обратимъ вниманіе на то, какую цѣль могъ имѣть переводчикъ, указывая свой возрастъ, то не можемъ не видѣть, что такой цѣли рѣшительно не было. Онъ самъ чувствовалъ нужду именно въ обще-хронологическомъ опредѣленіи времени своего прибытія въ Египетъ,—это и заставило его сказать о царѣ Евергетѣ; но было бы странно допустить, что онъ могъ ограничиться широкой датой: «при Евергетѣ царѣ» и рядомъ съ этимъ точно обозначить свой собственный возрастъ, хотя по ходу рѣчи и по существу дѣла въ такомъ обозначеніи не было нужды. Вотъ почему, «начиная съ Эйхгорна, почти всѣ изслѣдователи, какъ напр. Фрицше, Гольцманнъ, Биссель, Шюреръ, Дэйссманнъ и др., признаютъ, что здѣсь можетъ разумѣться только 38-й годъ царствованія Евергета» [36]. Сюда же нужно отнести Рисселя, Цёкклера, Корнели, Кнабенбауера, Сменда и др. [37]; и авторъ русскаго перевода книги Сираховой съ примѣчаніями, изданнаго въ 1859 году, признаетъ большую

---

[34] *П. Корсунскій.* Переводъ LXX, стр. 39. Еще ранѣе тотъ же взглядъ на автобіографическое значеніе даты переводчика высказалъ проф. *А. Олесницкій,* см. „Руководственныя о Св. Писаніи В. и Н. Завѣта свѣдѣнія изъ твореній св. отцовъ и учителей церкви“. Спб. 1894, стр. 82.

[35] См. выше, примѣчаніе 32.

[36] *V. Ryssel* in *E. Kautzsch'* Apokryphen, 1, S. 235.

[37] *V. Ryssel* l. c.; *O. Zöckler,* Die Apokryphen, S. 257 Anm.; Cursus Scripturae S.: *Cornely,* Introductio Specialis, II, p. 251, ibid. *Knabenbauer,* Commentarius in Eccli., p. 2; *R. Smend,* Die Weisheit des J. Sirach, S. 3 и др.

вѣроятность этого мнѣнія [38]. Эдерсгеймъ [39] нерѣшительно высказывается относительно этого вопроса, но онъ, какъ и проф. Корсунскій, отказывается видѣть въ предисловіи переводчика обще-хронологическую дату только потому, что она неудобна для мнѣнія о написаніи книги въ болѣе раннее время, чѣмъ обычно принимаютъ. Выражалось иногда сомнѣніе относительно того, зачѣмъ поставленъ здѣсь предлогъ ἐπί: «при Евергетѣ», тогда какъ обычно употребляется родительный падежъ безъ предлога: «въ такомъ-то году такого-то царя». Но Дэйссманнъ справедливо указываетъ, что подобное употребленіе предлога ἐπί въ разсматриваемомъ мѣстѣ предисловія переводчика книги Іисуса является обычнымъ гебраизмомъ,—подражаніемъ предлогу ? въ еврейской рѣчи [40]. Въ 1904 году Ульрихъ Вилькенъ, опираясь на папирусную литературу, высказалъ мнѣніе, что въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ въ хронологическихъ показаніяхъ употребляется предлогъ ἐπί въ подобной конструкціи, тѣмъ самымъ указывается, что событіе происходитъ послѣ смерти того лица, къ которому предлогъ относится; въ данномъ случаѣ, предисловіе переводчика книги бенъ-Сира могло быть написано только послѣ смерти Евергета [41]. Но это мнѣніе, хотя и подкрѣпленное авторитетомъ Вилькена, не можетъ быть признано правильнымъ: въ той же папирусной литературѣ, какъ и вообще въ памятникахъ греческаго александрійскаго діалекта (κοινὴ διάλεκτος), имѣется множество данныхъ, подтверждающихъ обычное пониманіе предлога ἐπί, который употребляется съ родительнымъ падежомъ имени для обозначенія времени въ смыслѣ «при», безъ какихъ-либо побочныхъ указаній [42].

Итакъ, интересующее насъ мѣсто въ предисловіи перевод-

[38] Книга Премудрости Іисуса сына Сирахова въ русскомъ переводѣ съ краткимъ объясненіемъ. Спб. 1859, стр. II прим.

[39] *A. Edersheim* in *Wace*' Apocrypha II, p. 6.

[40] *A. Deissmann*, Bibelstudien, Marburg 1895, S. 255—257.

[41] *Ulrich Wilcken*, Archiv für Papierusforschung III, 1904, Heft 2, S. 321. См. Theologische Literaturzeitung 1904, № 20, S. 558—559.

[42] См. *Ed. Schürer*, Theol. Literaturzeitung, ibid. *R. Smend*, Die Weisheit des J. Sirach, S. 3, признаетъ заключеніе Вилькена „едва ли допустимымъ“, хотя и приходитъ къ тому же выводу, именно, что внукъ автора писалъ свое предисловіе послѣ смерти Евергета, — при чемъ основывается на дальнѣйшихъ словахъ предисловія, толкуя ихъ своеобразно.

чика книги Іисуса должно быть понимаемо, какъ обще-хронологическое обозначеніе времени прибытія внука Іисусова въ Египетъ: «на 38-мъ году» или «въ тридцать восьмомъ году при Евергетѣ царѣ». Но и въ такомъ видѣ это указаніе, къ сожалѣнію, не рѣшаетъ еще вопроса. Дѣло въ томъ, что въ исторіи извѣстны два египетскихъ царя изъ рода Птоломеевъ, оба съ именемъ Евергета: Птоломей III Евергетъ, царствовавшій отъ 247 по 222 г. до Р. Х., и Птоломей VII Евергетъ, иначе Фисконъ, царствовавшій отъ 145 по 116 г. до Р. Х. Ни тотъ, ни другой не царствовали тридцати восьми лѣтъ; но второй Евергетъ былъ соправителемъ своего брата Филометора, начиная съ 170 года, и считалъ годы своего царствованія, по обычаю тогдашнихъ царей, именно съ этого года [43]. Значитъ, можетъ идти рѣчь только о 38-мъ годѣ царствованія Птоломея VII Евергета II, т. е. о 132-мъ годѣ до Р. Х.: въ этомъ именно году внукъ Іисуса, по наиболѣе вѣроятному пониманію его словъ, прибылъ въ Египетъ, и здѣсь перевелъ книгу своего дѣда съ еврейскаго языка на греческій. Конечно, переводъ могъ быть совершенъ не тотчасъ по прибытіи въ Египетъ, а спустя болѣе или менѣе значительный промежутокъ времени, но намъ важно, что въ 132-мъ году книга Іисуса бенъ-Сира уже существовала въ законченномъ видѣ; вѣроятно, она была извѣстна тогда не одному только внуку составителя, въ Палестинѣ она была уже, можетъ быть, и въ народномъ употребленіи. Во всякомъ случаѣ, 132 годъ является тѣмъ крайнимъ срокомъ, позже котораго никакъ нельзя полагать время составленія книги бенъ-Сира.

Промежутокъ между началомъ III вѣка (terminus a quo составленія книги) и 132-мъ годомъ (terminus ad quem) слишкомъ великъ, и ученая любознательность пытается еще точнѣе опредѣлить время составленія книги Іисуса. Здѣсь прежде всего предстоитъ рѣшить вопросъ, былъ ли составитель книги въ точномъ смыслѣ дѣдомъ переводчика, или только его предкомъ; иными словами: что̀ собственно значитъ наимено-

---

[43] Въ „Хроникѣ“ Евсевія приводится свидѣтельство Порфирія, что Евергетъ, провозглашенный царемъ, сталъ считать годы своего царствованія съ того времени, когда онъ впервые былъ признанъ царемъ, такъ что, когда послѣ смерти своего брата онъ началъ царствовать, онъ считалъ уже двадцать пять лѣтъ царствованія, а всего онъ царствовалъ пятьдесятъ четыре года. См. *O. Fritzsche*, Kurzg. exeg. Handbuch zu Apokryphen, V, S. XIV—XV.

ваніе ὁ πάππος μου, усвоенное переводчикомъ Іисусу? Имѣются, несомнѣнно, такія мѣста у классиковъ, гдѣ πάππος означаетъ просто «предокъ», а не «дѣдъ» [44]; но въ такихъ случаяхъ особое значеніе слова бываетъ ясно изъ самаго контекста, въ предисловіи же переводчика книги Іисусовой рѣшительно нѣтъ данныхъ для подобнаго его пониманія. Напротивъ, весь тонъ предисловія доказываетъ самое близкое родство автора и переводчика; послѣдній говоритъ о первомъ, какъ о хорошо извѣстномъ ему человѣкѣ, извѣстномъ не по преданію, а по личному общенію: «дѣдъ мой Іисусъ больше другихъ предавался изученію закона, пророковъ и другихъ отеческихъ книгъ и пріобрѣлъ въ нихъ достаточный навыкъ». Здѣсь нѣтъ восторженныхъ похвалъ книгѣ и ея автору, похвалъ, которыя были бы вполнѣ заслуженными, въ виду достоинствъ книги; очевидно, чувство естественной деликатности удерживаетъ внука отъ излишнихъ похвалъ дѣду; между тѣмъ родство болѣе отдаленное нисколько не помѣшало бы такимъ похваламъ.

Но изъ того обстоятельства, что переводчикъ былъ внукомъ автора и что оба были представителями трехъ родовъ, слѣдовавшихъ непосредственно одинъ за другимъ, мы можемъ извлечь нѣкоторые выводы для хронологіи книги. Фрицше, а за нимъ Риссель, полагаютъ, что, при обычныхъ обстоятельствахъ, между написаніемъ книги авторомъ и прибытіемъ его внука въ Египетъ должно было протечь отъ четырехъ до шести десятковъ лѣтъ [45]. Относительная правильность такого предположенія видна изъ слѣдующей таблицы:

	Minimum.	Maximum.
а) Возрастъ внука при уходѣ его въ Египетъ	отъ 30 до	50 л.
б) Возрастъ отца при его рожденіи	отъ 20 до	60 л.
в) Возрастъ его дѣда при рожденіи отца	отъ 20 до	60 л.
г) Возрастъ дѣда при отбытіи внука въ Египетъ	отъ 70 до	(170)
	Maximum.	Minimum.
д) Возрастъ дѣда при написаніи книги .	отъ 70 до	50
е) Промежутокъ между написаніемъ книги и уходомъ внука въ Египетъ . .	отъ 0 до	120 л.
	Среднее 60 лѣтъ.	

[44] См. *V. Ryssel* in *E. Kautzsch'* Apokryphen, I, S. 237.

[45] *O. Fritzsche,* Kurzgef. exeg. Handbuch zu Apokryphen, V, S. XV; *V. Ryssel* in *E. Kautzsch'* Apokryphen I, S. 235.

Въ объясненіе этой таблицы предлагаемъ слѣдующія соображенія. а) Внукъ автора—переводчикъ прибылъ въ Египетъ, несомнѣнно, уже не очень молодымъ человѣкомъ: это доказывается какъ тѣми наблюденіями, какія онъ тамъ сдѣлалъ, такъ и серьезностью предпріятія, взятаго имъ на себя: «прибывъ въ Египетъ—и пробывъ тамъ, я нашелъ немалую разницу въ образованіи (между египетскими и палестинскими евреями [46]), и счелъ крайне необходимымъ и самому приложить усердіе и трудъ къ тому, чтобы перевести эту книгу». Все это не такъ свойственно молодости, но и глубокій старикъ едва ли рѣшился бы приняться за такую работу, которая требовала большого, неусыпнаго труда. А такъ какъ, по самому ходу рѣчи въ предисловіи, промежутокъ между прибытіемъ переводчика въ Египетъ и завершеніемъ его работы не можетъ быть очень великъ, то и возрастъ его при вступленіи въ Египетъ всего вѣроятнѣе полагать minimum въ 30 лѣтъ и maximum въ 50 лѣтъ. б) и в) Возрастъ отца при рожденіи сына minimum въ 20 лѣтъ нельзя считать слишкомъ малымъ: евреи вступали въ бракъ въ очень раннемъ возрастѣ [47]; maximum въ 60 лѣтъ для времени Іисуса бенъ-Сира́ является не очень высокимъ: какъ рѣдкія исключенія, и теперь возможны случаи рожденія дѣтей у свыше 60-лѣтнихъ стариковъ. г) Возрастъ дѣда при отбытіи внука въ Египетъ опредѣляется сложеніемъ предшествующихъ данныхъ: возраста его при рожденіи сына, возраста сына при рожденіи внука и возраста внука при уходѣ въ Египетъ. Дѣдъ могъ при этомъ оставаться еще въ живыхъ, при минимальной суммѣ его возраста въ 70 лѣтъ; максимальная же сумма показываетъ, что онъ могъ умереть столѣтнимъ старцемъ лѣтъ за 70 передъ отбытіемъ внука въ Египетъ, или ранѣе, если онъ не дожилъ до такой глубокой старости. д) Какъ уже сказано выше, все содержаніе и тонъ книги говоритъ о томъ, что она написана почтеннымъ старцемъ, почему возрастъ автора при написаніи книги minimum въ 50 и maximum въ 70 лѣтъ можно считать наиболѣе вѣроятнымъ: позже 70 лѣтъ литературныя занятія становятся уже рѣдкимъ исключеніемъ.

---

[46] Οὐ μικρᾶς παιδείας ἀφόμοιον. Объясненіе этихъ словъ переводчика см. далѣе.

[47] Ср. *Ed. C. Aug. Riehm*, Handwörterbuch des Biblischen Altertums. Band, Bielef. u. Leipzig, 1884, S. 337—338.

e) Отсюда опредѣляется продолжительность времени между написаніемъ книги и отбытіемъ ея переводчика въ Египетъ: мало возможный minimum 0, т. е. она написана Іисусомъ бенъ-Сира́ на 70-мъ году жизни, въ самый годъ отбытія внука, въ 132 году до Р. X., и maximum 120 лѣтъ,—въ 252 году до Р. X.,—если она написана на 50-мъ году жизни автора, за 10 лѣтъ до рожденія отца переводчика и за 70 лѣтъ до рожденія его самого. Среднее ариѳметическое между 0 и 120 и получается 60 лѣтъ, т. е. книга Іисуса написана за 60 лѣтъ до прибытія ея переводчика въ Египетъ, около 192 года до Р. X.

Какъ всякому очевидно, добытая такимъ образомъ хронологическая дата весьма проблематична, такъ какъ дѣйствительная жизнь очень рѣдко идетъ по среднимъ числамъ; всего чаще она уклоняется отъ нормы въ ту или другую сторону. Приходится обратиться къ снесенію добытыхъ хронологическихъ датъ съ историческими обстоятельствами, на которыя имѣются указанія въ самой же книгѣ.

Мы видѣли, что Симонъ I Праведный былъ первосвященникомъ въ началѣ III вѣка, а Симонъ II въ началѣ II вѣка до Р. X.; значитъ, авторъ книги едва ли могъ быть современникомъ Симона I, такъ какъ самая ранняя изъ только-что добытыхъ датъ для написанія книги, 252-й годъ,—на 30—40 лѣтъ позже смерти Симона I, а болѣе вѣроятная средняя, 192-й годъ,—на 100 лѣтъ позже его смерти; что же касается Симона II, то авторъ могъ написать свою книгу или раньше вступленія его въ должность первосвященника, въ первомъ случаѣ, или въ самый періодъ его служенія, во второмъ случаѣ, или же послѣ его смерти, если принять во вниманіе уклоненіе отъ нормы въ сторону minimum'а. Но при жизни Симона II авторъ едва ли бы дозволилъ себѣ восхваленіе первосвященника Симона: если его похвалы относились бы къ Симону I, то онъ долженъ былъ бы тогда ясно указать на это, если же—ко II-му, то это, какъ мы говорили, было бы недопустимою лестью высокопоставленному лицу. Значитъ, книга могла быть написана или до вступленія въ должность первосвященника Симона II, между срединою III-го и первыми годами II вѣка до Р. X., и тогда восхваляемый въ ней первосвященникъ Симонъ былъ Симонъ I Праведный, или она написана послѣ смерти Симона II, между началомъ II вѣка и 132 годомъ до Р. X.,—и тогда похвалы первосвя-

щеннику Симону могли относиться или къ Симону I, или къ Симону II. Почти всѣ ученые изслѣдователи книги Іисуса пытаются найти въ исторіи какія-либо указанія на тѣ событія и отношенія, какія можно предполагать для времени составленія книги, на основаніи ея собственныхъ показаній. Но какъ и во многихъ другихъ случаяхъ, сближенія страдаютъ большою неопредѣленностью и натянутостью, и часто то самое, что одинъ ученый считаетъ говорящимъ въ пользу его мнѣнія, его противникъ легко обращаетъ въ свою пользу. Основою для сближеній служитъ дѣятельность первосвященника Симона, о которой говоритъ Іисусъ въ 50, 1—4:

«Глава братьевъ своихъ и слава народа своего—
Симонъ, сынъ Іоханана, священникъ.
Въ его время исправленъ домъ Божій,
и во дни его укрѣпленъ храмъ;
въ его время была построена стѣна
съ зубцами для защиты, какъ дворецъ царскій;
во дни его выкопанъ прудъ,—
водоемъ, подобный морю обиліемъ воды.
Онъ оберегалъ народъ свой отъ нападеній
и укрѣплялъ городъ свой противъ враговъ».

Далѣе картинно описывается великолѣпіе служенія первосвященника Симона въ день очищенія. Такимъ образомъ, здѣсь первосвященнику Симону приписываются слѣдующіе труды, полезные для народа еврейскаго: а) исправленіе и укрѣпленіе храма, б) постройка стѣны вокругъ храма, в) устройство обширнаго водоема, столь необходимаго въ жаркихъ странахъ, скудныхъ водою. Ни объ одномъ изъ этихъ трудовъ исторія не сохранила записи: ни Іосифъ Флавій, ни другіе писатели, касавшіеся тѣхъ временъ, не сообщаютъ о подобныхъ трудахъ Симона I или Симона II, и ученымъ приходится прибѣгать къ явнымъ натяжкамъ, чтобы обратить показанія Сир. 50, 1—4 въ пользу исключительно того или другого. Для примѣра того, какъ строятся ученыя гипотезы на столь шаткихъ положительныхъ данныхъ, приведемъ аргументацію Русселя [48]. Руссель, со словъ Іосифа Флавія, говоритъ о Симонѣ II, что онъ, наслѣдовавъ первосвященническую должность послѣ отца своего Оніи, дяди извѣстнаго

[48] См. *V. Ryssel* in *E. Kautzsch'* Apokryphen I, S. 235 и дал.

откупщика податей Іосифа, сына Товіи, былъ вовлеченъ этимъ родствомъ въ политическія смуты и во взаимную вражду сыновей Іосифа. Далѣе Іосифъ Флавій разсказываетъ, что Антіохъ Великій (223—187 до Р. X.), нанеся рѣшительное пораженіе египетскимъ войскамъ при Панеасѣ въ Килисиріи (въ 198 году до Р. X.), овладѣлъ Палестиной и предоставилъ іудеямъ разныя выгодныя привилегіи, отчасти въ награду за то, что они во-время перешли на его сторону, отчасти въ тѣхъ видахъ, чтобы расположить ихъ въ свою пользу на болѣе продолжительное время; при этомъ онъ отпустилъ имъ матеріалъ, необходимый для ремонта ихъ столицы и храма, часто подвергавшихся разрушеніямъ. Слѣдствіемъ такихъ благопріятныхъ для евреевъ дѣйствій сирійскаго царя-завоевателя, утверждаетъ Риссель, и явились всѣ тѣ постройки, о которыхъ говорится въ Сир. 50, 1—4. Далѣе, по мнѣнію того же ученаго, изъ политическихъ отношеній этого времени легко объясняются и слова Іисуса о смертной опасности, которой онъ подвергался, оклеветанный у языческаго царя (Сир. 51, 5 и дал.). Такъ какъ въ своихъ путешествіяхъ, о которыхъ онъ здѣсь же говоритъ, Іисусъ во всякомъ случаѣ доходилъ до Сиріи и Египта, то легко могло случиться, что одинъ изъ царей той или другой страны, бывшихъ во враждѣ между собою, заподозрилъ его въ заговорѣ въ пользу другого. А эта вражда въ годы отъ 217, когда Антіохъ Великій потерпѣлъ пораженіе при Рафіи и Птоломей IV Филопаторъ отнялъ отъ него Килисирію, Финикію и Палестину, и до 198 г., когда счастье снова вернулось къ Антіоху,—вражда эта обострилась какъ разъ изъ-за вопроса объ обладаніи Палестиной. Кромѣ этого, Риссель указываетъ и еще соображенія въ пользу своего мнѣнія о написаніи книги въ годы 190—170, послѣ Симона II. Именно, Іисусъ упрекаетъ язычниковъ и ихъ правителей въ томъ, что они высокомѣрно относятся къ народу еврейскому и притѣсняютъ его (гл. 36); здѣсь нѣтъ рѣчи о вторженіи языческихъ царей въ религіозные вѣрованія евреевъ,—такія вторженія начались уже позже, со времени царствованія Антіоха Епифана (175—164 г.). Это отмѣтилъ еще баръ-Гебрайя: «Іисусъ Сира̀ старше маккавеевъ»,—говоритъ онъ,—«и потому о нихъ не упоминаетъ». Послѣднимъ доводомъ Росселя въ пользу указаннаго имъ времени написанія книги Іисуса служитъ то, что въ ней нѣтъ похвалы пророку Даніилу, который былъ для евреевъ какъ бы вторымъ Іосифомъ въ эпоху плѣна вавилон-

скаго: если бы автору была извѣстна книга пророка Даніила, то онъ, по мнѣнію Русселя, не могъ бы сказать, что не было еще такого, какъ Іосифъ (49, 17),—а книга Даніила явилась, будто бы, въ періодъ маккавейскихъ войнъ, 168—164 г. до Р. Хр.

Для оцѣнки этихъ доводовъ приведемъ слова проф. Корсунскаго, который довольно пространно трактуетъ вопросъ о времени написанія книги Іисуса сына Сирахова. «Всѣ черты»,—говоритъ онъ,—«которыми изображается здѣсь (въ книгѣ Іисуса) первосвященникъ съ этимъ именемъ, наиболѣе приличествуютъ Симону Праведному, а не Симону II, какъ вынуждены думать тѣ ученые, которые время прибытія внука сына Сирахова въ Египетъ относятъ къ 133—130 годамъ до Р. Х. И личность Симона II исторически ничѣмъ не замѣчательна, и время его первосвященства, описываемое историкомъ Іосифомъ Флавіемъ (Древности, кн. XII, 3, 3), какъ время, когда Іудея уподоблялась кораблю, бурными волнами увлекаемому то въ ту, то въ другую сторону, когда и въ внутреннемъ ходѣ ея дѣлъ уже появились признаки нестроеній и раздѣленій, отмѣтившихъ собою царствованіе извѣстнаго гонителя и мучителя іудеевъ Антіоха Епифана (2 Макк. гл. 3—5), далеко не соотвѣтствуетъ тому, видимо благоустроенному внутри и мирному отвнѣ, теченію дѣлъ, какой представляется въ книгѣ Премудрости сына Сирахова (50, 24, 26) для времени восхваляемаго здѣсь первосвященника Симона» [49]. Отсюда ясно, какъ одно и то же свидѣтельство Іосифа о времени Симона II примѣняется двумя защитниками противоположныхъ мнѣній, каждымъ въ свою пользу. И это происходитъ оттого, что, какъ это свидѣтельство, такъ и соотвѣтствующія мѣста въ книгѣ Іисуса весьма неопредѣленны и недостаточны для возведенія на основаніи ихъ какихъ-либо твердыхъ заключеній. Всякому очевидно, что если нѣтъ прямого свидѣтельства исторіи о томъ, что тотъ или другой изъ соименныхъ первосвященниковъ занимался ремонтомъ храма и города, то останутся безуспѣшными всякія попытки доказать, что такія работы возможны были при одномъ и невозможны при другомъ. Жизнь іудеевъ, возвратившихся на родину изъ плѣна, всегда была полна лишеній, скорбей и опасностей; и

[49] *И. Корсунскій.* Переводъ LXX, стр. 41. О времени написанія книги Іисуса говорится здѣсь на стр. 35—42.

съ другой стороны, у лучшихъ изъ нихъ всегда жива была забота объ устроеніи и укрѣпленіи города и храма, они, несомнѣнно, старались использовать для этого каждый моментъ затишья,—а такими лучшими людьми и были оба первосвященника, носившіе имя Симона. И личныя опасности автора книги, о которыхъ онъ упоминаетъ въ 51, 3—10, были возможны всегда, такъ что всякія догадки о томъ, когда онѣ были болѣе возможны и когда менѣе, въ чемъ именно онѣ состояли, являются заранѣе обреченными на полную неудачу, тѣмъ болѣе, что въ еврейскомъ текстѣ ничего не говорится объ оклеветаніи автора передъ царемъ, и эти слова являются, повидимому, догадкой позднѣйшаго читателя книги. Замѣчаніе о томъ, что содержаніемъ книги Іисуса предполагается благоустроенное внутри и мирное отвнѣ теченіе дѣлъ въ Іудеѣ, также должно быть принимаемо съ большою осторожностью. Въ Сир. 50, 24—26 содержится не моленіе объ умиреніи родины, а горячая просьба къ священникамъ, потомкамъ Симона, соблюдать миръ между собою; въ 36-й же главѣ содержится молитва объ избавленіи израильтянъ отъ внѣшнихъ враговъ. Осторожнѣе поступаютъ тѣ, которые, подобно Рисселю, дѣлаютъ изъ этихъ мѣстъ только одинъ выводъ: все это написано до гоненій Антіоха Епифана, такъ какъ эти ужасныя гоненія непремѣнно отразились бы въ книгѣ болѣе враждебнымъ тономъ по отношенію къ иноземнымъ правителямъ. Что же касается неупоминанія Іисусомъ Даніила пророка, то этотъ доводъ тенденціозно выдвигается отрицательной критикой для подкрѣпленія той мысли, что книга Даніила написана во времена маккавеевъ; самъ же по себѣ, внѣ этой тенденціи, онъ никакой силы не имѣетъ: точно также не упомянутъ въ книгѣ Сираховой и Езра [50], и однако никому не придетъ въ голову утверждать, что книга эта написана раньше Езры, тѣмъ болѣе, что здѣсь же упомянутъ Неемія, ближайшій сотрудникъ Езры.

Изъ всѣхъ соображеній, могущихъ вести къ опредѣленію времени написанія книги, наиболѣе рѣшающимъ кажется то, что если бы она была написана при второмъ Симонѣ или послѣ него, то авторъ долженъ бы былъ ясно указать своимъ

---

[50] Проф. *Корсунскій* ошибочно замѣчаетъ, что Езрою именно писатель книги Премудрости сына Сирахова начинаетъ рядъ восхваляемыхъ имъ „мужей и отцовъ еврейскаго рода“. Переводъ LXX, стр. 41.

читателямъ, о какомъ именно Симонѣ онъ говоритъ: память о первомъ Симонѣ была еще свѣжа у всѣхъ, и читателямъ трудно было бы самимъ рѣшить, къ которому изъ двухъ Симоновъ относятся похвалы автора. Другое дѣло, если книга написана до вступленія въ должность Симона II: тогда никакого объясненія не требовалось, позднѣйшіе же читатели, очевидно, не рѣшались уже вносить въ текстъ объяснительныхъ замѣтокъ. Что именно Симонъ I разумѣется въ книгѣ Іисуса, можно видѣть и изъ небольшой, но весьма характерной частности въ еврейскомъ преданіи о немъ; оно приписываетъ ему краткую притчу: «тремя вещами стоитъ міръ: закономъ, богослуженіемъ и благотворительностью»[51]. Замѣчательно здѣсь то, что богослуженіе ставится на ряду съ закономъ Божіимъ и съ добрыми дѣлами, а это совпадаетъ съ изображеніемъ Симона въ книгѣ Сир. 50, 5—23: здѣсь онъ является именно образцовымъ совершителемъ богослуженія, вызывавшимъ горячее молитвенное чувство народа. Подкрѣпленіемъ той же мысли о написаніи книги вскорѣ послѣ Симона Праведнаго, но еще до первосвященствованія Симона II, служатъ и тѣ соображенія, какія высказываетъ по этому вопросу Галеви[52]. Онъ указываетъ на невысокія качества греческаго перевода книги, отчасти зависѣвшія и отъ неисправности бывшаго у переводчика еврейскаго оригинала, на невѣрность пониманія переводчикомъ многихъ мѣстъ книги, а все это говоритъ за то, что еврейскій оригиналъ потерпѣлъ уже обычную судьбу рукописей, переписываемыхъ послѣдовательно одна съ другой,— онъ подвергся порчѣ,—и что у переводчика уже не было живого преданія отъ самого автора о значеніи тѣхъ или другихъ мѣстъ его книги: значитъ, между составленіемъ книги и ея переводомъ протекъ довольно длинный періодъ времени. Правда, Галеви слишкомъ строго относится къ греческому переводу, въ сущности, какъ увидимъ, довольно исправному, и кромѣ того утверждаетъ, будто переводчикъ былъ собственно не внукомъ автора, а болѣе далекимъ его потомкомъ, но основная мысль остается все-таки вѣрною: дѣйствительно, если бы переводчикъ имѣлъ подъ руками очень близкій къ подлиннику текстъ, или даже самый подлинникъ книги, что при близкомъ родствѣ его

---

[51] Pirke Aboth 1, 2, см. примѣч. 26.

[52] *Halévy*, Étude sur la partie du texte Hébreu de l'Ecclésiastique, p. 63, cp. Revue Sémitique, jul. 1899, p. 237 sq. См. *V. Ryssel* in *E. Kautzsch*' Apokryphen, I, S. 239.

съ авторомъ было вполнѣ возможно, то его переводъ являлся бы, за рѣдкими исключеніями, зависѣвшими отъ самого переводчика, точною копіей подлинника, а этого на самомъ дѣлѣ не видно.

Итакъ, всего вѣроятнѣе полагать, что книга Іисуса бенъ-Сира́ написана въ началѣ второй половины III вѣка до Р. Х., раньше вступленія въ должность Симона II. Обратная провѣрка хронологическихъ отношеній покажетъ намъ полную возможность такого предположенія. Симонъ I первосвященствовалъ въ началѣ III вѣка до Р. Х., и слѣдовательно, Іисусъ въ раннемъ возрастѣ могъ самъ быть свидѣтелемъ его дѣятельности, при чемъ въ его дѣтской душѣ особенно запечатлѣлось великолѣпіе служенія Симона, такъ подробно описанное имъ въ своей книгѣ. Если въ годъ смерти Симона Іисусу было около 10 лѣтъ, а свою книгу онъ написалъ лѣтъ 60-ти, то ея написаніе падаетъ на время около 240 года до Р. Х. Если тогда же родился отецъ переводчика книги на греческій языкъ, а послѣдній родился, когда отцу его было 60 лѣтъ, то въ годъ переселенія своего въ Египетъ онъ имѣлъ около 50 лѣтъ. Конечно, годы эти довольно велики, но наблюденіе надъ дѣйствительною жизнію не говоритъ противъ ихъ возможности. Такимъ образомъ, наиболѣе вѣроятнымъ временемъ написанія книги Іисуса сына Сирахова можно считать именно время около 240 года до Р. Х.

Прот. **А. Рождественскій.**

Споры въ расколѣ во второй четверти XVIII вѣка *).

V.

Споры въ безпоповщинѣ.

Въ разсматриваемое нами время существовали два безпоповщинскихъ толка—толкъ поморскій и толкъ ѳедосѣевскій, обособившіеся еще въ первой четверти XVIII вѣка и начавшіе тогда же взаимныя препирательства. Споры теперь между этими двумя толками продолжались, хотя уже не столь рѣзко, какъ было ранѣе.

Къ 1727 году относится первый фактъ, который раскольническое сказаніе называетъ фактомъ «примиренія» между выговцами и ѳедосѣвцами. Въ «Исторіи о соблазнахъ ѳедосѣева согласія» передается, что въ 1727 году на Выгъ пріѣзжалъ ѳедосѣвскій учитель Игнатій Трофимовъ,—пріѣзжалъ, вѣроятно, изъ Витебской губерніи, гдѣ онъ жилъ тогда [67]). «Ѳедосѣевцы, аки бы въ чувство пришедши, пріѣхавши въ обитель къ нашимъ отцамъ, именно: съ ихъ стороны учитель Игнатій Трофимовичъ, съ прочими, къ нашимъ отцемъ—Даніилу Викуловичу, Андрею и Симеону Діонисьевичамъ, и прочимъ, и, по многихъ разглагольствіяхъ, прощеніе сотвориша ко онымъ отцемъ—въ своихъ соблазнахъ и раздорахъ, и отъ раздора въ мирное состояніе пріидоша, сирѣчь примирившися ко онымъ отцемъ. И си есть явѣ содержаніе отецъ оныхъ въ правости исповѣдаша, свои же соблазны уничтожиша, сирѣчь: еже о титлахъ и о бракахъ. Явѣ показуется сіе и отъ самаго того даннаго имъ миротворнаго письма, въ которомъ, свое доказавши, отцы сви-

*) Продолженіе. См. февраль.

[67]) „Богослов. Вѣстникъ“ 1910, ноябрь, стр. 484.

дѣтельствуютъ. Аще же съ титлами оными крестамъ покланятися написаша и въ прочіихъ нѣкіихъ имъ уступиша, и сіе смотрительно и обысканія ради имъ до времени позволиша, якоже свидѣтельствуютъ о семъ ту бывшіе Ѳедоръ Калинычъ и Даніилъ Матвѣевичъ; въ прочемъ же, усердно видится, они, ѳедосѣевы, тогда свои соблазны отвергоша, яко и тетради о семъ оправданіи своемъ на сожженіе предаша, якоже пишетъ Ѳеодоръ Калинычъ. И послѣди сего примиренія въ послѣдующая лѣта не слышася отъ нихъ оныхъ своихъ соблазновъ возновленія» [68]). Мы имѣемъ подъ руками два документа объ этомъ «примиреніи», состоявшемся въ 1727 году: во-первыхъ, «примирительное письмо», данное Андреемъ Денисовымъ «братіи, пришедшей ради мирнаго согласія», т. е. Игнатію Трофимову и его единовѣрцамъ,—и вовторыхъ, письмо Игнатія Трофимова о бесѣдѣ при этомъ свиданіи. Въ нихъ спорные вопросы между выговцами и ѳедосѣевцами, особенно вопросъ о титлѣ на крестѣ, изложены согласно съ данной характеристикой ихъ въ названной «Исторіи», но не видно, чтобы Игнатій Трофимовъ при этомъ еще «прощеніе сотворилъ ко онымъ отцемъ» — выговцамъ «въ своихъ соблазнахъ и раздорахъ».

«Понеже, — говорится у Андрея Денисова,—пустынножители пріяша обычай отъ древлеправославной церкви имѣти на животворящемъ крестѣ надписаніе, по древлецерковнымъ святымъ обычаямъ; и кресты мѣдные лити съ древнихъ образцовъ, съ староцерковными подписями, кромѣ Пилатова надписанія; о чемъ премножайшая древлецерковная святыхъ свидѣтельства имѣемъ; а како о Пилатовѣ надписаніи въ святѣмъ Евангеліи и въ прочихъ церковныхъ книгахъ писано, тако и пріемлемъ, а своего преданія о тѣхъ святыхъ словесѣхъ, чего тамо не написано, не изводимъ, и не предаваемъ; и отъ другихъ своеразсуднаго преданія не пріемлемъ; о чемъ премногая древлецерковная святыхъ свидѣтельства и противо неистинныхъ наношеній отвѣтствованія достовѣрная на бесѣдѣ любви вашей явихомъ: чего ради намъ готовому святыхъ преданію послѣдовати надежно есть. А о оной Пилатомъ надписанной, титлѣ—воображали ли ю въ древлеправославной церкви четырьми буквами святіи на образѣхъ крестныхъ — о семъ достовѣрныхъ свидѣтельствъ ищемъ. Того ради и писать тѣхъ четырехъ буквъ, до подлиннаго свидѣтельства, совѣтовати опасеніе имѣемъ, понеже у

[68]) Рукоп. И. П. Б. О. I. 443, лл. 146 об.—187 обор.

древнихъ святыхъ воображены не обрѣтаемъ; а когда прилучится намъ быти въ странныхъ христіанѣхъ и обращающимся у нихъ животворящимъ крестамъ съ подписаніемъ «Царь славы, Іисусъ Христосъ, ника», аще и титла на тѣхъ же крестахъ съ четырьми буквами воображены: и тѣмъ животворящимъ крестамъ поклоненіе творимъ и инымъ совѣтуемъ поклоненіе творити, о чемъ у насъ и прежде на общей бесѣдѣ письмомъ извѣщено. И о семъ вашу братскую любовь молимъ: еже вы потщаніе имѣйте—на староцерковныхъ крестахъ надписаніе обыскивайте, благоволите о семъ доброе и боголюбное радѣніе имѣти... А о чинѣхъ молитвенныхъ службы, яже мы пріяхомъ отъ древлецерковныя церкви, наипаче древле-Соловецкія обители святыхъ, о чемъ вашей любви на бесѣдѣ явихомъ, и отъ святыхъ писаній и отеческихъ обычаевъ засвидѣтельствовахомъ: и аще нѣкіе различные чины обрящутся, и въ томъ другъ съ другомъ разгласія не имѣти, къ кому съ кіимъ прилучится приходити—имѣти соглашеніе и распри не чинити, да миръ Божій будетъ между христіаны». Этотъ документъ подписанъ 5-мъ августа 1727 года [69]).

Сохранилось сообщеніе о свиданіи выговцевъ съ ѳедосѣевцами въ 1727 году и со стороны Игнатія Трофимова, писанное послѣднимъ когда-то послѣ бесѣды [70]), потому что эта бесѣда упоминается здѣсь какъ событіе прошедшее. Въ этомъ «письмѣ» говорится, что на «бесѣдѣ воспомянуся о письмѣ Игнатія, старца Палье—острова, которое письмо обносится въ христіанѣхъ, и о томъ письмѣ случается пря и смущеніе въ христіанѣхъ». По словамъ Игнатія, Андрей Денисовъ на бесѣдѣ сказалъ такъ: этого письма «въ оправданіе мы не приводимъ о титлѣ, что Пилатомъ писано на крестѣ Господнемъ, и тѣмъ не оправдываемся, но отъ лѣтописныхъ древнихъ крестовъ свидѣтельство приводимъ». Подобное же сказалъ Андрей Де-

---

[69]) Рукоп. В. Г. Дружинина № 149, лл. 166—168: здѣсь это сочиненіе надписывается такъ: „Отца Андрея Денисовича и Игнатія Трофимовича писемъ копія“. Ср. Рукоп. И. П. Б. О. I. 369, лл. 91—93: здѣсь, какъ и въ рукоп. № 149, надписаніе сочиненія такое: „Извѣстіе страннымъ братіямъ, пришедшимъ ради мирнаго согласія, съ ними же бесѣдовахомъ отъ святыхъ Писаній, и по желанію ихъ и другихъ братій, въ вѣдѣніе общесогласное примиреніе извѣствуется“, причемъ на полѣ надпись: „А. Д.“ Ср. Рукоп. Владимірской семинаріи № 75, гл. 14.

[70]) По словамъ П. Д. Іустинова, „примирительное письмо“ Игнатія Трофимова писано „въ 1730 или 1731 году“ („Богослов. Вѣстникъ“ 1910, декабрь, стр, 682).

нисовъ и о «письмахъ»: на Выгъ, писанныхъ изъ Польши, и съ Выга въ Польшу. «Обоихъ письма,—сказалъ Андрей,—судьбамъ Божіимъ предаваемъ». При этомъ Андрей Денисовъ, по словамъ Игнатія Трофимова, добавилъ: «а что которые люди отъ нашея страны пустынножителіе что изрекли дерзко, или сотворили, того мы не одобряемъ, ниже похваляемъ». Съ своей стороны и Игнатій Трофимовъ писалъ такъ: «Такожде и отъ нашея страны Новгородскія, что дерзостно говорили и не въ чинъ писали, того и мы такожде не одобряемъ, ниже похваляемъ. А которые впредь будутъ таковое дерзостію творити, и сихъ вкупѣ наказывати». При этомъ Игнатій Трофимовъ добавляетъ, что «тако Богу помолились и, «Достойно» проговоря, другъ другу прощенія принесли» [70a]). Такимъ образомъ никакого испрашиванія «прощенія» со стороны ѳедосѣевцевъ, какъ видимъ, не было: если была нѣкоторая уступка, то одинаковая съ обѣихъ сторонъ.

Но «примиреніе» между выговцами и ѳедосѣевцами по вопросу о титлѣ на крестѣ Христовомъ, дѣйствительно, въ 1727 г. состоялось, не смотря на всѣ споры, которые происходили въ первой четверти XVIII вѣка. Рѣшили не возбуждать преній даже о сочиненіи о титлѣ на крестѣ діакона Соловецкаго Игнатія [71]). Однако, то, что принято было Игнатіемъ Трофимовымъ, не сдѣлалось достояніемъ убѣжденія прочихъ ѳедосѣевцевъ. По крайней мѣрѣ ѳедосѣевцы Московскіе, Новгородскіе и Старорусскіе «не склонишася принять мирные договоры», и сѣтовали на Игнатія за то, что онъ «четырехъ буквъ не возможе въ Выгорѣцкихъ мѣстахъ вмѣстити». Поэтому Игнатій, чтобы поправить свою «ошибку», приложилъ старанія къ отысканію доказательствъ въ пользу «четырехъ буквъ». Въ своихъ поискахъ Игнатій добрался даже до Вѣтки и у здѣшнихъ діаконовцевъ нашелъ кресты съ желанною титлою. Обрадованный этимъ, Игнатій и самъ теперь еще болѣе утвердился въ твоемъ убѣжденіи относительно истинности ѳедосѣев-

---

[70a]) Рукоп. Владимірской семинаріи № 75, гл. 15, лл. 125—125 обор.: здѣсь приписка гласитъ: „списано съ соборнаго обоихъ странъ письма“. Ср. Рукоп. И. П. Б. Q. I. 1089, лл. 33 обор.—34 обор.: здѣсь надписаніе такое: „примирительное письмо Игнатія Трофимова“. Ср. Рукоп. В. Г. Дружинина № 149, лл. 168 обор. — 169 обор. съ надписью: „письмо отца Игнатія Трофимыча“.

[71]) Это сочиненіе Игнатія напечатано въ нашемъ изслѣдованіи „Внутренніе вопросы въ расколѣ въ XVII вѣкѣ“, стр. 016—018.

скаго ученія, и другимъ «своимъ послѣдователямъ» «всюду разглашаше, доказуя свое четверобуквенное надписаніе быти непреоборимое и толикими свидѣтельствы подкрѣпляемое». И вотъ у Игнатія снова является мысль ѣхать на Выгъ, чтобы обличить «неправду» поморцевъ.

Между прочимъ, всплылъ наружу опять вопросъ объ извѣстномъ писаніи старца Игнатія, о которомъ Андрей Денисовъ на бесѣдѣ 1727 года утверждалъ, что этого писанія выговцы въ оправданіе себѣ не приводятъ, -- всплылъ потому, что объ этомъ письмѣ не забывали ѳедосѣевцы. Что именно говорили они о немъ, видно изъ «Объявленія о ѳедосѣевцахъ», принадлежащаго безпоповцу Ивану Алексѣеву, жившему въ Климовой слободѣ, [71а]), въ которомъ этотъ безпоповецъ порицалъ ѳедосѣевцевъ за то, что тѣ хулили писаніе Игнатія Соловецкаго. «Они же, Ѳедосѣевы защитницы,—говорилось Иваномъ Алексѣевымъ, — ставше за онаго еретика Никона, аки за учителя своего, онаго священнаго отца Игнатія за оное его объяснительное слово, во своихъ еретическихъ богопротивныхъ письмахъ изгласиша, яко отъ сатаны подстрекаемъ таковая писати, и то его писаніе богомерзкимъ и блевотиною нарекоша, самого же его злымъ коренемъ и злою курицею нарекоша; сему же отцу Игнатію последствующихъ поморскихъ злою отраслью и злымъ яйцомъ оглаголаша, и къ жидомъ, распеншимъ Господа, и къ еретикомъ, и къ иконоборнымъ, уподобиша враждебницы за непринятіе тоя титлы» [72]). Такимъ образомъ оказывается, что во второй четверти XVIII вѣка, когда писалъ свое «Объявленіе» Иванъ Алексѣевъ, ѳедосѣевцы по прежнему продолжали хулить писаніе о титлѣ, составленное діакономъ Игнатіемъ,— хулить вполнѣ справедливо, не потому только, что Игнатій совсѣмъ облыжно называлъ титло на крестѣ не только ересью Арія, но и «прелестью» антихриста, но и потому еще, что выговцы въ 1727 году отказались отъ писанія Игнатія, а теперь снова стали ссылатся на него.

Имѣя въ виду эти вопросы, Игнатій Трофимовъ поѣхалъ на Выгъ, имѣя спутникомъ себѣ нѣкого Максима Маркова, жившаго въ Польшѣ. По пути они захватили съ собою Ѳеодора Калиныча изъ Дунилова, и около Крещенія 1731 или

[71а]) „Богослов. Вѣстникъ“ 1910, декабрь, стр. 680—682.

[72]) Рукоп. Казанской академіи № 2122, in 8°, л. 164.

1732 года прибыли на Выгъ. На этотъ разъ поѣздка Игнатія оказалась совсѣмъ неудачной: въ своихъ доказательствахъ онъ былъ совершенно разбитъ выговцами, и если мы потомъ встрѣчаемъ его еще препирающимся изъ-за титла, то уже не на Выгѣ, а въ Москвѣ.

Первый случай собесѣдованія Игнатія съ поморцами относится къ 1737 году, когда возражателемъ ему выступилъ извѣстный Даніилъ Матвѣевъ; второй случай—переписки съ извѣстнымъ Спиридономъ Ивановымъ былъ въ 1739 году [73]); въ 1744 году снова былъ споръ у Игнатія съ выговцами—опять въ Москвѣ. Изъ выговцевъ въ Москвѣ въ это время былъ извѣстный Даніилъ Матвѣевъ, а изъ ѳедосѣевцевъ Игнатій Трофимовъ, пріѣхавшій сюда изъ Польши. Изъ другихъ мѣстъ безпоповщинскаго поселенія здѣсь находились Ѳедоръ Калиновичъ, житель села Дунилова, и какой то Ѳедоръ Ѳедоровъ, можетъ быть, ѳедосѣевскій «отецъ», подписавшій опредѣленія ѳедосѣевскаго «собора» 1739 года. «Того же года,—разсказывается въ раскольническомъ сказаніи,—въ мѣсяцѣ іюлѣ, было собраніе въ Преображенскомъ, въ дому Сергѣя Мартынова, въ чердакѣ. Всѣхъ было пять человѣкъ: Даніилъ Матвѣевъ, Игнатій Трофимовъ, Ѳедоръ Калинычъ, Ѳедоръ Ѳедоровъ, тутъ же былъ и я»,—говоритъ какой-то безпоповецъ Михаилъ Григорьевъ. «А иныхъ много было, но не пустили ихъ. И потомъ между собою стали разговаривать». Игнатій Трофимовъ сказалъ Даніилу Матвѣеву: «положи начало, да простися, то у насъ миръ будетъ». Даніилъ отвѣтилъ: «за что мнѣ начало класть? Я безъ совѣта своихъ старцевъ не буду начало класть», причемъ прибавилъ Игнатію: «да и ты, Игнатій Трофимовичъ, когда мы съ тобою были на бесѣдѣ», т. е. въ 1727 году или 1731—1732 годахъ, на Выгѣ, «и ты въ разговорѣ о Пилатовой титлѣ сослался на крестъ царя Константина, что на Константиновомъ крестѣ есть Пилатово титло, подъ скобкой, я де своимъ окомъ видѣлъ. И съ тобою ходили въ соборъ, и крестъ Константиновъ смотрѣли,—мы и ты,—а на Константиновомъ крестѣ Пилатовы титлы нѣтъ. Аще ты и солгалъ на тотъ крестъ, и тутъ мы не вяжемся, начало не заставляемъ тебя класть». Игнатій Трофимовъ на это сказалъ: «я въ томъ и начало положу и прощуся, да и подручникъ въ руки взялъ, и сталъ предъ об-

---

[73]) „Богослов. Вѣстникъ 1910, декабрь, стр. 682—690.

разомъ кланяться. И тотъ Даніилъ Матвѣевъ руками Игнатія подхватилъ, и глагола ему: добро, Игнатій Трофимичъ, Богъ тя проститъ». Игнатій всетаки опять сказалъ Даніилу: «положи начало, Даніилъ Матвѣевичъ, то и миръ будетъ; аще ли начала не положишь, то и мира у насъ съ вами не будетъ». Тогда Даніилъ Матвѣевъ такъ отвѣтилъ Игнатію Трофимову: «намъ въ васъ нужда не велика, мы и безъ васъ живемъ да спасаемся, а вы какъ хощете». Игнатій все продолжалъ твердить: «положи начало». Даніилъ Матвѣевъ опять замѣтилъ: «безъ совѣта своихъ стариковъ я начало класть не буду. На этомъ споръ кончился, въ заключеніе пропѣли задостойникъ «Радуйся, царице» [73a]).

Въ слѣдующемъ 1745 году Игнатій Трофимовъ опять писалъ письмо въ Поморье, прося отвѣта объ извѣстномъ писаніи діакона Игнатія Соловецкаго.

«Страшно намъ слышать,—писалъ Игнатій о спрашиваемомъ писаніи,— и ужасно прочитать таковое. А нынѣ мы слышимъ съ вашей страны, подобно оному Игнатіеву списанію, отрыгаете и хулите, якожи прежде были отъ вашей страны ...дерзостные хульники. И ваша любовь извольте намъ истинно и праведно извѣстить о томъ письмѣ, какъ стати предъ Богомъ: право ли оное? или неправо списаніе? пріято ли церковію святою, или не пріято?. А будетъ право, то вы извѣтите намъ письменно: право, и православно ли, и церкви Божіей не противно, и святымъ богословцемъ согласно ли? А будетъ вашей любви оно списаніе Игнатіево сумнительно, и мнительно, и непорядочно, и въ миръ оное непотребно, и христіаномъ оное мятежно и вредно, и вы, Господа ради, не скройте о томъ въ сердцѣ своемъ: явственно покажите намъ исповѣданіе на письмѣ чисто, чтобы намъ въ свои страны извѣстіе показать братіи своей не токмо словесы, но и на писаніи. А что ваша любовь приноситъ намъ свидѣтельства о древнихъ святыхъ чудотворныхъ крестахъ безъ титлъ, то мы исповѣдаемъ свято и истинно, и поклоняемся, и пріемлемъ, и лобызаемъ. А что съ титлами кресты у насъ видятся, или гдѣ обрѣтаются въ церквахъ, или гдѣ въ селѣхъ, и во христіанѣхъ, пріемлемъ же равно и честно; а вонъ вынести, или тыя титлы сокрушить, или стереть оную не смѣемъ того ради, что святые чудотворцы и обличители на римское

[73a]) Рукоп. В. Г. Дружинина № 160, лл. 339—340.

царство, и на люторское ученіе, о титлѣ ничего не писали. О польскомъ государствѣ много Филаретъ патріархъ извѣстилъ, а о титлѣ нигдѣ не описалъ, и ниже воспомянулъ... Посему просимъ по премногу вашу любовь, пожалуйте, не презрите сего нашего Господа ради, прошенія, и пользы ради душъ христіанскихъ о себѣ достовѣрно извѣстите» [74]).

Въ отвѣтъ на это письмо Игнатія Трофимова съ поморской стороны, именно отъ выговца Даніила Матвѣева, безъ промедленія былъ присланъ обширный отвѣтъ. Онъ имѣетъ такую дату: «Лѣта 1745-го февраля дня 11-го» [75]). Очевидно, письмо Игнатія Трофимова было составлено въ самомъ началѣ 1745 года.

Въ началѣ отвѣта говорилось, что письмо Игнатія Трофимова на Выгѣ получено и что выговцы содержаніемъ письма оскорблены: «многая, видится, непривычная совносите и объявляете, святопочившую отеческую персть дерзко некако и неучтиво воспоминаете; къ тому и свое мнѣніе о Пилатовѣ написаніи паки и паки возновляете и подтверждаете». Однако, выговцы добавляли, что «по должности христіанской прошеніямъ вашимъ», т. е. Игнатія Трофимова и прочихъ ѳедосѣевцевъ «не пренебрегаемъ, но рѣшеньми, подобающими любве ради Христовы и пользы христіанскихъ душъ разрѣшающе, отвѣтословствуемъ», хотя затруднены «стояніемъ въ Поморьѣ коммисіи» по доносу Круглаго и «генеральною ревизіею». Весь отвѣтъ распадался на четыре пункта.

Въ первомъ пунктѣ рѣчь шла о сочиненіи о титлѣ діакона Соловецкаго Игнатія. Изъ того факта, что Игнатій подвергся самосожженію въ Палеостровскомъ монастырѣ, Даніилъ Матвѣевъ дѣлалъ выводъ, что Игнатій «за святоцерковное святыхъ россійскихъ чудотворцевъ благочестіе подвижеся даже до самой смерти» и потому всякое писаніе Игнатія достойно полнаго пріятія; затѣмъ, въ ученіи о Св. Троицѣ, о воплощеніи

---

[74]) Рукоп. В. Г. Дружинина № 160, лл. 300—301 обор: здѣсь памятникъ имѣетъ такую надпись: „Письмо отъ Игнатія Трофимовича къ Поморскимъ“. Въ концѣ письма есть подпись: „Писавый, по премногу униженный, кланяюсь Игнатій Трофимовъ и прочіе“, и дата: „1745 годъ“.

[75]) Въ нашей рукописи отвѣтъ Даніила Матвѣева имѣетъ такую надпись: „Къ Игнатію Трофимову отъ Поморскихъ, отъ Данилы Матвѣева“. При этомъ на полѣ стоитъ помѣтка: „Противъ письма“. Самый отвѣтъ начинается такими словами: „Благочестивѣйшей братіи Игнатію Трофимовичу съ прочими о Христѣ радоватися желаемъ“.

Бога Слова, о Пресвятой Богородицѣ, о св. вселенскихъ и помѣстныхъ соборахъ, о почитаніи св. иконъ, Игнатій, по словамъ Даніила, ничѣмъ не погрѣшилъ; слѣдовательно, Игнатій и въ ученіи «о крестныхъ титлахъ, согласно со св. церковію, яко восточною, тако и россійскою, правомудрствуетъ». Вообще, «по всему познавается оный священный старецъ Игнатій, яко православнаго мудрованія бяше, и...вся богомудренно и со св. богословцы весьма согласно и за едино исповѣдуемо, и св. древлеправославною церковію право и православно пріемлется». Поэтому не удивительно, если «отъ Никоновыхъ временъ въ россійскую церковь привпадшую Пилатову титлу не пріятъ и право о ней позна и разсуди». Отсюда «и мы,—заключалъ Даніилъ Матвѣевъ,—не имѣемъ онѣхъ четырехъ Пилатовыхъ написанныхъ литеръ на крестѣ Христовѣ воображати, и у святыхъ не видимъ тако пишемыхъ». Въ виду того, что письмо Игнатія Трофимова упоминало о хулѣ поморцевъ на крестѣ съ титлою, Даніилъ Матвѣевъ говорилъ: «Аще въ случившихся разговорахъ съ вами отъ нашея бы кто страны на Пилатово надписаніе, четырьми литеры у васъ писанное, не видѣвъ у святыхъ тако писаннаго и по ревности за древлецерковное написаніе, еже есть: Ц. С. І. Х., и произнесъ будетъ какое слово: и сему никаноже подивитеся, ибо и сей согласно со св. богословцы пореклъ бяше, пожеже святіи оніи Пилатово написаніе не похваляютъ, но порицаютъ».

Во второмъ пунктѣ говорилось о томъ, что ѳедосѣевцы поступаютъ будто бы совершенно несправедливо, когда пріемлютъ кресты обоихъ видовъ, т. е. съ надписями «Ц. С. І. Х. и І. Н. Ц. І,» потому что «богословцы не сравниша равночестно» эти два надписанія.

Въ третьемъ пунктѣ рѣчь шла о томъ, что ѳедосѣевцы не видѣли и не имѣютъ чудотворныхъ крестовъ съ титломъ. «Обрѣтаются ли въ церквахъ, и селахъ, съ титлою Пилатовою кресты, яко же извѣствуете»,—не знаемъ, но «не обрѣтаются чудотворные, и св. мужи засвидѣтельствованные». Даніилъ обвинялъ ѳедосѣевцевъ прямо въ подлогахъ. «Не по прямой совѣсти свидѣтельства по себѣ собираете, и въ народѣ усердно за свидѣтельствуете. Яковое же ваше знаменитое креста обысканіе находится въ Борисоглѣбской слободѣ, въ церкви св. Бориса и Глѣба; о немъ же мы отъ вашей страны довольно слышахомъ: распятіе великое, рѣзное; его же мы сами потщахомся разсмотрѣти опасно прошедшаго января дня 12-го, 1745 году,

въ день недѣльный; и видѣвши, удивихомся такъ чудному по вамъ свидѣтельству: како не точію простымъ и не хитрымъ художествомъ распятіе оно изваяно въ древѣ, но и подножіе у креста не имѣется, и нози Христовы, прямо подобно латинскимъ распятіямъ, отягчены; глава же Христова къ десному рамени не приклонена, якоже обычай есть древнимъ распятій изображеніямъ бывати, якоже на Корсунскомъ крестѣ, и на крестѣ чудотворномъ въ Благовѣщенскомъ находится соборѣ, и противъ древнѣйшихъ прямо не обычна. И таковое по вамъ многослышимое свидѣтельство вашей совѣсти судити оставляемъ: только бы по вамъ титло Пилатово гдѣ было, а того небрежете смотрѣть: благоискусно ли, и согласно ли содѣлано, и имѣется ли подножіе крестное, и подобно ли церковнымъ распятіямъ воображено,—сія вся презираете». Въ заключеніе даннаго пункта Даніилъ Матвѣевъ добавлялъ: «и о прочихъ нужныхъ винахъ дозирати тщанія обычнаго не показуете, или тайно, въ совѣстѣхъ вашихъ крыюще, несогласій крестныхъ не повѣствуете, и коль будетъ въ сицевыхъ совѣсть ваша чиста, вы сами про себя отъ сихъ разсудите».

Въ четвертомъ пунктѣ пояснялось, что кресты съ титломъ суть кресты костеловъ римскихъ, кирокъ лютеранскихъ и кальвинскихъ, храмовъ польскихъ и уніатскихъ. Если «святіи», писавшіе «на новшества уніатскія и латинскія, не вся, по части ради невмѣщенія, писаше, то кійждо писатель отчасти писаніемъ удовлися, якоже и святѣйшій патріархъ Филаретъ— не вся новости латиновъ объявилъ и написа, но многая, неудобства ради, остави».

Въ заключеніе Даніилъ Матвѣевъ дѣлалъ такое обращеніе къ ѳедосѣевцамъ: «Поусердствуйте, Господа ради поусердствуйте, якоже въ прочихъ, тако и въ написаніихъ крестныхъ опасно со святыми любомудрствовати, и тѣми жъ ихъ богословными титулами надписывати; поусердствуйте и во обысканіихъ по вамъ мнимыхъ нужныхъ доброе и неоплошное радѣніе показывати, чтобы не точію слышащимъ, но и видѣти случающимся свидѣтельства ваши неподозрительны были, но согласно бы во всемъ церковнымъ распятіямъ и надписаніямъ. Притяжите себѣ, молимъ любезніи, притяжите опасное себѣ разсужденіе, и не надъ мѣру стужайте» [76]).

Такимъ образомъ, «примиреніе» между поморцами и ѳедо-

---

[76]) Рукоп. В. Г. Дружинина № 160, лл. 302—315.

сѣевцами, состоявшееся въ 1727 году, не имѣло практическихъ послѣдствій даже въ ближайшемъ будущемъ. Ѳедосѣевцы продолжали отстаивать свои положенія, поморцы—свои. Главнымъ дѣятелемъ въ происходившихъ въ то время препирательствахъ являлся со стороны ѳедосѣевщины участникъ «примиренія» 1727 года—Игнатій Трофимовъ. Обѣ стороны, каждая отчасти, были справедливы, отчасти—нѣтъ. Всетаки сравнительно большее упорство замѣчается со стороны поморцевъ. Вполнѣ справедливое и, повидимому, для обѣихъ сторонъ безобидное мнѣніе ѳедосѣевцевъ, что слѣдуетъ принимать и почитать обѣ формы крестовъ, т. е. съ надписью Ц. С. І. Х. и съ надписью І. Н. Ц. І., вызывало со стороны поморцевъ возраженіе и прямо порицаніе. Неудивительно, что ѳедосѣевцы не могли примириться съ поморцами. Всѣ стремленія къ этому со стороны ѳедосѣевцевъ, или со стороны поморцевъ, кончились ничѣмъ.

Въ качествѣ примѣра можемъ указать на неудачныя собесѣдованія выговца Григорія Яковлева, который, по его свидѣтельству 1748 года, неоднократно бесѣдовалъ съ ѳедосѣевцами, привлекая ихъ къ примиренію, и благопріятнаго результата не имѣлъ. «Разглагольства многія я въ разныхъ домахъ, въ Преображенскомъ томъ селѣ,—говоритъ Григорій Яковлевъ о собесѣдованіяхъ съ ѳедосѣевцами въ Москвѣ, — съ раскольниками тамошними производилъ, примиряя во едино согласіе ѳедосѣевщину и даниловщину, а именно въ домѣхъ Тихона Радіонова, Михаила Иванова, Мартина Сергѣева, Ипата Григорьева, Гавріила Савельева, Тихона Григорьева, Матвѣя Ѳедорова, Алексѣя Иванова, и еще во дворѣ Кудрявцева, во дворѣ Бригадирскомъ, во дворѣ Генеральскомъ, всякимъ образомъ увѣщавая и соединяя ихъ въ примиреніе, а болѣе же защищая по прелести своей едино свое согласіе, выправляя во всѣхъ» [77]).

Раздѣляясь съ поморцами, ѳедосѣевскій толкъ возбуждалъ много такихъ вопросовъ, изъ-за различнаго рѣшенія которыхъ и самъ распадался на отдѣльныя части. Извѣстный поморецъ Григорій Яковлевъ свидѣтелъствуетъ, что около 1748 года «расколъ ѳедосѣевъ на седмеро разсѣкался».

По словамъ Яковлева, происходили препирательства въ ѳедосѣевщинѣ, вопервыхъ, изъ-за богослужебныхъ книгъ Іосифов-

[77]) Извѣщ. правед. о раск. безпопов., стр. 61.

скаго изданія. «Книгъ всѣхъ выходу Іосифа патріарха не пріемлютъ», т. е. нѣкоторые ѳедосѣевцы, «глаголюще, якоже Никонъ патріархъ антихристъ: посему будетъ Іосифъ предтеча антихристовъ, уготовивый ему путь; и сего ради не подобаетъ книгъ его пріимати».

Другіе заводили препирательства изъ-за вопроса о записи въ генеральную ревизію. «Кои суть записные въ генеральной переписи и ревизіи: вси таковіи,—говорили эти ѳедосѣевцы,—подъ печатью антихристовою; не подобаетъ съ тѣми, и которые сообщаются съ таковыми, ни пити, ни ясти, ниже молитися, и съ прочими подобными имъ, аще и единаго раскола будутъ».

Третьи обособлялись по вопросу о покупаемой на торгахъ пищѣ, и о водѣ, которую берутъ въ рѣкахъ и колодцахъ. «Брашна продаемая, и воды въ рѣкахъ и кладезяхъ, не подобаетъ», по ихъ мнѣнію, «совершеннымъ христіаномъ пріимати, понеже все вездѣ осквернено нынѣ антихристомъ».

Четвертые обращали вниманіе на тѣ особенности ѳедосѣевской общины, противъ которыхъ вооружался извѣстный польскій соборъ 1739 года. Именно таковые говорили, что «которые учители живутъ съ зазорными лицы, отъ тѣхъ ничто есть пріятно, ни спасительно, а паче же крещеніе и покаяніе, понеже за то правилами святыхъ извержены отъ всякаго священнодѣйства».

Были еще и такіе, которые обособлялись по вопросу о бракѣ. «Таковые говорили, что оженившихся и отступившихъ отъ согласія ихъ не подобаетъ паки пріимати ихъ, яко слабыхъ и невоздержныхъ, и ниже съ таковыми во единомъ домѣ сожительствовати когда достоитъ истиннымъ христіанамъ».

Кромѣ того, ѳедосѣевцы «разсѣкались» еще изъ-за «новоженства». Одни, «приступивъ ко святой церкви бракомъ единымъ», содержа «расколъ тайно»,—надѣялись «на покаяніе ко лжеучителемъ своимъ», къ которому прибѣгали «при смерти». Другіе возлагали упованіе на такое же «покаяніе» въ качествѣ очищенія за многія «отступленія» отъ раскола, потому что часто обращались къ священникамъ, за исправленіемъ разныхъ требъ, въ томъ числѣ и брака. Третьи, наконецъ, «иже ко святѣй церкви съ присягою приступивше и всѣхъ таинъ сподобившіеся, прелестію же тайно влекоміи ко лжеучителемъ своимъ къ покаянію,—желаютъ и при смерти уповаютъ исправитися».

«Къ симъ еще отдѣлялись самоперекрещеванцы, которые ни отъ кого не пріемлютъ ни покаянія, ни перекрещиванія, но сами ся кійждо перекрещиваютъ, зашедши просто въ воду, токмо приговаривая обычная словеса, яже о крещеніи» [78]).

Въ поморской безпоповщинѣ, именно на Выгѣ, разладъ происходилъ изъ-за нарушенія тѣхъ правилъ, которыя были установлены для Выговскаго общежитія въ самомъ началѣ его существованія. Противъ такихъ нарушеній было направлено опредѣленіе Выговскаго «собора» 18 декабря 1726 года. «Лѣта отъ созданія міра 7235-го, декабря въ 18 день въ соборной келіи настоятели и старцы съ соборными братіями, общеизвѣстнымъ приговоромъ, по св. отецъ законамъ и уставамъ, прежде основанное общебратское установленіе подтвердили: хотящимъ въ обществѣ братства быти что должно есть хранити».

Въ данномъ опредѣленіи прежде всего указывалось, чтобъ «братіи денегъ своихъ не имѣти, ниже у себя, ниже индѣ гдѣ, но всѣ въ казну братскую отдавати; отъ окрестныхъ безъ благословенія настоятелей денегъ отнюдь не пріимати, ниже въ торгъ, ниже въ сохраненіе».

Затѣмъ давалось наставленіе о куплѣ и продажѣ. «Безъ благословенія настоятелей и введенныхъ на сіе нарядниковъ, и казначеевъ, и подобныхъ, прочимъ братіямъ ниже купити, ниже мѣняти что, ниже въ долгъ давати. Внѣ монастыря, въ окрестныя жилища никому отъ братіи никогда и никуда не ходити».

Далѣе говорилось объ исполненіи правилъ послушанія. «У настоятелей и у соборныхъ братій, коимъ ввѣрено братское строеніе, братіямъ всѣмъ быть во всякомъ покореніи и послушаніи, безъ всякаго прекословія, по отеческимъ уставамъ; непокорныхъ и противящихся настоятелямъ и соборнымъ управлять, по правиламъ и преданіямъ отеческимъ, и продерзымъ кіимъ упорникамъ и враждебникамъ чинити по правиламъ». Очевидно, всякія правила о деньгахъ, о куплѣ и продажѣ, о безусловной покорности наставленіямъ настоятелей общежитія и соборной братіи, данныя для руководства въ самомъ началѣ Выговскаго общежитія, съ теченіемъ времени

[78]) Извѣщ. правед. о раск. безпопов., стр. 122—123.

потеряли всякій смыслъ и значеніе, такъ что нужно было новое строгое постановленіе, чтобы привести эти правила въ дѣйствіе.

Поэтому въ заключеніе еще разъ было опредѣлено: «А которые отъ братій сихъ, отъ св. отецъ уставленныхъ законоуставленій общежительныхъ, хранити не восхотятъ: овіи не моженія ради, или иныхъ каковыхъ случаевъ, овіи же своевольства ради и тяжконравія, не хотяще подъ отеческими уставы и подъ настоятелями въ покорствѣ и послушаніи жить: симъ въ братствѣ жить мѣста не давати, а непокорныхъ и противящихся отъ братства изгоняти». Къ этому было еще прибавлено, что «сіе соборное уставленіе, какъ настоятелямъ, такъ и соборнымъ, и всѣмъ братіямъ, соблюдати и хранити впредь непремѣнно».

Это опредѣленіе подписали восемь «братій», во главѣ съ старцемъ Пафнутіемъ, а всего на соборѣ было двѣнадцать человѣкъ [79]).

Въ средѣ поморской безпоповщины большіе споры, волненія и раздѣленія произошли еще по вопросу о молитвѣ за царя. Извѣстно, что этотъ вопросъ возникъ въ расколѣ еще въ XVII вѣкѣ и провелъ тогда въ средѣ послѣдователей раскола рѣзкую черту раздѣленія. Одни рѣшали этотъ вопросъ въ отрицательномъ смыслѣ; другіе—въ положительномъ. Первые упрекали вторыхъ за невниманіе къ обстоятельствамъ времени и поносили именемъ погибшихъ; вторые называли первыхъ безусловно заблуждающимися, кривотолками, невѣдниками Писанія. Помимо рѣшенія по существу, по тому же вопросу о молитвѣ за царя возникали въ расколѣ еще частные споры. Такъ, между прочимъ, недоумѣвали надъ словами въ тропарѣ кресту: «побѣды благовѣрному царю даруй на сопротивные. Измѣнить текстъ тропаря противъ печати старыхъ книгъ, или же царя «невѣрнаго» называть «благовѣрнымъ»? И не грѣшно ли для старообрядца молиться о побѣдѣ царя—новолюбца на сопротивные, т. е. на старолюбцевъ? Главный расколоучитель XVII вѣка, протопопъ Аввакумъ, далъ наставленіе по поводу такого вопроса, чтобы царя «отступника» не называть «благовѣрнымъ», и слова тропаря «побѣды даруй на сопротивные» понимать въ смыслѣ

---

[79]) Рукп. И. П. Б. Q. I. 1065, лл. 69 обор.—72.

молитвы объ обращеніи царя съ пути заблужденія. Такъ, дѣйствительно, и поступила одна часть раскола, въ то время, какъ другая часть совсѣмъ отрицала всякую молитву за царя [80]).

Свидѣтельство первой четверти XVIII вѣка гласитъ, что по вопросу о молитвѣ за царя замѣчалась разница между поповщиною и безпоповщиною. «Безпоповщина,—писалъ епископъ Питиримъ императору Петру I,—твое царскаго пресвѣтлаго величества, въ молитвахъ и тропаряхъ, имя, гдѣ прилучится, не поминаютъ. А поповщина поминаетъ—точію благороднымъ, а благочестивымъ и благовѣрнымъ не именуютъ». Отрицали молитву за царя тогда не только безпоповцы-ѳедосѣевцы, какъ ревнители «древняго» благочестія болѣе рѣзкіе, но и безпоповцы-поморцы: въ выговскихъ «Обиходникахъ» писалось съ измѣненіемъ,—мѣсто «побѣды благовѣрному императору» они читали «побѣды благовѣрнымъ рабомъ своимъ». Былъ случай,—въ 1722 году,—«предложенія» со стороны Выговскаго архиктитора Андрея Денисова Выговскому «собору» называть императора Петра I «благочестивымъ». Но такъ какъ «благочестіе» Петра, понимаемое въ «старообрядческомъ» смыслѣ слова, не было доказано Денисовымъ, то «соборная братія», выслушавъ рѣчь Денисова, «сотворити на сіе не соизволиша, боящеся безвременнаго отъ братіи колебанія». Тѣмъ болѣе не могли принять молитвы за царя тѣ безпоповцы, которые въ лицѣ Петра вытолковывали самого послѣдняго антихриста [81]). Поэтому, когда въ 1738 году колодникъ Круглый, долгое время жившій въ Выговской пустыни, донесъ на выговцевъ, что они не молятся за предержащую власть, то доносъ его былъ вполнѣ справедливъ и не даромъ кончился чрезвычайными послѣдствіями для выговцевъ. Дѣло было слѣдующимъ образомъ.

Такъ какъ обвиненіе выговцевъ со стороны Круглаго было очень важное, то составлена была правительствомъ чрезвычайная комиссія, въ которую отъ Сената былъ назначенъ ассесоръ Квашнинъ-Самаринъ, а отъ Синода Кирилловскій архимандритъ Вавила. Тайная Канцелярія отъ себя вручила имъ секретную инструкцію, а для караула и разсылокъ при

---

[80]) Внутр. вопр. въ раск. въ XVII вѣкѣ, стр. 102—107.

[81]) Споры о раздѣленія въ расколѣ въ первой четверти XVIII вѣка, стр. 345—348.

производствѣ слѣдствія откомандированъ былъ отрядъ солдатъ [82]). Выговцы, конечно, перепугались. Не думая долго, созвали «соборъ». Приходилось выбирать одно изъ двухъ: или принять моленіе за царей, или пожертвовать существованіемъ выговскихъ общежитій и скитовъ, а съ ними состояніемъ всей безпоповщины въ Поморьѣ. Избрали первое: опредѣлили—въ тропаряхъ, и кондакахъ, и въ стихахъ, какъ гдѣ напечатано въ книгахъ, императорское величество поминать вездѣ, причемъ, написавъ тропарь «Спаси Господи», положили въ часовняхъ [83]). Въ этомъ сказалось вліяніе, конечно, лучшихъ выговцевъ, особенно Семена Денисова [84]). Скоро въ защиту моленія за царя на Выгѣ стали писать даже обширныя сочиненія. По свидѣтельству Григорія Яковлева, около 1748 года были извѣстны слѣдующія сочиненія: «Книга великая о моленіи за Царское Величество» выговскаго «лжеучителя» Даніила Матвѣева; «Книга другая о моленіи за Царское Величество» бывшаго безпоповца Алексѣя Иродіонова; книга подъ заглавіемъ «Выборъ съ истолкованіемъ о моленіи за царей» выговца Трифона Петрова [85]). Однако, большинство выговцевъ усматривало въ такихъ писаніяхъ и распоряженіяхъ больше практической сообразительности, чѣмъ непреложной истины. Прямымъ и рѣзкимъ возражателемъ выговцамъ явился нѣкій старецъ Филиппъ.

Извѣстіе о старцѣ Филиппѣ и его протестѣ противъ выговцевъ находимъ въ четырехъ раскольническихъ сказаніяхъ. Два изъ нихъ явно тенденціознаго происхожденія: одно написано поморцемъ [86]), другое—филипповцемъ [87]), другія два—болѣе или менѣе объективнаго характера: одно «Повѣсть объ отцѣ и старцѣ Филиппѣ» болѣе обширнаго объема [88]), другое «О отцѣ старцѣ Филиппѣ» болѣе краткаго содержанія, причемъ, по нашей рукописи, составляетъ одну изъ главъ Исторіи Выговской пустыни [89]). Изъ сопоставленія данныхъ этихъ сказаній можно выяснить настоящее событіе, т. е. протестъ Филиппа противъ выговцевъ—со всѣми подробностями.

---

[82]) Раск. дѣла XVIII столѣтія, 1, 384—385, 524—531.
[83]) Ист. Выговской пуст., стр. 381—384.
[84]) Тамъ же, стр. 383.—Извѣщ. правед. о раск. безпоповщ., стр. 42.
[85]) Извѣщ. правед. о раск безпоповщ., стр. 110—111.
[86]) Рукоп. Владимірской семинаріи № 75, гл. 59.
[87]) Бр. Слово, 1884, 1, стр. 534—539.
[88]) Рукоп. И. П. Б. Q. 1. 1086, лл. 92—110.
[89]) Рукоп. И. П. Б. Q. 1. 1063, лл. 454—463.

Въ мірѣ Филиппъ назывался Фотіемъ Васильевымъ и служилъ въ стрѣлецкомъ полку. «Егда шведскій король Карлъ нашу россійскую армію» при Петрѣ I «подъ Нарвою разби: овыхъ въ полонъ взя, овыхъ на мѣстѣ сраженія смерти предаде, а иныхъ въ рѣкѣ Наровѣ потопи, въ оной арміи, въ стрѣлецкомъ полку, бѣ нѣкій служитель, именемъ Фотій Васильевъ, его же судьба отъ таковыя гибельныя смерти сохрани невредима». Откуда Фотій былъ родомъ—не извѣстно. «Откуду же сей бяше, и како вниде въ службу, коего града, коей веси, и отъ каковыхъ родителей рожденъ и воспитанъ бѣ, сего обрѣсти не возмогохомъ». Во всякомъ случаѣ, во время сраженія подъ Нарвою Фотій бѣжалъ, причемъ «отъ мѣста на мѣсто переходя», онъ долго «скрывалъ свое имя и чинъ, дабы не познатися отъ внѣшнихъ притязаній». Наконецъ, придя въ безпоповщинскую Выговскую пустынь, онъ нашелъ здѣсь пріютъ, и сначала состоялъ въ числѣ рядовой «братіи». «И опредѣливши его съ трудящимися братіею: на всякіе общебратскіе труды ходити, лѣсъ сѣкуще, и нивы дѣлающе, и хлѣбъ сѣюще... Такожде и въ другихъ службахъ повелѣвается быти: овогда и въ хлѣбопекарни хлѣбы печаше, иногда дрова сѣчаше, и къ келіямъ возяше, посылаемъ бываше и въ рыболовную службу, и тамъ съ братіею рыбу на братство ловяше; бѣ бо тѣломъ крѣпокъ и мощенъ». Сказаніе къ этому добавляетъ, что «тако ему пребывающу и трудящуся, не оставляша же и правила молитвеннаго: ко всякому убо пѣнію въ молитвенный храмъ съ братіею ходяше, и стояше на своемъ мѣстѣ недвижимъ, внимая чтенію и пѣнію съ усердіемъ; такоже и келейное свое правило по силѣ своей исправляше и соблюдаше». Скоро у Фотія явилось желаніе принять «иноческій образъ». Даніилъ Викуловъ, какъ старшій предводитель выговцевъ, выразилъ на это полное согласіе. «Живяше же на Лексѣ многоподвижный и боголюбивый инокъ Давидъ, постническими труды и неусыпными молитвами всю свою жизнь провождаше богоугодно». Этотъ Давидъ и постригъ Фотія съ именемъ Филиппа. Тутъ Филиппъ уже проявилъ нѣкоторое непослушаніе. «Законъ иноческій требуетъ отъ постригаемаго шестинедѣльнаго поста», но Филиппъ, пробывъ немного подъ началомъ, «сорокадневнаго поста содержати не восхотѣ своевольнѣ: нача всюду ходити и со всѣми о всемъ разглагольствовати». Это дало поводъ сказать Давиду, что отъ Филиппа «миротворныхъ дѣйствъ не окажется». Между тѣмъ

на Выгѣ испытывалась большая нужда въ «духовномъ отцѣ». «Чего ради и дозволеніе дано отцу Филиппу, дабы исправлялъ духовное дѣло по правиламъ св. отецъ». По смерти Даніила Викулова, Филиппъ выразилъ «желаніе забрать всю должность отца Даніила, и нача не покорятися» Выговскому настоятелю Семену Денисову, «предлагая всѣмъ равномѣрное послушаніе и почитаніе себѣ быти, какъ и отцу Даніилу». Началась распря: Филиппъ и Семенъ Денисовъ сдѣлались открытыми врагами. «Сего ради всѣмъ братствомъ судиша быти собору, да общимъ совѣтомъ вины разсмотряются, и праведно и законно судимы будутъ». На «соборѣ» спрашивали Филиппа: «чего ради настоятелю Симеону, якоже и прежнимъ отцемъ, не повинуется, и жалобы и клеветы на него наноситъ, и какими винами его облагаеши?» Филиппъ много жаловался на Семена Денисова: по разрѣшенію Семена «уставщики о службѣ церковной у него, Филиппа, не спрашиваютъ; безъ воли его мірскихъ человѣкъ вводятъ; нѣкоторые духовные его дѣти безъ службы на труды ходятъ; Семенъ Денисовъ что̀ дѣлать у него, Филиппа, не спрашиваетъ; которую старицу онъ, Филиппъ, опредѣлилъ замолитвовать, Семенъ ее не пустилъ». На эти обвиненія Семенъ держалъ отвѣтъ, слушая который, соборъ оправдалъ Семена и обвинилъ Филиппа. Это соборное опредѣленіе состоялось 14 октября 1737 года; его подписали 17-ть человѣкъ «старѣйшей братіи».

Видя, что на его сторонѣ нѣтъ ни одного члена «собора», Филиппъ, повидимому, примирился и просилъ у «собора» прощеніе. Однако недовольство Филиппа обнаружилось за ближайшею «трапезою»: старецъ провелъ «въ задумчивости весь обѣдъ, поникши главою сѣдяше и едва что мало вкушая». Очевидно, Филиппъ рѣшилъ выждать для себя болѣе благопріятнаго момента, чтобы отомстить Семену. Однажды, «во время воскреснаго дня, подъ вечеръ, онъ къ вечернѣ не могъ идти за сумнѣніе, а послѣ вечерни, хоша и былъ за ужиномъ, однако и ложки обмочить не захотѣлъ. Послѣ же ужина отецъ Симеонъ нача его вопрошати: чего ради онъ раздѣленіе со обществомъ имѣти возжелѣ? Онъ ничтоже на то отвѣтствуя, точію вземъ изъ пазухи нѣкія тетради и, показуя, глаголаше: яко на него написанныя. Отецъ же, желая ихъ узрѣти, глаголаше, чтобы онъ ихъ подалъ на разсмотрѣніе. Онъ же глаголаше: яко сопротивнику своему ни-

какоже хощетъ явити, да еще приглаголаше: яко онъ Семенъ есть самочинецъ и ни отъ кого есть избранъ». Такимъ образомъ, раздоръ между Филиппомъ и Семеномъ все возрасталъ.

Однажды Филиппъ ѣздилъ въ Лумбышскій скитъ «безъ дозволенія настоятельскаго, и пріобщи тамъ на моленіе, безъ всякаго общественнаго и настоятельскаго совѣта, въ зазорѣ живущихъ, и легкомысленные люди, отъ общества отлучая, присвоиваше въ свое согласіе». Семенъ Денисовъ дѣлалъ всякія попытки привести Филиппа къ примиренію, но совершенно безуспѣшно. Когда, чрезъ три года послѣ «собора» на Филиппа, выговцы, вслѣдствіе доноса Круглаго, вынуждены были «написать тропарь», то Филиппъ протестовалъ противъ этого, и это было причиною полнаго его отдѣленія отъ Выговской пустыни. «Не благослови такого тропаря говорити, что не по древнему отецъ преданію неблагочестиваго благочестивымъ. Тогда между собою учинилась великая распря во время утренняго пѣнія, что прежде того не бывало». Какъ только запѣли тропарь, Филиппъ бросилъ кадило на полъ, и съ крикомъ: «пала вѣра христіанская», выбѣжалъ изъ часовни. «Едва настигли на улицѣ, и затащили въ келію. И послѣ того Семенъ Денисовъ съ другими прочими совѣтъ сотворили, пришли къ старцу Филиппу. И Семенъ Денисовъ сталъ старца по щекамъ бить. Тогда старецъ Филиппъ глагола ему: «дерзай, чадо, и яко Христа распни». И руки свои распростеръ. И били того крѣпко». Затѣмъ Семенъ распорядился заковать Филиппа въ желѣзо. Къ счастію для Филиппа, чрезъ три дня на Лексу пріѣхалъ одинъ Новгородскій купецъ, который, какъ лицо, надо полагать, вліятельное, и заступился за узника. «Услышавъ, что Филиппъ сидитъ скованъ, то скоро на Семена Денисова закричалъ: за что святого старца сковалъ? И самъ пошелъ, желѣзо сбилъ и старца Филиппа вывелъ вонъ изъ монастыря въ Надеждинъ скитъ». Здѣсь Филиппъ съ годъ жилъ въ овинѣ, а затѣмъ, видя, что ему есть единомышленные, облюбовалъ мѣсто «за мхами», на рѣкѣ Умбѣ, и построилъ тамъ келію. Посланные его ходили по волостямъ и суземну обличали «ересь» выговцевъ въ молитвѣ за царя. Народъ прибывалъ на Умбу и число келій здѣсь быстро умножалось. Видя такой успѣхъ, выговцы рѣшились оказать противодѣйствіе. И ласками, и угрозами онѣ пытались возвратить Филиппа въ общежитіе: самъ Семенъ Денисовъ не только писалъ увѣщанія Филиппу, но и лично навѣщалъ его,—и все напрасно.

Сохранилось «Слово увѣщательное о раздорѣ церковномъ», писанное Семеномъ Денисовымъ къ Филиппу на Умбу [90]). «Нынѣ,—говорилось здѣсь,—у вашего доброревностнаго боголюбія случившееся распрѣніе о вещѣхъ недоумительныхъ, о вещѣхъ, подлежащихъ обысканію, о вещѣхъ, требующихъ общесоборнаго разсужденія... наши сердца печальнымъ симъ слухомъ, яко презострѣнными стрѣлами, лютѣйше поразивше,—многоболѣзненно, тяжко и многосѣтовательно о семъ къ вашему боголюбезному братолюбію писати понуждаетъ». Денисовъ разумѣлъ, конечно, распрѣніе филипповцевъ по вопросу о молитвѣ за царя. «Не о семъ болѣзнуемъ, ниже о семъ уязвляемся горцѣ, яко распрѣстеся, яко человѣцы,—сіе бо присвойственно есть человѣкомъ, человѣческимъ подлежащимъ немощемъ. Но о семъ печалуемся крѣпцѣ и слезимъ безъ утѣшенія, яко кромѣ извѣстнаго и подлиннаго обысканія, кромѣ терпѣтельнаго пожденія, кромѣ общебратскаго церковнаго совѣта, раздрасте церковный, спасительный миръ, расколосте богоподражательное, братолюбное соединеніе, разсѣкосте на части Христовы возжелѣнные уды, за нихъ же дражайшая Господня кровь изліяся?» Почему это особенно безпокоитъ выговцевъ? Потому, что «раздоры разсѣкаютъ единеніе боголюбезное, отгоняютъ миръ, рождаютъ свары, произносятъ вражды, плодятъ брани; расколы умножаютъ, спасеніе отдаляютъ, благодать Божію прогоняютъ, и духовное благодатное состояніе въ плотское и неполезное превращаютъ». Изобразивши, далѣе, разныя послѣдствія «сваръ» и «раздоровъ», Денисовъ такъ обращался къ увѣщеваемымъ: «Предражайшіе и прелюбезнѣйшіе друзи! вся вражды сія и раздоры о недоумительныхъ вещѣхъ отринувше; всякія разсѣченія и распри поплевавши; всякое мнѣніе и самосмышленіе за индіаны и еѳіопы прогнавши;

---

[90]) Рукоп. И. П. Б. О. I. 318, лл. 43—52. Есть это „слово" и въ Рукоп. Кіевской академіи изъ собр. м. Макарія № Аа. 132. лл. 19—25: здѣсь оно надписывается такъ: „Слово увѣщательно къ творящимъ между единовѣрными раздоры и разгласія, и церковный миръ раздирающимъ о вещѣхъ недоумительныхъ, подлежащихъ обысканію и общесоборному разсужденію".—Въ повѣсти о старцѣ Филиппѣ обширной редакціи сказано, что настоящее слово написано Семеномъ еще ранѣе ухода Филиппа на Умбу. Но съ этимъ согласиться нельзя, потому что „вещей недоумительныхъ, вещей, подлежащихъ обысканію", о которыхъ ведется рѣчь въ „словѣ", тогда между Филиппомъ и Семеномъ не было; да не было и сторонниковъ у Филиппа, противъ которыхъ нужно было бы писать особыя увѣщанія.

возлюбимъ благое, и братолюбивое, душеполезное общесовѣтіе; возгласимъ вкупообщнѣ и другосовѣтнѣ испытовати и разсмотряти божественная Писанія, зане во мнозѣ совѣтѣ спасеніе созидается. Аще ли кое недоумѣніе, аще кое сомнѣніе, аще кія нашедшія мраки покрываютъ наши свѣтлоумные зраки: прибѣгнемъ къ превысочайшему разума Источнику, притецемъ къ любодаровитому Владыкѣ, вопросимъ со всякимъ смиреніемъ и долготерпѣтельнымъ пожданіемъ... Притецемъ единогласія отеческаго и братскаго ко общему собору, прибѣгнемъ къ общесовѣтію церковному, и яже недоумѣтельная и сомнѣніе рождающая всесмиреннѣ предложимъ вкупосовѣтному собранію отецъ и братій; пождемъ долготерпѣтельно и вселюбезно общеразсмотрительнаго и всесоборнаго уставленія».

Нѣтъ сомнѣнія, что Семенъ Денисовъ говорилъ именно о введенной на Выгѣ молитвѣ за царя,—введенной временно, въ силу нужды и крайнихъ обстоятельствъ. Онъ не называетъ предметъ спора прямо, боясь нападенія «внѣшнихъ», которыхъ могли призвать увѣщаваемые имъ, и хорошо зная, что и безъ подобнаго и прямого указанія увѣщаваемые легко поймутъ, о чемъ рѣчь идетъ. Онъ называетъ спорный вопросъ «вещью недоумительною», подлежащею «соборному» обсужденію, конечно, потому, что хотя выговцы и ввели молитву за царя, но сдѣлали это временно, въ силу нужды, послѣдствія которой еще подлежатъ обсужденію «собора»...

Послѣдователи старца Филиппа, когда онъ былъ живъ, «живяху самымъ нужнымъ пустыннымъ житіемъ», въ небольшомъ количествѣ; потомъ «не по многомъ времени, начаша собиратися къ нему самые нищіе, бездомовные, крыющіеся отъ начальства; онъ же пріимаше ихъ: овыхъ въ свое братство, а овыхъ особь; а иже на своемъ пропитаніи живущіе, тѣмъ поставляше малыя нужныя хизины; а овіи, поживше малое время, отхождаху отъ него; бѣ бо мѣсто самое нудное, пустое, поблизу никаковой хлѣбопашни распространити, болотъ ради, невозможно, и попросити у христолюбцевъ, ни купити ни у кого, понеже жителей поблизу не имѣлося; еще кто со сторонъ что принесетъ, то и ястъ. Многіе суземскіе обитатели со скитовъ къ нему хождаху, грѣхи своя исповѣдающе, онъ же пріимаше ихъ на покаяніе и въ свое согласіе укрѣпляше; а овыхъ попущаше, по ихъ прошенію, со всѣми монастырскими быти въ согласіи».

Очевидно, Семенъ Денисовъ хорошо понималъ всѣ вредныя

послѣдствія возникшаго на Выгѣ раздора, и потому всячески старался прекратить начавшуюся распрю. Однако, увѣщанія не подѣйствовали на филипповцевъ. Тогда выговцы навели воинскую команду на скитъ Филиппа. Послѣдняго предупредили о грозящей опасности. Но Филиппъ такъ отвѣтилъ вѣстнику: «давно готовы» и, собравъ братію въ часовню, сталъ готовить всѣхъ къ смерти. И какъ только послышался снаружи стукъ въ запертыя двери, филипповцы, учинивъ на скоро прощальный плачъ, «подпустили огня» и всѣ, числомъ до 70-ти, сгорѣли. Это было въ 1743 году. Выговцы разграбили кельи филипповцевъ, но не могли извести всѣхъ своихъ противниковъ.

«Послѣ кончины инока Филиппа осташася его согласія два старца: Терентій и Матвѣй, съ прочими; и собраша изъ своего согласія соборъ, и на ономъ начаша опредѣляти: какъ монастырскаго согласія христіанъ пріимати въ ихъ филипповское согласіе; и не бяше въ нихъ единогласнаго разсужденія, отъ чего вышепоименованіи старцы между собою разгласишася». Сначала Терентій и Матвѣй ревноваху вторицею отъ монастыря крестити», что и совершили надъ двумя выговцами. Однако, скоро, «усумнѣвшеся въ томъ», стали принимать иначе: «самострига» Терентій «начатъ опредѣляти, чтобъ отъ монастырскаго согласія приходящихъ съ шестинедѣльнымъ постомъ непремѣнно пріимати; Матвѣй же сему весьма сопротивляшеся, глаголаше бо: отнюдь сіе не слѣдуетъ, а должно съ единымъ началомъ пріимати, якоже о. Филиппъ пріимаше». Выговцы, не терпя своихъ противниковъ, скоро съ ними расправились: на Терентія они также навели солдатъ и заставили его сжечься,—съ 98 лицами обоего пола. Это было въ 1747 году, а въ 1750 году добровольно погибъ въ пламени и старецъ Матвѣй,—съ десятками послѣдователей [91])..

По вопросу о молитвѣ за царя споры съ поморцами вели и ѳедосѣевцы, отрицавшіе таковую молитву такъ же, какъ и филипповцы. Жившій долгое время въ Выговской пустыни безпоповецъ Григорій Яковлевъ, когда былъ въ Москвѣ, то велъ препирательства по данному вопросу съ ѳедосѣевцами. «Во время житія моего въ Москвѣ,—говоритъ Григорій Яков-

---

[91]) Извѣщ. правед. о раск. безпоповщ., стр. 96—97. 152—153.

левъ,—возъимѣлось у насъ, раскольниковъ, между собою распрѣніе, чрезъ показаніе отъ другихъ раскольниковъ, именуемыхъ ѳедосѣевыхъ, о моленіи въ тропаряхъ за Царское Величество... о чесомъ я возъимѣлъ неусыпное раченіе въ то время, изыскуя и испытуя усердно во всѣхъ книгахъ церковныхъ: понеже тогда прилучися собранію книгамъ быть въ томъ домѣ ради проданія,—всѣхъ ту, въ домѣ, было книгъ ста на три и болѣе» [92]). Въ 1744 году былъ споръ о томъ же въ той же Москвѣ между выговцемъ Даніиломъ Матвѣевымъ и пріѣхавшимъ изъ Польши ѳедосѣевскимъ наставникомъ Игнатіемъ Трофимовымъ. Когда Игнатій требовалъ отъ Даніила «положить начало», то Даніилъ, долго отказывавшійся, наконецъ сказалъ такъ: «я безъ совѣту своихъ стариковъ начало класть не буду того ради, что нынѣ у насъ комиссія стоитъ, что никакъ невозможно миновать, чтобы тропарь не говорить. Когда де отъ насъ тоя комиссія съѣдетъ, тогда у насъ будетъ иное». Очевидно, всѣ выговцы были того убѣжденія, что молитва за царя на Выгѣ введена временно и что не далекъ тотъ часъ, когда новое распоряженіе объ этомъ будетъ отмѣнено. Услыхавъ такія слова Даніила Матвѣева, Игнатій Трофимовъ успокоился. «И на семъ словѣ Даніила Матвѣева и миръ сталъ. И въ томъ началѣ Даніилу Матвѣеву Игнатій уступилъ. И всѣ,—насъ было пять человѣкъ,—стали предъ образомъ Божіимъ задостойникъ пѣть: Радуйся, царице. Тоже начало общее вси положили и другъ къ другу простились. И потомъ миромъ оную бесѣду окончили» [93]).

Такимъ образомъ, вопросъ о молитвѣ за царя, препирательства изъ-за котораго начались въ расколѣ очень рано, кончился не только разногласіемъ поповщины съ безпоповщиною, но повелъ къ раздѣленію и саму безпоповщину, сопровождаясь раздѣленіемъ самой Выговской пустыни, претендовавшей руководить всею безпоповщиною и дѣйствительно руководившей ею во многихъ мѣстахъ ея поселенія.

VI.

Случайные споры въ расколѣ.

Случайными спорами въ расколѣ мы называемъ споры по догматическимъ вопросамъ. Въ первой четверти XVIII вѣка

[92]) Извѣщ. правед. о раск. безпоповщ., стр. 62.

[93]) Рукоп. В. Г. Дружинина, № 160, лл. 337—342.

такіе споры имѣли мѣсто какъ въ поповщинѣ, такъ и въ безпоповщинѣ. Въ разсматриваемый нами періодъ времени споры въ поповщинѣ прекратились, остались же только споры въ безпоповщинѣ. Извѣстно, что поводъ къ такимъ спорамъ подалъ ѳедосѣевецъ Евстратъ Ѳедосѣевъ, сынъ основателя ѳедосѣевщины Ѳеодосія Васильева и одинъ изъ главныхъ наставниковъ ѳедосѣевскихъ на Ряпиной мызѣ и потомъ въ Польшѣ. Евстратъ Ѳедосѣевъ сталъ дѣлать исправленія въ старопечатныхъ книгахъ. Ему показалось сомнительнымъ то, что въ старопечатныхъ книгахъ, разныхъ изданій, употребляются въ приложеніи къ Святой Троицѣ разныя выраженія: въ изданіяхъ патріарха Филарета встрѣчается выраженіе «трисіянне образы», а въ изданіяхъ патріарха Іосифа—«трисіянне лицы». Извѣстно, что Евстратъ сталъ дѣлать поправки въ книгахъ: вмѣсто слова «образы» онъ подписывалъ «лицы». Это было въ то время, когда ѳедосѣевцы жили на Ряпиной мызѣ. Узнавъ объ этомъ, ряпинцы заволновались. Въ 1719 году на «Святой недѣлѣ», былъ назначенъ по этому поводу особый «соборъ». Но Ряпина мыза вскорѣ—предъ этимъ--была разорена, поэтому «собора« тогда не состоялось. Но настоящій раздоръ въ ѳедосѣевщинѣ продолжался и въ послѣдующее время. «Возсташа нѣкіи на онаго Евстрата... паче же... нѣкто Савинъ Михѣевъ, который, по согласію съ прочими, отъ онаго Евстрата,—оле, дерзости!—и вторично крестити смѣлость возъимѣ, и долго сей раздоръ въ нихъ протяжеся, даже до лѣтъ настоятельства Семена Денисьевича, кій своими мудрыми богословеньми оный раздоръ погаси» [94]).

Извѣстно, что Семенъ Денисовъ сдѣлался настоятелемъ Выговской пустыни по смерти своего брата Андрея, въ 1730 году. Значитъ, къ этому времени и нужно относить вмѣшательство Семена Денисова въ названные споры въ ѳедосѣевщинѣ. Къ этому времени относится и сочиненіе Семена Денисова «Показаніе велемудраго настоятеля господина Сѵмеона со истолкованіемъ и яснымъ свидѣтельствомъ о богословскомъ реченіи образъ, и како оно пріемлется: овогда за видъ естества, овогда же за начертаніе и лице» [95]). Очевидно, что раздоры въ ѳедосѣевщинѣ по поводу исправленій въ старопечатныхъ книгахъ, допущенныхъ Евстратомъ Ѳедосѣевымъ, были

[94]) Споры и раздѣленія въ расколѣ въ первой четверти XVIII вѣка, стр. 329—330.

[95]) Рукоп. Хлудовской библіотеки № 272, лл. 42—46.

такъ сильны и грозили такими волненіями во всей безпоповщинѣ, что Семенъ Денисовъ взялъ на себя трудъ разъяснить данный вопросъ и призвать споривших къ примиренію.

«Аще и дерзостно есть,—писалъ Семенъ,—и зѣло бѣдовмѣтно въ вышесильныя таинства вмѣтатися, и въ пучину неудобознаемую богословскаго моря вреватися... но слышаніе любопрящихся и раздоръ соединенныхъ понуди конечную нашу грубость въ толь превысокое, въ толь всепревзятое таинство всепревознесеннаго богословія вступити, еже о Пресвятѣй, Единосущнѣй и Пресущественнѣй Троицѣ младенческими немотовати языками: о единствѣ образа святыя, и преестественныя, и тріипостасныя Троицы извѣстити; святыхъ богословцевъ богословными словесы и разумѣньми, даже раздѣльшихся писательными гласы, во единъ божественнаго совокупленія собрати разумъ, еже да будетъ всепресвятая, тріипостасная единица Твоею преестественною благодатію». Для большаго пониманія, для лучшаго «удобопознанія» Семенъ Денисовъ ведетъ рѣчь «чрезъ вопросы и отвѣщанія».

«Вопросъ: Колико есть образовъ во Святѣй, Единосущнѣй Троицѣ? Отвѣтъ: Единъ образъ, яко научаютъ насъ святіи Богословесніи мужіе».

«Вопросъ: Что есть образъ»? Отвѣтъ: Образъ истѣе значитъ видъ и зракъ существенный естества. Обаче образа имя различно во Св. Писаніи пріемлетъ: овогда за видъ естества, яко у апостола о Христѣ: иже во образѣ Божіи сый, и образомъ обрѣтеся яко человѣкъ. Овогда же за начертаніе и лице пріемлется, яко во Евангеліи: вопросившу Христу: чій образъ и надписаніе? глаголаше: Кесаревъ».

«Вопросъ: Въ Псалтирѣхъ и въ Октоихахъ Филаретовскихъ и Іоасафовскихъ, въ канонѣ Троичнѣ, въ первой пѣсни: Пресущный, Едине, Господи, и трисіянне образы. Въ 7-й же пѣсни въ первомъ стихѣ: Крѣпку ми мысль устрой, трисвѣтлая образы единице... Убо православно ли напечатася сіе и можно ли за православное пріяти? Отвѣтъ: Всякое православными патріархи и учителями церковными печатное и написанное, и православнымъ разумомъ пріятое, православно и есть, и обрѣтается, кромѣ погрѣшенія забытнаго и описи, еже всѣмъ человѣкомъ случается».

«Вопросъ: Чего ради въ печатѣхъ Іосифа патріарха напечатася вмѣсто о б р а з о в ъ л и ц а: Пресущный, Едине, Господи, и трисіянне лицы? Отвѣтъ: Сего ради изъяснися явственно,

дабы православніи христіане, по первыхъ святѣйшихъ патріархъ читающіе, идѣже напечатано: образы, вѣдали вси разумѣвати и вмѣняти со святою церковію за лица и начертанія и свойства Св. Троицы православнымъ и благочестивымъ разумомъ».

«Вопросъ: Чесо ради въ Кирилловѣ печатной книгѣ напечатася: далече убо буди отъ насъ, правовѣрующихъ, сицевое нечестіе, еже три образа во Святѣй Троицѣ глаголати? Отвѣтъ: Для того, дабы читающіе по первымъ печатѣмъ, идѣже напечатано: три образы не вмѣняли и не разумѣвали за естество и существо, еже есть богомерзко и нечестиво».

Въ заключеніе Семенъ Денисовъ писалъ слѣдующее: «Сія убо кратко предложенная вопросоотвѣтствія, за краткость настоящаго времени, любопрящимся и раздирающимся о готовыхъ реченіихъ, въ готовыхъ книгахъ, отъ святыхъ патріархъ и отецъ положенныхъ, яже готово и благоговѣйно благочестивымъ разумомъ пріимати подобаетъ такъ, яко напечаташася, яко изобразишася, яко отъ церкви растолковашася; а не мудрствовати паче, еже подобаетъ мудрствовати; и мудрствовати въ смиренномудріи, а не раздирати согласіе каѳолическія церкви любопрительными истязаніями и споры; но паче въ единство и мирное согласіе всеблагодатно сцѣплятися». Очевидно, Семенъ Денисовъ разумѣлъ распри, происходившія въ ѳедосѣевщинѣ.

При этомъ Денисовъ добавлялъ: «Аще бы кто, въ каковыхъ распрѣніихъ, или дерзновеніихъ, погрѣшилъ, и, покаявся, отъ онаго своесмышленнаго отошелъ, и совокупился согласно съ каѳолическою церковію, — всерадостно долженствуетъ пріимати онаго къ церковному согласію по древнимъ образѣмъ».

Такимъ «покаявшимся» оказался самъ Евстратъ Ѳедосѣевъ, виновникъ возникшей распри: 24 марта 1735 года, въ деревнѣ Ступилишкахъ, въ Польшѣ, Евстратъ произнесъ свое «исповѣданіе» предъ «соборомъ», причемъ «отъ всѣхъ христіанъ, яко грамотныхъ, тако и простыхъ похваленъ» былъ. Изъ этого исповѣданія видно, что по догматическимъ вопросамъ Евстратъ судилъ вполнѣ правильно и согласно съ старопечатными книгами. «Азъ, послѣднѣйшій изъ всѣхъ, грѣшный Евстратій Ѳедосѣевъ, ради нынѣшнихъ смущеній, вѣру свою и исповѣданіе, вамъ симъ писаніемъ объявляю»: такъ начиналъ свое

«исповѣданіе» Евстратъ Ѳедосѣевъ. Въ самомъ «исповѣданіи» Евстратъ излагалъ свои вѣрованія о Святой Троицѣ. «Вѣрую всею душею моею и всѣмъ умомъ моимъ въ пресвятую, всесотворшую, непостыдимую, нераздѣльную, единопрестольную Троицу: во Отца, и Сына, и Святаго Духа, единаго Бога, едино существо, . едино естество, единъ образъ, едина воля, едино царство, едина сила, въ трехъ ипостасѣхъ, въ трехъ составѣхъ, въ трехъ лицѣхъ, въ трехъ собствѣхъ. Свойствы различіе имуща, Божествомъ и Господствомъ, совокупляемо безначально, и безконечно, и превѣчно. Вѣрую въ Сына, прежде вѣкъ отъ Отца рожденна, а не сотворенна, единосущна Отцу и Святому Духу, спедшаго съ небесъ и плоть пріимша одушевленну отъ Святыя Дѣвы Маріи; рождшася безсѣменно отъ нея въ двою естеству, во двою волю и дѣйству: совершенна Бога и совершенна человѣка, во единомъ составѣ и лицѣ; на земли поживша съ человѣки, нашего ради спасенія, распятіе плотію претерпѣвша и въ третій день воскресша изъ мертвыхъ, и вознесшася на небеса, и сѣдяща одесную Отца, и паки грядущаго со славою судити живыхъ и мертвыхъ, и воздати комуждо по дѣломъ его. Потомъ, яже святіи пророцы, священіи апостолы, богоносніи отцы, учители и богословы, о вѣрѣ въ Пресвятую Троицу, и о воплощеніи Божья Сына, написаша догматы, преданія, седмью вселенскими, и девятью помѣстными соборы, и коихъ по единому особно правила, уставы, чиноположенія вся, яже Писаніи предаша, а церковь Божія пріяла есть: сія вся съ вѣрою и любовію пріемлю и свято исповѣдаю быти. Бывшія же отъ Вознесенія Господня, въ разныя времена, еретики и хуленія ихъ злая на Пресвятую Троицу и на плотское Сына Божія смотрѣніе, и на святую вѣру, и на соборную церковь, и на все ея святосодержаніе: вся сія отметаю. Ихъ же святіи отцы отвергоша, и азъ отвергаю; ихъ же опи проклятію предаша, и азъ проклинаю, со всѣмъ ихъ злымъ мудрованіемъ. Паки святіи богоносніи отцы, въ своихъ Писаніяхъ, богословятъ Пресвятую Троицу въ трехъ лицѣхъ единъ образъ, и въ предисловіи Никона Черногорца книги, и преподобнаго Іосифа Волоколамскаго въ словесѣхъ, лицы, яже и образы, нарица и собства: вся сія за едино пріемлю. Святѣйшихъ пяти патріарховъ: Іова, Гермогена, Филарета, Іоасафа, Іосифа, и вся освященные ихъ соборы всероссійскіе, за едино пріемлю, и все церковное ихъ содержаніе, дѣйство и строеніе вѣрую и исповѣдую свято и

совершенно быти; книги, печатанныя по благословенію ихъ, за едино пріемлю и почитаю съ любовію вся. Въ троичномъ, 6-го гласа, кононѣ, въ 1-ой пѣсни и въ 3-ей, въ трехъ стихахъ, лицы и образы, въ которыхъ книгахъ за едино печатано, тако за едино и пріемлю, и прочитаю непременнѣ, и никому премѣняти не повелѣваю отнюдь».

Изложивъ свои вѣрованія по догматическимъ вопросамъ, Евстратъ Ѳедосѣевъ излагалъ, далѣе, и свое раскольническое «исповѣданіе» о «никоніанствѣ», его вѣрованіяхъ и дѣйствіяхъ.

Въ заключеніе онъ такъ писалъ: «На вся же сія вышепоказанная предложенія, яже вѣрую и исповѣдую, какъ здѣ написано, не лживо, но праведно, не лестно, но истинно, свидѣтель Богъ да будетъ на мою душу. Аще же что здѣ съ лукавствомъ или лестно написано, да будетъ клятва на главѣ. При семъ моемъ исповѣданіи всѣхъ васъ, боголюбивѣйшіе православные христіане, молю: аще въ чесомъ каковое своимъ скудоуміемъ, въ дѣлахъ и словесѣхъ, сотворихъ согрѣшеніе, Святыя Троицы ради простите мя, грубаго, грѣшнаго, всѣхъ опечалившаго, и будите милостивы, носяще немощи моя, да пріимите отъ всѣхъ владыки Бога обѣщанная, благая любящимъ его, въ безконечные вѣки» [96]).

Такимъ «исповѣданіямъ», произнесеннымъ на «соборѣ» Евстратомъ Ѳедосѣевымъ, закончились навсегда происходившіе въ ѳедосѣевщинѣ догматическіе споры, и всѣ присутствовавшіе на «соборѣ» лица вполнѣ были удовлетворены тѣмъ, что слышали *).

П. Смирновъ.

---

[96]) *Поповъ*. Сборникъ для ист. старообр. I, стр. 5—10.

*) Окончаніе слѣдуетъ.

Кіевскій соборъ 1629 года (по новымъ матеріаламъ) *).

НА третій день, 1 іюня, М. Кропивницкій и Л. Древинскій подали свои голоса за продолженіе собора. Они также жаловались на то, что ихъ задѣла протестація кіевскихъ православныхъ шляхтичей, обѣщаясь оправдаться во взведенномъ на нихъ обвиненіи. Они не отрицали того, что они согласились на прошломъ сеймѣ на созывъ примирительнаго собора и что они и послѣ сейма объ этомъ совѣщались, но они утверждали, что соглашались на изданіе королемъ такихъ только универсаловъ, которые были бы согласны съ выработаннымъ на сеймѣ проектомъ конституціи. Они тутъ же на соборѣ указывали на отличіе королевскаго универсала отъ этого проекта сеймовой конституціи: а) въ проектѣ говорилось о созывѣ собора для успокоенія несогласныхъ въ вѣрѣ, а въ универсалѣ говорится о созывѣ ихъ для соединенія съ римскою церковью; б) по проекту постановленіе синода передавалось на усмотрѣніе сейма, а по универсалу оно передается на усмотрѣніе короля. Если эти измѣненія произвелъ архим. Баковецкій, то отвѣтственность за нихъ на него и должна пасть. Кропивницкій и Древинскій давали собору по этому поводу такой совѣтъ: внесши въ актовыя книги королевскую вѣрительную послу на синодъ грамоту и вышеупомянутый проектъ сеймовой конституціи, а также обезопасивши себя отъ королевскаго универсала своею противъ него протестаціею, продолжать засѣданія собора, въ надеждѣ, что на него еще пріѣдетъ кто-либо изъ шляхты. Когда участники собора, не рѣшивши еще окончательно вопроса о томъ, продолжать

*) Окончаніе. См. январь.

ли засѣданія безъ шляхты, или нѣтъ, стали расходиться, одинъ казакъ («они всегда, когда соборъ расходился, толпились») громко сказалъ: «архимандриту (очевидно, Петру Могилѣ) да и Барецкому такая же будетъ унія, какъ прежде была войту» [20]). Услыхавши это, архимандритъ заплакалъ, Кисель сказалъ: «не хорошо это, гг. молодцы, нужно его (казака) наказать». Ему послышалось въ отвѣтъ: «не шуми ляше; послы тебя просятъ, а бездѣльники пьяные лаютъ и угрожаютъ». Получивши такое «доброй ночи», участники собора разошлись. Митр. Борецкій не ночевалъ въ своемъ монастырѣ. Онъ уѣхалъ на ночь съ архим. Могилой въ печерскій монастырь.

На четвертый день, 2 іюня, засѣданіе собора происходило въ Никольскомъ Пустынскомъ монастырѣ. Участники собора, видя нестроеніе, отсутствіе шляхты, все возрастающее количество казаковъ, послали звать Киселя на соборъ въ Пустынскій монастырь. Пріѣхавши на соборъ, Кисель (по его словамъ) засталъ на немъ только болѣе важныхъ членовъ и владыкъ съ ними, а также Кропивницкаго, Древинскаго, Проскуру и Черника. Когда всѣ усѣлись, митр. Іовъ въ слезахъ обратился къ королевскому послу съ рѣчью. Онъ говорилъ о томъ, что онъ рѣшительно не знаетъ, что дѣлать: шляхта учинила протестацію и на соборъ не явилась, казаки угрожаютъ и стоятъ надъ горломъ. Онъ спрашивалъ у Киселя совѣта, что ему дальше дѣлать. Кисель высказалъ такое мнѣніе: настоящій соборъ — частный соборъ, и съ него достаточно будетъ, если онъ изберетъ отъ себя пословъ на общій синодъ. Кисель предлагалъ выработать для нихъ инструкцію и пункты примиренія, поручивши это дѣло нѣсколькимъ старѣйшимъ и благоразумнѣйшимъ членамъ, но не посвящая въ него народъ. Священники закричали, что они на это не согласны. Другіе же возражали, спрашивая, кого же избрать послами. Нужно, говорили, избрать пословъ не только изъ духовныхъ, но и изъ шляхты, а шляхты на соборѣ нѣтъ, некого слѣдовательно избрать послами отъ нея. Кропивницкій и Древинскій говорили, что они не могутъ быть послами: имъ нужно еще разсѣять возбужденныя противъ нихъ подозрѣнія. Притомъ же, говорили они, избрать пословъ на соборъ отъ шляхты нужно «не мало», а главное, говорили они, опасно вообще дѣйство-

[20]) Кіевскій войтъ Θеодоръ Ходыка въ 1625 году убитъ казаками.

вать по требованію частнаго универсала: совсѣмъ другое было бы дѣло, если бы была сеймовая конституція и пр. и пр... Никто не зналъ, что дальше дѣлать.

Королевскій посолъ, увидѣвши, что соборъ близится къ разрыву, сказалъ, что онъ уже не можетъ дольше оставаться въ засѣданіи, прибавивши къ этому свое сожалѣніе о томъ, что бѣдные священники пріѣхали на соборъ изъ такихъ далекихъ краевъ. Въ это время явились въ Пустынскій монастырь посланцы отъ кіевскихъ мѣщанъ, отъ духовенства и отъ казаковъ, желая знать, что на соборѣ въ теченіе такого долгаго времени дѣлаютъ. Имъ отвѣтили, что ничего не сдѣлали... Кисель уѣхалъ къ себѣ домой.

На засѣданіи собора, между тѣмъ, было постановлено, что безъ шляхты трудно продолжать соборъ. Рѣшено было оффиціально заявить, что по этой причинѣ соборъ и не окончился ничѣмъ. Послали просить королевскаго посла опять пожаловать въ засѣданіе собора. Древинскій, какъ маршалокъ собора, обратился къ Киселю съ рѣчью, а Зизанія Корецкій [21]) прочиталъ декларацію духовенства. Содержаніе этой деклараціи сводилось къ тому, что духовные вѣдаютъ только духовныя дѣла, но что они держатся шляхетскими вольностями, что то и другое связано другъ съ другомъ, что существуетъ два права. Между тѣмъ шляхта (говорилось далѣе) не только не прибыла на соборъ, но и пресѣкла путь къ нему... Архимандритъ Петръ Могила, вставши, сдѣлалъ заявленіе, что онъ желалъ продолжать соборъ. То же заявленіе сдѣлали Іосифъ Бобриковичъ [22]), старшій Виленскаго Св.-Духова монастыря, и виленскіе мѣщане. Они просили Киселя, чтобы онъ выдалъ имъ соотвѣтствующее объ этомъ удостовѣреніе. Кисель сначала противился этому, но потомъ выдалъ удостовѣреніе, и архимандриту, и виленцамъ. Вслѣдъ затѣмъ всѣ духовные тутъ же въ общемъ собраніи, устами митр. Іова, учинили генеральную протестацію, жалуясь въ ней на то, что бѣдные люди, священники, предприняли такую далекую дорогу на соборъ и разъѣзжаются съ него, ничего не сдѣлавши...

---

[21]) Лаврентій Зизаній Тустановскій, Корецкій протопопъ, извѣстный своею школьно-просвѣтительною и литературною дѣятельностью, братъ православнаго полемиста Стефана Зизанія.

[22]) Въ донесеніи сказано просто: „отецъ Іосифъ". Но рѣчь, конечно, идетъ объ Іосифѣ Бобриковичѣ.

Эта генеральная протестація присутствовавшаго на кіевскомъ соборѣ духовенства того же 2 іюля 1629 года проповѣдникомъ львовской епископіи Ѳеодоромъ, «директоромъ кола духовнаго» на этомъ соборѣ, внесена въ актовыя книги кіевскаго магистрата [23]). Мы считаемъ умѣстнымъ прервать тутъ свое изложеніе содержанія донесенія королевскаго посла на кіевскомъ соборѣ Адама Киселя по вышеупомянутой рукописи архива греко-уніат. митрополитовъ и ознакомить читателей съ содержаніемъ этой, тоже доселѣ оставшейся неизвѣстною изслѣдователямъ протестаціи, которая представляетъ историческій несомнѣнный интересъ, и сама по себѣ, и потому еще, что она кое въ чемъ восполняетъ донесеніе Киселя.

Всѣ духовныя власти и весь духовный клиръ, отъ высшихъ до низшихъ, присутствовавшія на кіевскомъ соборѣ, прежде всего, объявляли въ своей протестаціи, что прибывши въ Кіевъ къ назначенному сроку, согласно королевскому универсалу («который безъ вѣдома ихъ выпрошенъ былъ у короля нѣкоторыми лицами») и извѣщенію кіевскаго, не состоящаго въ уніи, митрополита, они желали, чтобы и паны—обыватели (т. е. шляхтичи) короны польской и великаго княжества литовскаго, принадлежащіе къ русскому народу и исповѣдующіе старожитную греческую религію, также прибыли въ Кіевъ и обсудили вмѣстѣ съ ними вопросъ о соборѣ. Поэтому, по выслушаніи королевскаго посла, въ виду того, что и въ королевскомъ о соборѣ универсалѣ къ участію въ немъ призваны не одни духовныя, но и свѣтскія лица шляхетскаго сословія, они въ теченіе нѣсколькихъ дней ожидали прибытія на соборъ шляхтичей кіевскаго и другихъ воеводствъ. Но вмѣсто того ими получена внесенная въ овручскія гродскія книги протестація шляхтичей—обывателей кіевскаго воеводства противъ собора. Кромѣ того получены были письма отъ разныхъ лицъ шляхетскаго сословія изъ разныхъ воеводствъ, а также отъ луцкаго владыки (Исаакія Борисковича, патріаршаго экзарха), съ предупрежденіемъ, чтобы мы не поставляли ни-

---

[23]) Копія этой протестаціи сохранилась въ архивѣ греко-уніат. митрополитовъ (въ числѣ неописанныхъ дѣлъ подъ № 177 по стар. каталогу). Кромѣ о. Ѳеодора подписалъ протестацію другой „директоръ“ Л. Древинскій. Внесена она не въ гродскія, а въ магистратскія книги, потому, что въ это время въ Кіевѣ гродъ былъ вакантнымъ... Духовные представители Виленскаго братства составили особую протестацію (какъ видно изъ донесенія Киселя).

чего относительно вѣры безъ разрѣшенія сейма и безъ вѣдома константинопольскаго патріарха. Наконецъ, прибывшіе въ Кіевъ на соборъ игумены, протопопы, попы, церковный клиръ и немалое собраніе людей изъ королевскихъ городовъ, какъ духовныхъ, такъ и свѣтскихъ, отъ братствъ и приходовъ, изъ короны и великаго княжества литовскаго, въ томъ числѣ и люди шляхетскаго сословія (хотя ихъ было немного) обратили вниманіе на то, что въ королевскомъ универсалѣ написано, чтобы мы вошли въ сношенія съ Русью—уніатами относительно соединенія съ римскою церковью, а также, что результатъ этихъ сношеній поступитъ на разсмотрѣніе короля. Въ виду того, что было бы противно правамъ и вольностямъ православной церкви согласиться на это безъ постановленія сейма и безъ вѣдома константинопольскаго патріарха, они просили духовныя власти воздержаться отъ продолженія собора, и заявили, что сами они и знать о немъ не хотятъ. При такомъ положеніи дѣла, высшія духовныя власти вынуждены были прекратить соборныя совѣщанія. Объ этомъ онѣ и составили для внесенія въ актовыя книги свою настоящую манифестацію, свидѣтельствуя въ ней, что онѣ сдѣлали все, что могли, для успѣха дѣла, но что въ небытности православной, коронной и литовской, шляхты, и безъ вѣдома константинопольскаго патріарха онѣ не могли держать соборъ.

По выслушаніи генеральной протестаціи православныхъ церковныхъ властей, Кисель въ особомъ словесномъ къ нимъ обращеніи выразилъ свое сожалѣніе о томъ, что давно желанный часъ для подготовки примиренія упущенъ. Онъ сказалъ, что обо всемъ донесетъ королю, которымъ все было сдѣлано къ общему благу всѣхъ. Уходя изъ засѣданія собора, королевскій посолъ, по обычаю, и съ своей стороны протестовалъ по поводу всего происшедшаго [24]).

Наконецъ, и браславскій подсудокъ М. Кропивницкій и волынскій чашникъ Л. Древинскій, по адресу которыхъ высказано было на соборѣ столько неудовольствія за ихъ дѣятельность въ Варшавѣ на послѣднемъ сеймѣ и послѣ него, составили свою особую протестацію [25]). Въ этой протестаціи они,

---

[24]) Короткая протестація, внесенная Киселемъ 2 іюля въ актовыя книги, напечатана С. Т. Голубевымъ, о. с., 368—369).

[25]) Копія этой протестаціи сохранилась въ упомянутой въ прим. 23 рукописи. Она была внесена тоже въ кіевскія магистратскія книги.

прежде всего, писали, что прибывши въ Кіевъ на соборъ, они застали уже поданную нѣкоторыми шляхтичами кіевскаго воеводства протестацію противъ кіевскаго собора, созваннаго королевскимъ универсаломъ, протестацію, мотивированную тѣмъ, что соборъ созванъ для соединенія съ римскою церковью, и что согласительное постановленіе обѣихъ сторонъ послѣ общаго собора должно поступить къ королю, а не на сеймъ, какъ это было проектировано во время сейма. При этомъ, кіевскіе шляхтичи, по заявленію Кропивницкаго и Древинскаго, протестовали и противъ тѣхъ, кто былъ виновникомъ изданія незакономѣрнаго королевскаго универсала. Въ виду этого Кропивницкій и Древинскій, такъ какъ это они оставались въ Варшавѣ послѣ сейма и съ уніат. архимандритомъ Іосифомъ Баковецкимъ совѣщались относительно изданія королевскаго универсала, считали долгомъ, свидѣтельствуя о своей невиновности, чтобы никакого подозрѣнія относительно ихъ не оставалось, объяснить, какъ произошло все это дѣло. Вотъ это ихъ объясненіе: На прошломъ сеймѣ земскіе послы кіевскаго, русскаго (т. е. галицко-русскаго) [26]) и волынскаго воеводствъ и земскіе послы изъ великаго княжества литовскаго, какъ православные, такъ и уніаты, выработали и подписали проектъ соотвѣтствующей сеймовой конституціи [27]) (въ числѣ ихъ были и Древинскій съ Кропивницкимъ); но этотъ проектъ изъ-за скопленія другихъ дѣлъ на сеймѣ не успѣлъ превратиться въ конституцію, и экзорбитанція о греческой религіи, вмѣстѣ съ другими экзорбитанціями, осталась въ рецессѣ сейма. Послѣ сейма архим. Баковецкій съ уніатской стороны продолжалъ совѣщаться о томъ же дѣлѣ съ Кропивницкимъ и Древинскимъ, и въ виду того, что обсужденная уже конституція не состоялась, въ силу, однако же, съ другой стороны послѣ-

---

Эта протестація даетъ наиболѣе подробныя свѣдѣнія о томъ, что произошло въ Варшавѣ послѣ сейма 1629 года.

[26]) Въ инструкціи, составленной на Вишненскомъ предсеймовомъ сеймикѣ, поручено было земскимъ посламъ постараться о томъ, чтобы состоялось наконецъ столь часто вносимое на обсужденіе сеймовъ успокоеніе греческой религіи. Православные шляхтичи—оказывается,—жаловались на сеймикѣ на нарушеніе своихъ правъ и вольностей вообще и въ подаваніи церковныхъ бенефицій въ частности (Львовскіе „Akta Grodzkie i Ziemskie“, t. XX, стр. 269.

[27]) Копія этого проекта находится въ упомянутой въ примѣненіи 23 рукописи.

довавшаго уже на нее общаго согласія и принимая во вниманіе, что проектъ ея уже былъ подписанъ, предложилъ имъ позволить ему попросить короля объ изданіи универсала, на основаніи котораго могли бы произойти соборы. Кропивницкій и Древинскій (по ихъ объясненію), хотя были уже частными лицами, не отказались отъ сношеній съ Баковецкимъ. Но хотя они и желали осуществленія проектированной на сеймѣ конституціи, они осуществленіе ея путемъ изданія королевскаго универсала считали дѣломъ нелегкимъ. Но если бы, однако, этого можно было достигнуть этимъ путемъ, и если бы на это всѣ пошли, Кропивницкій и Древинскій ради дорогого и желаннаго мира давали на него и свое согласіе, съ той оговоркой, что если Баковецкій будетъ стараться объ изданіи королевскаго универсала, то онъ выхлопочетъ у короля такой универсалъ, который былъ бы согласенъ съ проектомъ конституціи, т. е. чтобы этимъ универсаломъ соборы созывались для успокоенія Руси съ Русью относительно греческой религіи, и чтобы результаты будущаго общаго согласнаго постановленія обѣихъ сторонъ на львовскомъ соборѣ представлены были на шестинедѣльный сеймъ... Договорившись такимъ образомъ съ Баковецкимъ, Кропивницкій и Древинскій (по дальнѣйшему разсказу ихъ протестаціи) уѣхали изъ Варшавы и о королевскихъ относительно соборовъ универсалахъ услышали лишь нѣсколько недѣль спустя, а каково ихъ содержаніе, они узнали уже только теперь, по пріѣздѣ на соборъ. Тутъ на соборѣ они не нашли самихъ братьевъ—шляхты, а лишь ихъ протестацію по поводу этихъ универсаловъ, и узнали, что изъ-за несогласія универсаловъ съ проектомъ конституціи происходятъ среди людей замѣшательства, а на нихъ нареканіе... Въ заключеніе протестаціи Кропивницкій и Древинскій, желая возвратить себѣ общее всѣхъ довѣріе, еще разъ заявляли, что они, дѣйствительно, совѣщались послѣ сейма относительно универсаловъ, но что эти универсалы должны были быть согласными съ письменнымъ проектомъ сеймовой конституціи, который подписали и о. Баковецкій, и панъ Кисель (земскій посолъ), и другіе земскіе послы, и одно православное духовное лицо (Іосифъ Бобриковичъ).

Чтеніемъ цѣльго ряда упомянутыхъ выше протестацій и закончился, или, какъ выразился Кисель въ своемъ донесеніи, «разорвался» кіевскій соборъ 1629 года. Кисель еще прибавляетъ, что, возвращаясь съ «разорвавшагося» собора, онъ

встрѣчалъ плакавшихъ убогихъ священниковъ, которымъ не на что было возвратиться домой и которые нарекали на то, что ихъ надули. Впрочемъ, другіе встрѣтившіеся Киселю по пути священники радовались тому, что соборъ разорвался, говоря, что безъ вѣдома патріарха не можетъ быть собора... Потомъ уже въ кіево-печерскомъ монастырѣ шляхта возвратила ему вѣрительную грамоту. Въ пятницу, 3 іюля, Кисель распрощался съ участниками собора, которые объявили ему, что они собираются послать къ королю своихъ пословъ [28]), съ тѣмъ, чтобы оправдаться передъ нимъ въ своемъ отказѣ отъ продолженія собора.

Изложивши фактическій ходъ дѣла на кіевскомъ православномъ соборѣ 1629 года, Адамъ Кисель въ своемъ донесеніи счелъ нужнымъ засвидѣтельствовать, что православные духовные хотѣли продолжать соборъ; но соборъ безъ участія шляхты, по его мнѣнію, не имѣлъ бы практическихъ послѣдствій. Затѣмъ, Кисель въ своемъ донесеніи сообщаетъ свѣдѣнія о согласительныхъ условіяхъ православной стороны, которыя ему удалось узнать изъ личныхъ разговоровъ его съ митр. Іовомъ Борецкимъ и архим. Петромъ Могилой.

По вѣроисповѣднымъ вопросамъ ихъ согласительныя условія Кисель формулировалъ такимъ образомъ:

1) Православные признаютъ, что святые находятся на небѣ, а проклятые въ аду, что совершенный вѣнецъ будетъ въ день суда, и книжку Мужиловскаго Antidotum [29]), въ которой онъ защищалъ Зизанія, осуждаютъ.

2) Третье мѣсто признаютъ, матеріальнаго огня не допускаютъ.

3) Порицаніе въ св. евхаристіи опрѣсноковъ и таинства римской церкви считаютъ грѣхомъ, признаютъ это таинство ея истиннымъ таинствомъ, но свои таинства они вполнѣ сохраняютъ.

4) Относительно исхожденія Св. Духа, въ виду того, что

---

[28]) По не совсѣмъ ясному сообщенію уніат. митр. Льва Кишки, къ королю отправлены были львовскій священникъ Ѳеофанъ Боярскій, монахъ Петроній Рыщевскій и браславскій войскій Адріанъ Шандеровскій (Сводная Галиц.-рус. лѣтопись, изд. о. А. Петрушевичемъ, стр. 289—290).

[29]) Слуцкій и Копыльскій протопопъ Андрей Мужиловскій издалъ въ 1629 г. Antidotum przezacnemu narodowi Ruskiemu (противъ Апологіи Мелетія Смотрицкаго).

рим.-католики объясняютъ, что a Filio они понимаютъ, sicuti causarie a causa (какъ епископъ владимірскій изъяснилъ—per et a), православные не хотятъ больше объ этомъ спорить. Прибавленія къ символу слова: «и отъ сына» православные не допустятъ. Quicquod habet Pater, habet et Filius, это православные признаютъ, fons et origo Pater. Если рим. католики внесли въ символъ прибавку, они должны объяснить, qua intentione они это сдѣлали. Но въ виду того, что они такъ объясняютъ дѣло, что они ни двухъ началъ не творятъ, ни слиянія лицъ въ одно, мы считаемъ ихъ не подлежащими анаѳематствованію.

5) Обряды, церемоніи, посты православные имѣютъ свои, и Боже упаси ихъ измѣнять, и календарь они будутъ сохранять свой [30]).

6) Что касается папскаго примата, то православные, пока въ нихъ останется хоть капля русской крови, никогда не подчиняется (nie oddadzą pokłonu) римскому епископу.

Когда Кисель частнымъ образомъ совѣщался [31]) о средствахъ къ примиренію по вопросу о папской власти, ему данъ былъ слѣдующій отвѣтъ: «Первопрестольнымъ и начинательнымъ» (русскія слова въ донесеніи, написанныя польскими буквами) православные знаютъ и признаютъ св. папу римскаго, когда восточные патріархи сносятся съ западнымъ—(«вашимъ») патріархомъ посредствомъ грамотъ или легатовъ, и такимъ образомъ implicite признаютъ, что онъ старшій, но измѣнить церковно-іерархическую зависимость свою (ale od diecesiey y s pokłonu w pokłon odmièniac' się) они никакимъ образомъ не могутъ. Если уніаты на этомъ послѣднемъ пунктѣ съ православными согласятся, какъ они прежде хотѣли согласиться, то православные будутъ просить кого слѣдуетъ объ этомъ [32]).

---

[30]) Всѣ эти приведенные нами выше согласительныя условія по существу не отличаются отъ „условій къ соединенію православныхъ съ уніатами" напечатанныхъ С. Т. Голубевымъ (о. с., 379—380) и составленныхъ, по его мнѣнію, во владимірскомъ уніатскомъ соборѣ 1629 года (205—207). Но эти послѣднія изложены болѣе полно.

[31]) „Съ ними"—сказано въ донесеніи. Неясно, съ Борецкимъ ли и Могилой только, или и съ другими православными. Первое, повидимому, вѣроятнѣе.

[32]) Это столь важное мѣсто донесенія изложено слишкомъ кратко и неопредѣленно: Ze chcieli tedy pars unita na to się zgodzić z nami, prosić będziemy... Корженевскій, бернардинскій монахъ, совѣтовалъ передъ кіев-

Если же это невозможно, пусть уніаты остаются въ своей церковно-іерархической зависимости, а православные—въ своей. Вѣра—одна, обряды—одни, и такъ можно жить въ братской любви... [33]).

Сообщивши частнымъ образомъ узнанныя согласительныя условія митр. Іова и архим. Петра Могилы, Кисель вставилъ въ свое донесеніе по поводу ихъ замѣчаніе: «Такъ думаютъ всѣ болѣе мудрые и старшіе изъ нихъ (православныхъ). Простые еще держатся своихъ застарѣлыхъ предразсудковъ».

Покончивши съ догматической и канонической стороной дѣла, Кисель возвращается въ своемъ донесеніи къ прямому предмету своей рѣчи—къ примирительному собору въ возможной практической постановкѣ вопроса о немъ въ данный моментъ. По отношенію къ собору православные, говоритъ онъ, предъявляютъ слѣд. требованія: а) чтобы онъ созванъ былъ сеймомъ; б) чтобы они получили право предварительно снестись съ константинопольскимъ патріархомъ; в) чтобы для собора избрано было подходящее мѣсто, чтобы гарантирована была его участникамъ совершенная безопасность, и чтобы на немъ не было президентовъ рим.-католическаго вѣроисповѣданія [34]).

Кіевскій православный соборъ 1629 года былъ по своему составу почти исключительно духовно-іерархическимъ. Подъ предсѣдательствомъ митрополита Іова на немъ присутствовали

скимъ соборомъ митр. Борецкому: wszak nalepiey doma mièc' Patriarche, iako my mamy w Polsce Pasterza, isz mu zlecona moc od Głowy (С. Т. Голубевъ, о. с., 376).

[33]) Въ упомянутыхъ въ прим. 30 „условіяхъ“, въ 6-мъ пунктѣ ихъ, папа признается намѣстникомъ Петра, за нимъ признано право утверждать постановленія соборовъ.

[34]) Изложивши догматическія и каноническія согласительныя условія митр. Іова и Петра Могилы и предъявленныя ими къ самому собору требованія (requisita), Кисель сообщаетъ, что для того, чтобы узнать ихъ, онъ долженъ былъ съ клятвой заявить, что онъ самъ „благочестивый“, т. е. православный. Rozumiałem Wmosciom moim Miłosciwym Panom oznaymiè, a tego nie mogłem wymacać, aż in iureiurando, żem błahoczestiwy, y tak iest... На этомъ оканчивается и наше изложеніе исторіи кіевскаго православнаго собора 1629 года, основанное на донесеніи королевскаго посла на этомъ соборѣ Адама Киселя... Благодаря любезному содѣйствію акад. А. С. Лаппо-Данилевскаго, это донесеніе будетъ напечатано въ одной изъ ближайшихъ книжекъ Записокъ 2-го отдѣленія Имп. Академіи Наукъ. Тамъ же будутъ напечатаны и упомянутыя въ примѣчаніяхъ 23, 25 и 27 документы.

епископы [35]) и громадное количество (до 500 чел.) чернаго и бѣлаго духовенства, и притомъ изъ разныхъ, и самыхъ отдаленныхъ, частей западно-русской митрополіи. Изъ мірскихъ людей прибыли на соборъ лишь представители братствъ, нѣсколько поименно въ разныхъ мѣстахъ донесенія указанныхъ шляхтичей и два представителя запорожскаго казачества. Малое представительство на кіевскомъ соборѣ 1629 года православной западно-русской паствы, въ особенности же почти совершенное отсутствіе на немъ православной шляхты, было, по суду самого этого собора, столь существеннымъ его недостаткомъ, что самое функціонированіе его закономѣрное признано было невозможнымъ. Православное западно-русское духовенство, собравшееся на кіевскій соборъ, признало себя неправомочнымъ, безъ православной шляхты, рѣшать вопросъ объ отношеніи западно-русской православной церкви къ уніатской.

Православная западно-русская шляхта, тридцать пять лѣтъ уже защищавшая православную вѣру и церковь въ борьбѣ съ уніей, хорошо понимала значеніе своего отказа отъ участія въ кіевскомъ соборѣ. Этимъ своимъ отказомъ она, дѣйствительно, разстроила самый соборъ. Отказъ же ея отъ участія въ кіевскомъ соборѣ вызванъ былъ не какими-либо формальными недочетами королевскаго о созывѣ соборовъ универсала, а извращеніемъ въ немъ самаго существа того примирительнаго проекта, на который на сеймѣ 1629 года согласились православные и уніатскіе земскіе послы. Вмѣсто полюбовнаго размежеванія православной и уніатской церквей [36]), съ легализированіемъ іерархіи и всего церковнаго быта первой, какъ и послѣдней, королевскій универсалъ сулилъ православнымъ Западной Руси какую-то унію второго изданія. Но что особенно

---

[35]) Въ донесеніи не перечислены присутствовавшіе на соборѣ епископы. Изъ него видно только, что львовскій и луцкій епископы лично не присутствовали, а прислали своихъ пословъ. Полоцкій архіепископъ (М. Смотрицкій) перешелъ уже въ унію, а владиміро-брестскій (І. Курцевичъ) ушелъ уже въ Московскую Русь. Могли присутствовать на кіевскомъ соборѣ только три остальныхъ тогдашнихъ западно-русскихъ епископа—Исаія Копинскій, архіепископъ Смоленскій, Паисій Ипполитовичъ, епископъ Холмскій, и Авраамій, епископъ Пинскій (присутствовавшіе и на кіевскомъ соборѣ 1628 года).

[36]) Сами уніаты впослѣдствіи писали о православныхъ: putabant hanc synodum (Leopoliensem) congregari, quatenus inter se faciant uniti et disuniti combinationem, quod ad bona et monasteria ac parochiales ecclesias, non vero quod unionen in fide et obedientia Romana (Сводн. гал.-рус. лѣтопись, 290).

должно было враждебно настроить по отношенію къ собору православныхъ шляхтичей—этихъ старыхъ сеймовыхъ борцовъ съ церковной уніей,—такъ это—предоставленіе на единоличное усмотрѣніе короля всѣхъ результатовъ согласительныхъ соборныхъ постановленій православныхъ и уніатовъ. Королевская власть въ лицѣ Сигизмунда III, во всѣ протекшія уже тридцать пять лѣтъ сеймовой борьбы ихъ съ церковной уніей, и была главнымъ, а въ иные моменты единственнымъ тормазомъ счастливаго успѣха ихъ въ этой борьбѣ. Вся надежда православныхъ. если не на новыя завоеванія въ сферѣ вѣроисповѣдной для себя свободы, то хотя бы на сохраненіе въ дальнѣйшемъ настоящаго положенія вещей, основывалась на польскомъ сеймѣ, на томъ дорогомъ для нихъ устройствѣ этого сейма, при которомъ убѣжденное въ своей правотѣ и энергичное меньшинство могло отстаивать свои права противъ даже подавляющаго большинства. Королевскій универсалъ отнималъ у православныхъ это послѣднее убѣжище ихъ церковно-политическихъ надеждъ... Неудивительно, что отвѣтомъ со стороны православной шляхты на королевскій универсалъ сталъ единодушный ея отказъ отъ участія въ созванномъ на основаніи его соборѣ.

Совсѣмъ иначе къ кіевскому собору 1629 года отнеслось южнорусское казачество. Его отказъ отъ участія въ соборѣ не имѣлъ бы никакого значенія. Самый сеймъ польскій, во имя котораго православная шляхта объявила кіевскому собору бойкотъ, не могъ сознанію казачества предноситься въ томъ пріятномъ свѣтѣ, въ какомъ онъ рисовался сознанію каждаго члена шляхетскаго сословія,—единственнаго въ литовско-польскомъ государствѣ носителя политическихъ правъ. Польскій сеймъ, хотя казачеству приходилось постоянно къ нему обращаться по своимъ дѣламъ, въ томъ числѣ (въ послѣдніе годы) и по дѣламъ своей вѣры, былъ самъ по себѣ, по своей политическо-соціальной сущности, болѣе враждебенъ казачеству, чѣмъ королевская власть.

Запорожское козачество, какъ таковое, не смотря на его активное и для всѣхъ очевидное участіе въ дѣлахъ православной церкви съ 1620 года, ни откуда не получило оффиціальнаго приглашенія на кіевскій соборъ 1629 года. Объ этомъ оно съ нескрываемымъ чувствомъ обиды само писало митр. Іову Борецкому, хотя, вѣроятно, и само оно видѣло всю затруднительность положенія послѣдняго въ этомъ отношеніи,

особенно послѣ разбившаго столько надеждъ Куруковскаго разгрома казаковъ... Запорожское казачество, какъ мы видѣли выше, отправило отъ себя на кіевскій соборъ двухъ оффиціальныхъ своихъ пословъ, которые ко времени открытія собора были уже на мѣстѣ. Запорожское казачество, въ лицѣ этихъ своихъ спеціальныхъ представителей, оффиціально допущено было соборомъ къ участію въ его засѣданіяхъ, и королевскому послу на соборѣ пришлось примириться съ этимъ фактомъ. Не сохранилось точныхъ свѣдѣній о дѣятельности на кіевскомъ соборѣ Андрея Лагоды и Сапрона Сосимновича. Адамъ Кисель, допустившій, скрѣпя сердце, казацкихъ уполномоченныхъ на соборъ, не былъ предрасположенъ въ своемъ донесеніи сколько-нибудь выпукло представить ихъ роль на соборѣ. Тѣмъ не менѣе и у него находимъ свидѣтельство въ пользу не только активности этой ихъ роли, но и вполнѣ сознательнаго проведенія ими ея. Во второй день соборныхъ совѣщаній они вручили митрополиту «довольно краснорѣчивую» грамоту, которую митрополитъ затѣмъ передалъ королевскому послу. Къ сожалѣнію, Кисель охарактеризовалъ эту грамоту не по содержанію ея, а только съ внѣшней ея стороны. Но самый фактъ составленія запорожскимъ казачествомъ для собора вполнѣ приличной по своему тону грамоты очень характеристиченъ для него, для обрисовки его тогдашней культурной физіономіи. Запорожское казачество, очевидно, вполнѣ оріентировалось въ окружающей его религіозно-церковной обстановкѣ и отдавало себѣ полный отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ. Заявленіе (въ первый же день собора) сопровождавшей своихъ представителей казацкой толпы: «дѣло идетъ о вѣрѣ, за которую умремъ» не было простымъ возгласомъ внезапно поднявшагося религіозно-вѣроисповѣднаго чувства... Въ теченіе всѣхъ четырехъ дней собора интересъ къ нему среди всей массы бывшаго въ Кіевѣ казачества ни на минуту не ослабѣвалъ. Число стекавшихся къ мѣсту собора казаковъ съ каждымъ днемъ все увеличивалось, и признано было по этой причинѣ нужнымъ перенести засѣданія собора въ Николаевскій Пустынскій монастырь. Въ этотъ довольно далекій монастырь, когда въ послѣдній день собора засѣданіе слишкомъ затянулось, казаки съ мѣщанами посылали нарочныхъ пословъ за справками, что на соборѣ происходитъ... Самая угроза митрополиту и кіево-печерскому архимандриту кровавой расправой, сорвавшаяся съ устъ одного какого-то экспансивнаго

казака, столь старательно занесенная Киселемъ въ его донесеніе, свидѣтельствовала о той великой степени каленія, до которой поднялось религіозно-народное чувство во всей кіевской казацкой толпѣ, не исключая и самыхъ низшихъ, не посвященныхъ во всѣ тайны момента, слоевъ его.

Религіозно-церковные противники митр. Іова Борецкаго, въ непосредственно предшествовавшее открытію кіевскаго собора время, склонны были обвинять его самого въ своего рода конспиративномъ заговорѣ съ запорожскими казаками противъ польскаго правительства и его церковно-примирительныхъ плановъ. Кіевскій бернардинскій монахъ Фелиціанъ Корженевскій (въ письмѣ отъ 9 іюня 1629 г.) писалъ митр. Іову, что сами православные признаютъ общую солидарность дѣйствій его съ дѣйствіями казаковъ («не обращая вниманія на о. Борецкаго и казаковъ»). Но этого мало. Онъ ставилъ въ томъ же письмѣ митр. Іову въ вину совершенно опредѣленный, конкретный фактъ преступнаго соглашенія его съ запорожскими казаками, и притомъ относившійся къ самому послѣднему времени. «Многіе на основаніи явныхъ признаковъ подозрѣваютъ (писалъ онъ), что изъ вдохновенія Вашей милости, какъ и раньше бывало, вышло то, что собралось такое бо́льшое число казаковъ, и что они бились съ невѣрными,—все это съ тѣмъ, чтобы, возвратившись, они сильнѣе возстали противъ святой уніи, какъ уже эти безбожники явно этимъ угрожали и угрожаютъ. Я говорю это, не потому, что вѣрю этому вполнѣ, а какъ доброжелательный пріятель, извѣщаю объ этомъ Вашу милость съ цѣлью предостереженія»... [37]).

Скопленіе казаковъ за порогами въ концѣ весны 1629 года было, дѣйствительно, необычайно большое. Королевскій региментарій Ст. Хмелецкій доносилъ королю, что ихъ собралось столько же, если не больше, сколько было въ Хотинскомъ походѣ (1621 г.). Казаки, по донесенію Хмелецкаго, собирались 23 мая выступить въ Крымскій походъ, въ интересахъ Мегеметъ и Шагинъ-гиреевъ, которые, какъ извѣстно, нашли въ Запорожьѣ себѣ убѣжище послѣ потери власти въ Крыму (лѣтомъ 1628 года) [38]). Запорожское войско, въ количествѣ двадцати трехъ тысячъ, направилось прямо къ Перекопу. Не

---

[37]) С. Т. Голубевъ, о. с., 375—376.

[38]) Przylęcki, Ukrainne sprawy, 87.

доходя три мили до Перекопа, оно встрѣтилось съ татарами. По свидѣтельству бѣлоцерковскаго подстаросты, въ запорожскомъ войскѣ не было единодушія. Вмѣсто одного, казаки избрали двухъ гетмановъ, и обоихъ неумѣлыхъ: одинъ изъ нихъ былъ Тарасъ [39]), другой Чернита [40]). Гетманы выставили десять полковъ передъ казацкимъ таборомъ. Двѣнадцать сотенъ Шагинъ-гиреевыхъ татаръ и съ ними много лучшихъ казаковъ завязали бой съ крымскими татарами. Татары сперва отвлекли ихъ отъ табора, а потомъ храбро бросились на нихъ съ саблями въ рукахъ и оттѣснили къ табору. Казацкая пѣхота тутъ встрѣтила татаръ (какъ и своихъ, впрочемъ) ружейнымъ огнемъ, и татары должны было остановить дальнѣйшій натискъ. Притомъ же уже наступилъ вечеръ. Въ этотъ день погибла тысяча казаковъ... На другой день, рано утромъ, казаки подошли ближе къ Перекопу. Они заняли тѣ мѣста, гдѣ раньше стояли крымцы. Опять оба враждебныхъ войска выстроились одно противъ другого. Въ начавшемся сраженіи главную роль сыгралъ Кантемиръ. Онъ близко придвинулъ свои орудія съ боку къ казацкому войску, учащенною стрѣльбою изъ нихъ разстроилъ его ряды и ворвался въ самый казацкій таборъ. Казаки должны были отступить. Они отступали таборомъ цѣлыхъ четыре дня, пока не достигли Днѣпра. Отсюда крымцы повернули назадъ... Такимъ образомъ походъ окончился для казаковъ неудачно. Погибло ихъ въ этомъ походѣ цѣлыхъ пять тысячъ. Еще неудачнѣе онъ окончился для поддерживаемыхъ казаками претендентовъ на крымскій престолъ. Мегеметъ-гирей убитъ былъ своими же татарами, а Шагинъ-гирей бѣжалъ, невѣдомо куда [41]).

---

[39]) По реляціи Конецпольскаго, запорожскіе казаки послѣ гибели М. Дорошенко избрали гетманомъ „негоднаго хлопа Тараса“ (рук. Имп. Публ. Библ., Пол. F. IV, № 241 л. 684).

[40]) Подъ Чернитою, можетъ быть, можно разумѣть Грицка Чернаго, избраннаго въ гетманы послѣ гибели Дорошенка городовыми запорожскими казаками и признаннаго польскимъ правительствомъ въ званіи гетмана. Грицко, по реляціи Конецпольскаго, рѣшительно отказывался отъ должности гетмана, но долженъ былъ уступить волѣ короля и просьбѣ „товарищей“. (рук. Имп. Публ. Библ., Пол., IV, № 241, л. 684).

[41]) Жерела до історіи Украини-Руси, VIII, 341—342, письмо бѣлоцерковскаго подстаросты отъ 10 іюня 1629 года. Цифра 5000 погибшихъ казаковъ указывается и въ рук. Имп. Публ. Библ., Пол., Q. IV, № 76, л. 24. По реляціи Конецпольскаго, татары położyli trupem kilkanaście tysięcy kozakow, a siła nahaykami do Krymu zagnali (л. 685).

Неудача запорожскихъ казаковъ подъ Перекопомъ весной 1629 года была неудачей и польскаго центральнаго правительства. И Шагинъ-гирей, и давшіе ему убѣжище запорожцы находились съ нимъ съ самаго начала крымскихъ внутреннихъ замѣшательствъ въ постоянныхъ и дѣятельныхъ сношеніяхъ [42]). Региментарій Хмелецкій былъ посредникомъ въ этихъ сношеніяхъ, и его донесеніе королю о многочисленности запорожскаго войска, собравшагося въ помощь Мегеметъ и Шагинъ-гиреямъ, имѣло характеръ не печально-грознаго, а радостно-пріятнаго для короля извѣстія. Можно думать, что это скопленіе въ Запорожьѣ большого количества казаковъ не безполезнымъ оказалось и для самого регментарія короннаго войска на Украйнѣ. 5 мая онъ получилъ извѣстіе о движеніи къ южной польской границѣ Мухамедъ-мурзы съ 4000 бѣлгородскихъ, крымскихъ и добруджскихъ татаръ. 21 мая эти татары, перейдя эту границу, уже произвели набѣгъ въ окрестности Умани, взяли двадцать плѣнниковъ и много скота. Хмелецкій долженъ былъ быстро идти противъ нихъ. Настигнувши ихъ, онъ многихъ перебилъ, отбилъ часть добычи. Остальные ушли [43])... Скопленіе по близости многочисленнаго, связаннаго солидарностью своихъ съ нимъ намѣреній, казацкаго войска было для королевскаго регментарія не неблагопріятнымъ обстоятельствомъ. Едва ли эта солидарность намѣреній запорожскаго казачества и центральнаго польскаго правительства въ крымскомъ вопросѣ, существовавшая уже почти цѣлый годъ, была тайной для митр. Іова Борецкаго. Вѣроятно, поэтому, наивнымъ показался ему кіевскій рим.-католическій монахъ-пришелецъ, съ такимъ важнымъ видомъ предостерегавшій его на счетъ возможныхъ у польскаго центральнаго правительства подозрѣній, что это не кто иной, а кіевскій православный митрополитъ собралъ за порогами такое большое количество казаковъ, чтобы, подогрѣвши ихъ религіозный пылъ въ борьбѣ съ невѣрными, направить его потомъ на ненавистную ему унію... Скопленіе большаго, чѣмъ обычно, количества казаковъ въ Запорожьѣ въ маѣ и іюнѣ 1629 года было дѣ-

[42]) Историческія свѣдѣнія объ этихъ сношеніяхъ сообщены нами въ статьѣ „Варшавскій сеймъ 1628 года и крушеніе уніональныхъ плановъ Мелетія Смотрицкаго (Христ. Чт., 1910, майская книжка; ср. пятый выпускъ нашей Сеймовой борьбы, стр. 137—140).

[43]) Przyłęcki, o. c., 84—87.

ломъ своеобразной тайной политики самого правительства Сигизмунда III. Но оно, безъ сомнѣнія, въ виду извѣстной религіозно-народной настроенности запорожскаго казачества, не было обстоятельствомъ благопріятнымъ для подготовительнаго къ примиренію съ уніатами православнаго собора.

Для уніатскаго Владимірскаго собора никакихъ неблагопріятныхъ обстоятельствъ не существовало. Онъ въ назначенное ему время, въ присутствіи королевскаго коммиссара кн. Курцевича, и состоялся. На немъ уніаты «постановили ѣхать на генеральный синодъ» [44]).

П. Жуковичъ.

---

[44]) Краткая замѣтка объ уніатскомъ Владимірскомъ соборѣ находится въ рук. архива уніат. митрополитовъ, процитированномъ въ прим. 23. О составленныхъ на этомъ соборѣ, по предположенію проф. С. Т. Голубева, условіяхъ примиренія съ православными упомянуто выше (ср. прим. 30 и 33). Синодъ происходилъ не въ самомъ Владимірѣ, а возлѣ него, въ принадлежащемъ Луцкому епископу селѣ Фалимичахъ (Петрушевичъ, Сводная Галицко-русская лѣтопись, 289). Въ этихъ же Фалимичахъ 20 сент. 1629 г. окончилась 5-ая базиліанская конгрегація, начавшаяся въ Жировицахъ (Вилен. Арх. Сборн., XII, 33).

Думы инока.

Въ наше время,—время шатанія, нравственнаго разложенія, пропаганды безбожія и всякаго рода гнилыхъ теорій,—глаза невольно останавливаются на монастыряхъ, разбросанныхъ по всей широкой Руси и когда-то не разъ служившихъ большую службу, объ одной изъ которыхъ еще недавно вспоминала Сергіева Свято-Троицкая Лавра. Не могутъ ли, думается, эти монастыри оказать и нынѣ необходимой поддержки въ борьбѣ съ сильно размножившимися идолами, которыхъ столь тщательно перечисляетъ достопочтенный казанскій епископъ Алексій въ своемъ «нововременскомъ» письмѣ (№ 12498 за 28 дек. 1910 г.: «*Нѣчто объ идолахъ*» etc.), къ слову сказать: довольно удивительномъ по многимъ причинамъ, о чемъ поговорю когда-либо послѣ,—а нынѣ ограничусь добавленіемъ къ перечисленнымъ еще одного изъ главнѣйшихъ: *любостяжанія* (Еф. V, 5)..? Не могутъ ли,—тѣмъ болѣе, что число ихъ превосходитъ тысячу, а количество насельниковъ монастырскихъ—выше девяноста тысячъ (см. у *Л. И. Денисова*: «*Православные монастыри Россійской имперіи*»... Москва, 1908 г.)?

Подобныя надежды на монастыри возлагаютъ и сами иноки. Одинъ изъ нихъ—обитатель отдаленнаго черноморскаго монастыря, пожелавшій, чтобъ его имя въ печати не оглашалось,—при этомъ предварительнымъ условіемъ (conditio, sine qua non...) считаетъ оздоровленіе жизни самихъ иноческихъ обителей, нуждающихся въ данномъ случаѣ во многомъ... и послѣ извѣстнаго монашескаго съѣзда 1909 г., пока еще не давшаго осязательныхъ результатовъ въ монастырской жизни.

«Нѣкій инокъ», о которомъ у насъ идетъ рѣчь, рисуетъ даже цѣлую программу желательныхъ улучшеній, исправленій и проч.

Положеніе вещей, говоритъ онъ, во-истину ужасное. На кого ни посмотришь изъ представителей такъ называемой «интеллигенціи», все это—или безбожники, или въ лучшемъ случаѣ люди безразличные къ христіанству (въ родѣ тѣхъ, кои, будучи христіанами, спокойно строятъ языческія капища и отказываются понимать ревность возмущающихся введеніемъ идолослуженія, столь энергично изгонявшагося нашими предками и святыми отцами: см. *святаго Кареагенскаго собора* правила: 69-е, 95-е и др.). Они, разсуждаетъ инокъ, лишь по паспорту значатся христіанами, но даже и Евангелія частенько въ рукахъ не держали, а между тѣмъ имѣютъ дерзость утверждать, что, кромѣ Толстого, никто правильно Евангелія Христова не растолковалъ, что въ данномъ случаѣ ошибались и самые св. отцы..., или—что магометанство выше христіанства и т. п. При этомъ на повѣрку оказывается, что подобные господа, не видавшіе св. Евангелія, въ то же время не прочитали и строчки изъ пресловутыхъ писаній Толстого, а тѣмъ болѣе—изъ твореній святоотеческихъ, о Магометѣ же слышали лишь случайно, да и то явный вздоръ, въ родѣ того, что последній—де разрѣшилъ вступить въ бракъ и разводиться хоть ежедневно и съ кѣмъ угодно, безъ стѣсненій, какъ бы отвѣчая духу нашего времени, порнографическимъ наклонностямъ нашей «интеллигенціи»... Сами пастыри, которыхъ иноку приходилось наблюдать, или предаются картежной игрѣ и служенію Бахусу, или гласно ратуютъ за Толстого, поютъ въ унисонъ съ «жидами» и называютъ своихъ псовъ фамиліями лучшихъ русскихъ дѣятелей, даже и имонъ которыхъ они недостойны были бы произносить... Чему отъ этихъ пастырей, спрашиваетъ инокъ, пасомые научатся? Ихъ слова и дѣла не учатъ-ли тому же, чему и пресловутые интеллигенты? Т. е., безбожію, безнравственности... Все же иное не «поповскія» ли только выдумки? Придя къ такому выводу, народъ перестаетъ уже бояться чего бы то ни было и разрѣшаетъ себѣ все: ежедневныя газетныя сообщенія иллюстрируютъ это, къ сожалѣнію, слишкомъ краснорѣчиво... Церковное дѣло падаетъ,—вліяніе Церкви болѣе, чѣмъ слабѣетъ, и исчезаетъ!...

Помочь горю въ силахъ былъ бы, по мнѣнію инока, прежде всего всероссійскій церковный Соборъ, который бы тщательно

и заботливо упорядочилъ своимъ продуманнымъ и высоко-авторитетнымъ словомъ все церковное на Руси дѣло. Нужда въ такомъ Соборѣ—огромная...

А пока надлежитъ-де возможно шире развить миссіонерское дѣло какъ въ центрѣ Руси, такъ и на ея окраинахъ. Инокъ живетъ на одной изъ окраинъ и, съ одной стороны, видитъ, какъ не по днямъ, а по часамъ здѣсь распространяется и усиливается сектантство, систематически развращающее православныхъ и дѣлающее ихъ «какими-то отщепенцами», людьми «грубыми и дерзкими», а съ другой, съ сожалѣніемъ убѣдился, что имѣющіеся тамъ всего лишь два (!) миссіонера «живутъ только для счету», и что, если ему и удалось лицезрѣть «два раза» «одного» лишь изъ нихъ, то лицезрѣть только—не больше,—«бесѣдъ» же «его никто не слышалъ»: «онъ какой-то больной»...; другого же онъ даже и не видалъ... Очевидно, на нихъ плохая надежда. И сектанты, при такомъ порядкѣ вещей, разумѣется, могутъ только ликовать... и ликуютъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ все больше и больше усиливаются, укрѣпляются,—все сильнѣе и нахальнѣе запускаютъ свои цѣпкія гнусныя руки...

Какъ-же тутъ быть? Кого жъ противопоставить сектантамъ и прочей, взявшей и берущей засилье, гнили? Кого...,—спрашиваетъ инокъ,—да монаховъ,—вотъ кого, отвѣчаетъ онъ. Только «подготовьте ихъ»... «Вотъ Вамъ и миссіонеры», которыхъ «можетъ содержать на свой счетъ» тотъ или другой монастырь. Не за чѣмъ будетъ обращаться къ казнѣ и ждать отъ нынѣшней «любвеобильной» Думы обычнаго почти отказа на дѣла православной церкви... Но въ то же время не будетъ недостатка и въ дѣлателяхъ на Божіей нивѣ... Мысль прекрасная дѣйствительно..., и приготовить изъ монаховъ кадръ хорошихъ миссіонеровъ не столь уже трудно. Примѣры, правда, и не многочисленные у насъ подъ руками...

Упорядочьте монастырскую жизнь такъ, чтобъ иноки сдѣлались достойными носителями своего великаго имени,—и увидите, что уже одна жизнь ихъ, одни дѣла сослужатъ великую миссіонерскую службу: примѣръ Оптиной пустыни у всѣхъ предъ глазами и въ комментаріяхъ, какъ говорятъ, не нуждается. Не только никто не скажетъ дурного слова объ оптинскихъ инокахъ, но, наоборотъ, всѣхъ неудержимо влечетъ туда—поучиться жизни, отдохнуть душой, набраться энергіи для духовныхъ подвиговъ... Туда потянуло и самого яснопо-

лянскаго несчастнаго графа... Еслибъ побольше было такихъ спасительныхъ оазисовъ: «Оптиныхъ», «Валаамовъ»..., тогда можно было бы и полегче вздохнуть...

Чтобы «поднять истинно-подвижническій духъ въ монастыряхъ», разсуждаетъ инокъ, необходимо монахамъ всѣмъ «сообща» «выработать» надлежащій, соотвѣтствующій существу и условіямъ дѣла, монастырскій «уставъ», при которомъ «нравственный контроль» надъ иноками былъ бы неослабнымъ и, хорошо поставленный, являлся бы серьезнымъ воспитывающимъ средствомъ...

Особенно важное значеніе инокъ придаетъ «старчеству», «возстановленіе» коего въ монастыряхъ рекомендуетъ съ особенною настойчивостью. Необходимо, разсуждаетъ онъ, «чтобъ каждый инокъ» имѣлъ «своего старца—руководителя». «Добровольные ученики»,—говоритъ въ своей книгѣ *о. А. Соловьевъ* («*Старчество по ученію святыхъ отцовъ и аскетовъ*»; Семипалатинскъ, 1900 г.),—«во всякое время идутъ къ избранному» ими «старцу, раскрываютъ предъ нимъ всю свою душу», обнажаютъ всѣ свои «помыслы», тайныя «желанія, спрашиваютъ совѣтовъ» и указаній и только «по его благословенію дѣлаютъ» то или иное. Они «отказываются отъ своей воли, мыслей и разумѣній, все это передаютъ старцу-руководителю» и затѣмъ «повинуются ему безусловно, безпрекословно, безъ размышленія»... «Старецъ становится для учениковъ» его «умомъ, совѣстью и сердцемъ, чрезъ которое кровь естественнымъ образомъ распредѣляется, движется и обращается». «Старецъ» такой—«кормчій корабля» (стр. 51—52 и др.)... Инокъ совѣтуетъ: каждаго монаха, съ «перваго» же дня его жизни въ монастырѣ, непремѣнно «отдавать подъ руководство какого-либо старца». Изъ рукъ послѣдняго,—говоритъ онъ, ссылаясь, между прочимъ, и на свой личный опытъ, на то, что «самъ» онъ «пережилъ и переживаетъ»,—можетъ выйти только истинный, идеальный монахъ, какіе лишь и желательны въ монастыряхъ, согласно ихъ назначенію, ихъ задачамъ, цѣлямъ... А теперь пока что видимъ въ обителяхъ? А то, что монахи,—говоритъ мой инокъ-корреспондентъ,—«предоставлены» лишь самимъ себѣ, брошены «на произволъ судьбы», и «каждый» въ сущности «живетъ, какъ хочетъ»... И никому собственно нѣтъ никакого дѣла до его души, до его «святая святыхъ», до его внутренняго настроенія и завѣтныхъ думъ... Быть можетъ, его обуреваютъ страсти,—быть можетъ, онъ близокъ

къ отчаянію и готовъ наложить на себя руки и проч...,—никому въ сущности нѣтъ до этого никакого дѣла. Важно для монастырскаго начальства лишь то, чтобъ каждый монахъ «вышелъ на работу», какая ему назначена, и внѣшне-прилично ее выполнилъ,—и довольно! «Но вѣдь» въ этомъ, возражаетъ инокъ, «толку мало: и оселъ работаетъ много, а все-таки осломъ и остается» (грубая фраза, но полна здраваго смысла, остроумія)!... Одинъ епископъ—почтеннѣйшій святитель, выслушавъ соображенія инока и по существу одобряя ихъ, возразилъ моему корреспонденту: «все это—такъ, но гдѣ же мы возьмемъ старцевъ»-руководителей? На это вопрошаемый отвѣтилъ увѣренно: «Владыка! Война родитъ героевъ,—такъ и иночество дастъ старцевъ», необходимыхъ для дѣла. «И хотя всѣ они Амвросіями» (намекъ на оптинскаго старца Амвросія: род. въ 1812 г., а скончался въ 1891 г.) «не будутъ, но руководителями опытными все же окажутся, а больше пока ничего и не требуется»... Лишь бы только «положить начало» дѣлу, и оно, «безспорно, наладится»...

Твердо вѣритъ мой инокъ въ силу и значеніе «старчества», и его вѣра,—какъ ясно для всякаго, сколько-нибудь знакомаго съ послѣднимъ,—имѣетъ основанія. Необходимыя дальнѣйшія разъясненія въ данномъ случаѣ всякій найдетъ, напр., въ цитов. книгѣ *о. Соловьева* или еще, напр., у *проф. С. И. Смирнова* (*«Духовный отецъ въ древней восточной Церкви. Исторія духовничества на Востокѣ. Часть 1. Періодъ вселенскихъ соборовъ»*. Серг. Посадъ, 1906 г.) и у друг.

А пока что наладилось бы со «старчествомъ»,—необходимо, по мнѣнію инока, устраивать въ монастыряхъ «два—три раза въ недѣлю» «религіозно—нравственныя собесѣдованія». Собесѣдованія можетъ вести самъ Настоятель или, если послѣднему почему-либо нельзя, кто-нибудь другой подъ его руководствомъ и въ его присутствіи. Собесѣдованія можно устраивать или «въ послѣобѣденное время, или же по окончаніи повечерія». На собесѣдованіяхъ должно обсуждаться, конечно, лишь то прежде всего, что имѣетъ ближайшее значеніе для монастырскихъ насельниковъ,—именно—условія и обстоятельства «подвижнической жизни»; также «должны даваться отвѣты на недоумѣнные вопросы», возникающіе у иноковъ, и т. п. Частности выяснитъ сама уже жизнь. Правда,—разсуждаетъ инокъ,—трудно будетъ на первый разъ «наладить это важное дѣло». Можетъ по этому поводу возникнуть, пожалуй, даже «ропотъ

среди иноковъ»: вѣдь «лѣнтяямъ» и «дармоѣдамъ» все это, конечно не «понравится», а монастыри, разумѣется, отъ подобнаго рода лицъ нисколько не застрахованы: мало ли кто сюда приходитъ и съ различными цѣлями, не только идейными, и не вдругъ ихъ—этихъ лицъ разгадать можно... А путемъ собесѣдованій можно достигнуть многаго: и узнать «братію», и понемногу внушить ей надлежащее пониманіе иночества и уваженіе къ послѣднему, и подготовить монаховъ для миссіонерскаго дѣла, каковое можно вести сначала хотя бы въ самыхъ монастыряхъ, которые вѣдь обычно никогда не остаются безъ богомольцевъ, особенно же въ извѣстные дни года, дни монастырскихъ праздниковъ... Простой людъ, изъ какого большей частью и состоятъ толпы паломниковъ, всегда съ увлеченіемъ слушаетъ душеспасительныя и нехитрыя бесѣды или съ восторгомъ читаетъ «божественныя» книжки, т. е., о подвигахъ святыхъ, о предметахъ вѣры и пр. Посему хорошо было бы, еслибъ обители занялись распространеніемъ христіанскихъ истинъ *и такимъ путемъ*, въ противовѣсъ обильной сектантской и атеистической литературѣ. Примѣръ съ «листками», издаваемыми Свято-Троицкою Сергіевскою Лаврою, или въ послѣднее время выпускаемыми СПБургскимъ Епархіальнымъ Миссіонерскимъ Совѣтомъ, весьма поучителенъ и слишкомъ краснорѣчивъ: даже трудно хотя бы приблизительно учесть ту громадную пользу, какую эти «листки» простому люду приносятъ, отучая его отъ пороковъ, отъ дурного времяпрепровожденія, отъ суевѣрія, отъ сектантскихъ бредней... и просвѣщая народъ истиннымъ Христовымъ свѣтомъ... Монастыри могли-бы здѣсь сдѣлать многое: разбросанные по обширному нашему отечеству, они могли бы стать высокими духовно-просвѣтительными центрами, чѣмъ и были нѣкогда и чѣмъ иные изъ нихъ являются и доселѣ... И этой мощной силы не могли бы поколебать никакія вражескія полчища соціалистовъ, безбожниковъ, революціонеровъ, сектантовъ, столичныхъ язычниковъ... Припомните, что, напр., дѣлали нѣкогда нитрійскіе (въ Египтѣ) монахи, когда видѣли опасность, угрожавшую православной вѣрѣ?.. Да,—необходимо сдѣлать изъ монастыря цитадели противъ враговъ христіанства... Ясно, посему, почему на монастыри и на ихъ обитателей столь энергично и неудержимо обрушились и нападаютъ всѣ, кто понимаетъ грозящую ихъ безбожнымъ начинаніямъ опасность,—опасность отъ хорошо организованныхъ и наполненныхъ идеально-настроенными иноками обителей... Припомните

для иллюстраціи хотя бы немногое изъ того, что было говорено «лѣвою» (обычно безбожною тожъ) печатью по поводу упоминавшагося у насъ выше монашескаго съѣзда. Какихъ только небылицъ, какой только клеветы... не было тамъ выдумано, лишь-бы только дискредитировать опасное извѣстнымъ лицамъ монастырское дѣло?!.

Да, говоритъ мой корреспондентъ, могли-бы возвратиться «времена Пахоміевъ и Антоніевъ Великихъ», еслибъ была приложена надлежащая забота къ дѣлу реорганизаціи иноческой жизни,—еслибъ лица, которыя способны къ столь великому возсозданію послѣдней, вложили въ это огромной важности дѣло все свое сердце, положили за него свою жизнь... А такія лица нашлись бы и теперь...

Начертывая свою программу обновленія монастырской жизни, инокъ, естественно, не оставляетъ безъ вниманія и условій и особенностей *чисто внѣшняго* иноческаго быта, которыя, разумѣется, имѣютъ свою долю значенія.

«Пища, одежда»...—все это,—резонно разсуждаетъ инокъ,—конечно, «мелочь»..., но «въ духовно-аскетической жизни нельзя пренебрегать и мелочами», которыя нерѣдко имѣютъ здѣсь «огромное значеніе». Такъ, различіе даже въ «пищѣ» и «одеждѣ» у иноковъ, живущихъ въ «общежительномъ монастырѣ», при чемъ одни одѣваются роскошно: «въ шелкъ»... и питаются «отборными яствами», тогда какъ другіе носятъ порыжѣвшую рясу и имѣютъ скудную пищу,—и оно небезразлично: помимо того, что оно въ обители не можетъ быть ничѣмъ достаточно мотивировано, а иногда и прямо бываетъ болѣе, чѣмъ случайно...,—кромѣ того, подобное различіе часто вызываетъ «внутренній ропотъ», «зависть», и пр., а что изъ всего этого выходитъ «въ концѣ концовъ», иноки,—говоритъ корреспондентъ,—«конечно, хорошо знаютъ сами»... «Мною»,—продолжаетъ онъ, — въ данномъ случаѣ руководитъ «не зависть» и не другое какое-либо подобнаго же рода чувство, такъ-какъ я-де «легко могъ бы достигнуть всякихъ отличій, противъ которыхъ ратую,—еслибъ только того захотѣлъ».

Огромное зло въ монастыряхъ составляютъ, въ свою очередь, и всякаго рода «награды»: «ордена», «медали», даже «*золотые* кресты», «набедренники» и т. под. О какихъ внѣшнихъ отличіяхъ говорить бы и мечтать бы, казалось, человѣку, отрекшемуся отъ міра и всѣхъ его прелестей (чит., напр., *Архим., нынѣ Экзарха Грузіи Иннокентія «Постриженіе*

въ монашество»... Вильна, 1899 г.)? Пусть бы эти отличія оставались ужъ на долю людей «мірскихъ»... Вѣдь «Пахомій Великій, Антоній Вел., Евѳимій Вел., Савва Освященный, Харитонъ и Ѳеодосій»...,—говоритъ мой инокъ,—«были знамениты на весь міръ, кажется, и безъ наградъ»... А «сколько зла изъ-за нихъ происходитъ», трудно и исчислить. «Зависть, укоры, пререканія»... тамъ, гдѣ прежде всего должны-бы царить чувства какъ разъ противоположныя: «любовь беззавѣтная», взаимная «услужливость», полнѣйшее «благожелательство», «беззавистіе» (!)... И вообще подвижническое дѣло— трудное, а тутъ еще вносятъ затрудняющее условіе, какъ бы приходя на помощь тѣмъ, кто хотѣлъ бы всячески противодѣйствовать отшельникамъ. Не лучше-ль было-бы поступать наоборотъ и устранять всякія тормозящія дѣло подвижничества препятствія? Получившій отличіе инокъ,—пишетъ мой корреспондентъ,—невольно проникается чувствомъ горделивости, сознаніемъ превосходства надъ другими, не отмѣченными отличіями монахами... Какое уже тутъ отреченіе отъ міра? Отъ страстей мірскихъ и наклонностей!.. А между тѣмъ стоило бы отнять это зло, и съ тѣмъ вмѣстѣ какъ легче могли-бы упорядочиться взаимоотношенія иноковъ,—какъ легче могли бы по-монашески (въ лучшемъ смыслѣ слова) настроиться и сами иноки, особенно сравнительно слабые изъ нихъ, всего скорѣе поддающіеся стороннимъ вліяніямъ и дурнымъ примѣрамъ?! «Кто хочетъ спасаться, тотъ долженъ»,—восклицаетъ инокъ,— «стряхнуть съ себя всѣ мѣшающія ему узы, всѣ стѣсняющія его оковы»..., и тогда «отличитъ» его Самъ Господь «въ царствѣ Своемъ небесномъ»...

Во всѣхъ монастыряхъ матеріальный достатокъ иноковъ долженъ быть приблизительно «одинаковъ». Вотъ о чемъ, говоритъ корреспондентъ, обязаны позаботиться тѣ, отъ кого «это зависитъ», какъ бы то трудно ни было и какихъ бы хлопотъ подобное (приблизительное хотя бы) уравненіе ни стоило. «Вѣдь теперь обычно что происходитъ?» Только и разговариваютъ (особенно «послушники», да и не одни они лишь!) о томъ, въ какомъ монастырѣ «какую кружку» получаютъ,—гдѣ доходнѣе, богаче...,—гдѣ теплѣе живется? И естественно, что слабые, поддающіеся соблазнамъ, настроенные недостаточно по-иночески... бѣгутъ изъ одного монастыря въ другой, изъ этого въ третій и т. д., — все къ болѣе доходной кружкѣ и къ болѣе богатому и безпечному житью... Сами бѣгутъ, да «сма-

ниваютъ и другихъ»... Большое зло! Но стоило-бы по мѣрѣ возможности уравнить условія жизни всюду: и въ Лаврѣ, и въ захолустной обители, уничтожить «жалованье» во всякихъ видахъ..., да кстати ввести вездѣ одинаковыя «строгости» и пр.,—и зла убавилось бы, безспорно, много.

Да и вообще «расширенное монастырское хозяйство»,—убѣжденно говоритъ инокъ,—обычно сильно вредитъ иноческому дѣлу: «вовлекаетъ старшихъ въ излишнія заботы и житейскую многопопечительность», не давая имъ возможности сосредоточиваться на ихъ прямомъ дѣлѣ. Луга, поля, усадьбы...—все это слишкомъ возвращаетъ иноковъ въ тотъ міръ, отъ какого они уже отреклись, и трудно здѣсь не переступить безопасной грани,—трудно иногда не превратиться монастырю въ какую-либо богатую «экономію»... «Умѣренность» въ предѣлахъ «необходимаго» лишь и только она должна быть и можетъ быть дозволительна для обителей. Все же сверхъ этого—«отъ лукаваго», тѣмъ болѣе, что на излишекъ можно было бы сдѣлать массу добра или другимъ обителямъ же, или окружающему «мірскому» населенію, которое съ другими чувствами стало бы относиться къ инокамъ и благословляло бы ихъ... *Маммонѣ и Богу служить* нельзя (Матѳ. VI, 24. Лук. XVI, 13). Что-нибудь ужъ одно... А что именно, объ этомъ нужно ли еще иноку вопрошать...

О многомъ думаетъ корреспондентъ-инокъ, всей душой преданный монашескому дѣлу, которое его глубоко интересуетъ и возможное улучшеніе коего составляетъ его завѣтную мечту. Онъ,—знаю не отъ него,—выписываетъ на скромныя средства немало хорошихъ книгъ, читаетъ журналы, отвѣчающіе его высокому настроенію..., а тѣмъ болѣе и прежде всего святоотеческія творенія..., стараясь отовсюду извлечь себѣ духовную пользу и духовно развить себя, усовершенствовать... Онъ выработалъ, какъ мы отчасти уже видѣли, свой взглядъ на иночество и иноческую жизнь... Иные, быть можетъ, съ нимъ окажутся и несогласны въ тѣхъ или другихъ пунктахъ, тѣмъ болѣе, что у насъ и доселѣ замѣтны нѣкоторое шатаніе и извѣстная неустойчивость въ освѣщеніи зерна иноческаго дѣланія (припомните происходившую не столь давно полемику между архим., нынѣ епископомъ, Никономъ и его противниками)... Пусть будетъ даже и такъ (хотя я лично симпатизирую почтеннымъ взглядамъ инока—корреспондента моего... и съ удовольствіемъ подписываюсь вообще подъ ними), но, во всякомъ

случаѣ, каждый читатель,—я увѣренъ,—отнесется къ нему съ почтеніемъ и уваженіемъ. Я самъ когда-то долго жилъ въ монастырѣ у своего брата—инока, любилъ паломничать по многочисленнымъ обителямъ Новгорода Великаго, шесть лѣтъ учился въ стѣнахъ монастыря преп. Антонія Римлянина..., совсѣмъ недавно еще провелъ лѣто въ Тихвинской Борисовской пустыни (см. мою брошюру: «*Борисовскій Тихвинскій монастырь*»; «*Странникъ*»: 1907 г., сент. Есть и отдѣльное изд.)... и потому монастырскую жизнь и знаю, и люблю, и не менѣе всякаго другого желалъ бы ея возможныхъ улучшеній, ея возрожденія,—желалъ бы, чтобы обители русскія выступили на великое миссіонерское и духовно-просвѣтительное дѣло, на борьбу съ невѣріемъ, сектантствомъ, надвигающимся язычествомъ..., берущимъ засиліе духовнымъ хулиганствомъ всякаго рода и проч. и проч.

А своего корреспондента—достопочтеннаго инока, гдѣ-то чуть не на краю «крещенаго» свѣта исполняющаго послушаніе на морскихъ «рыбныхъ промыслахъ» и во время рыбной ловли непрестанно помышляющаго объ уловленіи въ христіанскія сѣти рыбъ другого рода, разумныхъ, словесныхъ,—я представляю себѣ отчасти похожимъ на тѣхъ великихъ «рыбарей», которые когда-то просвѣтили всю вселенную. Дай Богъ ему все болѣе и болѣе уподобляться этимъ безпримѣрнымъ «ловцамъ человѣковъ»!..

Проф. **А. Бронзовъ.**

Письма архіепископа (Рязанскаго, † 11 ноября 1863 г.) Смарагда (Крыжановскаго) къ архимандриту Іероѳею (Добрицкому, † 30 ноября 1882 г.) изъ Орла, Рязани и С.-Петербурга (1847—1863 г.г.).

ЗНАЧЕНІЕ всякой переписки опредѣляется участвующими въ ней личностями, которыя естественно сообщаютъ ей извѣстную важность своимъ положеніемъ и освѣдомленностію въ предметахъ рѣчи. Въ данномъ случаѣ это и ясно и несомнѣнно въ отношеніи преосвящ. Смарагда, принадлежащаго къ виднѣйшимъ русскимъ іерархомъ XIX столѣтія, почему печатаемыя ниже письма цѣнны уже непосредственною характеристикою его, а также разными сообщеніями, сужденіями, замѣчаніями и т. п. Вопросъ только въ томъ, достаточно ли они «откровенны», если были лишь формально—оффиціальными отписками,—и онъ прямо рѣшается характеристикою адресата, о которомъ имѣются слѣдующія формулярно-біографическія свѣдѣнія [1]).

Архимандритъ Іероѳей въ мірѣ назывался Іаковъ Михайловичъ Добрицкій, происходилъ изъ оберъ-офицерскихъ дѣтей и родился въ повѣтовомъ городѣ Тарацѣ, Кіевской губ., въ 1808 г.; отецъ его титулярный совѣтникъ Михаилъ Исидоровичъ былъ сынъ священника. Съ сентября 1821 г. по іюль 1826 г. обучался сначала въ Кіевскихъ духовныхъ училищахъ, а потомъ и въ риторикѣ (Дух. Семинаріи) преподаваемымъ предметамъ

[1]) Для сего мы имѣемъ копію послужного списка за 1879-й (послѣдній) годъ (службы) и „Воспоминанія“ о. Іероѳея о Смарагдѣ (см. стр. 383—385), а также (по сообщеніямъ проф. Кіевской Дух. Академіи прот. Ѳ. И. Титова) изъ Архива Кіево-Печерской Лавры монашескія дѣла № 391 и № 583 и формуляръ № 65; см. еще и въ упоминаемыхъ ниже (стр. 385), книгахъ о. Іероѳея о Мценскомъ и Брянскомъ монастыряхъ.

черезъ годъ. 27 сентября 1827 г. принятъ въ Кіево-Печерскую Лавру на послушаніе, 8 мая 1828 г. опредѣленъ въ Канцелярію Духовнаго Собора повытчикомъ, 22 февраля 1830 г. постриженъ въ монашество, 15 іюля рукоположенъ во іеродіакона, 28 ноября сдѣланъ архиваріусомъ Лаврскаго Архива, 31 января 1831 г. назначенъ смотрителемъ Кіево-Печерской типографіи и при оной содержателемъ матеріаловъ, 17 января 1833 г., кромѣ того, утвержденъ младшимъ корректоромъ печатаемыхъ въ Лаврской типографіи книгъ. Вслѣдствіе вызова отъ Св. Синода въ новооткрытую Полоцкую епархію. о. Іероѳей выбылъ въ Полоцкъ 21 февраля 1837 г. по «собственному желанію», чему причиной служило, вѣроятно, и то, что Полоцкій епископъ былъ землякомъ о. Іероѳея, который, можетъ быть, и лично зналъ его, ибо 12-ти лѣтъ былъ въ нижнемъ отдѣленіи Кіевскаго духовнаго уѣзднаго училища, когда въ 1821 году Смарагдъ состоялъ инспекторомъ Кіевской Духовной Академіи (см. «Воспоминанія» л. 128_2, Кіев. ред. и л. 128 об., Ряз. ред.). Прибывъ въ Полоцкъ 4 марта 1837 г., 24 марта о. Іероѳей былъ опредѣленъ въ число братства Полоцкаго Архіерейскаго Дома и 15 апрѣля рукоположенъ во іеромонаха, а—за переходомъ Смарагда въ Могилевъ (5 іюня 1837 г.)—перемѣщенъ 19 іюля въ Могилевскую епархію съ назначеніемъ крестовымъ іеромонахомъ Могилевскаго Архіерейскаго Дома, гдѣ съ 11 августа былъ казначеемъ, а съ 25 октября состоялъ и присутствующимъ въ Могилевской Консисторіи до 3 мая 1840 г. Теперь онъ—согласно прошенію—былъ уволенъ отъ послѣдней должности и 8 іюня сего года перешелъ въ Харьковскую епархію экономомъ Архіерейскаго Дома къ Смарагду (занявшему Харьковскую каѳедру 6 апрѣля 1840 г.), причемъ съ 23 іюля исправлялъ тамъ казначейскія обязанности и 29 апрѣля 1841 г. опредѣленъ еще благочиннымъ надъ монастырями: мужскимъ Старохарьковскимъ и женскимъ Харьковскимъ. Но 31 декабря 1841 г. Смарагдъ былъ переведенъ въ Астрахань, куда 18 февраля 1842 г. вызванъ Епархіальнымъ начальствомъ и о. Іероѳей, будучи назначенъ экономомъ Архіерейскаго Дома; сверхъ сего, съ 11 апрѣля онъ управлялъ еще Астраханскимъ Покрово-Болдинскимъ монастыремъ (по 20 января 1843 г.), а съ 22 іюня и монастыремъ Іоанно-Предтеченскимъ, гдѣ 5 ноября сдѣланъ настоятелемъ и 6 декабря 1844 г. возведенъ въ санъ игумена со врученіемъ ему настоятельскаго жезла. Когда Смарагдъ 12 ноября

1844 г. былъ переведенъ въ Орелъ, — и о. Іероѳей 21 марта 1845 г. пересилился въ этотъ городъ экономомъ Архіерейскаго Дома и 30 августа 1846 г. возведенъ въ санъ архимандрита съ опредѣленіемъ настоятелемъ въ Мценскій Петропавловскій третьеклассный монастырь, откуда 10 іюня 1853 г. вызванъ былъ въ Орелъ для соборнаго служенія и управленія Архіерейскимъ Домомъ (по случаю отъѣзда Смарагда въ С.-Петербургъ для присутствія въ Синодѣ) и 18 октября опредѣленъ членомъ Орловской Духовной Консисторіи. 29 февраля 1860 года о. Іероѳей перемѣщенъ на должность настоятеля въ Брянскій Свѣнскій Успенскій третьеклассный монастырь, въ которомъ съ 12 декабря 1867 г. былъ благочиннымъ, а указомъ Св. Синода отъ 21 января 1880 г. (за № 255) уволенъ на покой. Скончался (и погребенъ) въ Свѣнскомъ монастырѣ 30 ноября 1882 г.

Изъ этихъ свѣдѣній усматриваемъ, что съ пріѣзда въ Полоцкъ (4 марта 1837 г.) до отъѣзда (17 марта 1847 г.) въ Мценскій монастырь о. Іероѳей болѣе 10 лѣтъ былъ непосредственно при Смарагдѣ, а всего служилъ при немъ свыше 21 года—до разлуки 8 іюля 1858 г. съ послѣднимъ въ Мценскѣ по назначеніи его (5 іюня 1858 г.) въ Рязань, но и потомъ поддерживалъ сношенія почти до самой смерти этого архипастыря († 1863, XI, 11), который писалъ ему еще 4 іюня 1863 г. Это свидѣтельствуетъ о ихъ взаимной близости, которая была не только служебно-тѣсной, но душевно-интимной. Они знали другъ друга во всей полнотѣ и довѣряли со всецѣлою преданностію. При подобныхъ обстоятельствахъ естественно, что переписка такихъ лицъ отличается искреннею откровенностію, наиболѣе цѣнною для обрисовки личности Смарагда, который часто выступаетъ въ ней со всею индивидуальною конкретностію. И, дѣйствительно это—письма частныя, дружескія (см. № 56), особенно важныя для характеристики Смарагда, а равно дорогія и по разнымъ откровеннымъ сообщеніямъ и указаніямъ о тогдашнихъ дѣлахъ и дѣятеляхъ.

Съ этой стороны письма Смарагда являются весьма цѣнными, поскольку онъ—по самому темпераменту своему—не способенъ былъ къ холодной сдержанности или оффиціальной дипломатичности. Такихъ писемъ было много уже потому, что Смарагдъ обыкновенно отвѣчалъ своимъ корреспондентамъ (см. №№ 32 и 27). Въ частности у о. Іероѳея сохранялось до 80 писемъ, а было получено почти вдвое больше (см. «Воспомина-

нія» л. 2 об.—3 Кіев. ред. и л. 4 Ряз. ред.). Значитъ, пропало у самого адресата до половины и остальныя дошли тоже не всѣ и не въ цѣлости. О. Іероѳей предполагалъ передать ихъ въ Рязанскую Семинарію (см. № 57), но тамъ ихъ не оказалось, и они найдены въ другихъ мѣстахъ. Ниже мы помѣщаемъ 65 №№-ровъ, которые въ теперешнемъ своемъ составѣ имѣютъ двоякое происхожденіе. Изъ нихъ 28 №№-ровъ отысканы въ подлинникахъ извѣстнымъ писателемъ, археологомъ и библіографомъ Львомъ Степановичемъ Мацѣевичемъ и присланы намъ въ переписанной имъ самимъ точной копіи съ нѣкоторыми пояснительными его же примѣчаніями. По общему порядку это №№—ра: 1, 2, 5, 7—9, 13—17, 19—21, 23, 24, 34—36, 38—40, 42, 47, 52, 54, 61 и 63. Подлинники этихъ писемъ были на время переданы Л. С. Мацѣевичу теперешнимъ ихъ владѣльцемъ преподавателемъ 2-й Кіевской Гимназіи Гавріиломъ Николаевичемъ Флоринскимъ, который получилъ ихъ въ наслѣдство отъ своего отца, Кіевскаго протоіерея Николая Ивановича Флоринскаго († 12, VII, 1900 г.), а къ послѣднему они попали потому, что онъ былъ женатъ на родной племянницѣ Смарагда—Екатеринѣ Гавриловнѣ († 1898, X, 11), дочери старшаго Смарагдова брата, прот. Гавріила Петровича Крыжановскаго († 1836, I, 10) [1]). Эти письма были переписаны въ книжку, но безъ разбора и безъ хронологическаго порядка—съ исключительною цѣлію сохраненія ихъ. Сверху на переплетѣ оттиснуто: 2. Очевидно, была еще 1-я книжка Смарагдовыхъ писемъ къ о. Іероѳею—тоже въ переплетѣ. Ея ни тогда, ни доселѣ не найдено. Нѣкоторымъ восполненіемъ являются собственноручныя «Воспоминанія о покойномъ Смарагдѣ, Архіепископѣ Рязанскомъ и Зарайскомъ, Настоятеля Брянскаго Свѣнскаго Успенскаго монастыря, Архимандрита Іероѳея». Они имѣются въ двухъ редакціяхъ и экземплярахъ. Одинъ (на 129 четвертинахъ, но на 257 страницахъ) давно былъ извѣстенъ по рукописи Кіево-Печерской Лавры (№ 398, дополн. 27), куда поступилъ отъ прот. Н. И. Флоринскаго (см. у проф. *Н. И. Петрова*, Описаніе рукописныхъ собраній, находящихся въ г. Кіевѣ, въ «Чтеніяхъ въ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ при Москов-

---

[1]) См. „Родословіе Смарагда, архіепископа Рязанскаго" въ „Чтеніяхъ въ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ" 1911 г., кн. I, отд. IV (и въ оттискахъ, Москва 1910), стр. 24—25.

скомъ Университетѣ» 1897 г., кн. I, отд. II, стр. 126). Другой (на 128 четвертинахъ, а еще одна—послѣдняя—утрачена) отыскался при Рязанской Духовной Семинаріи и доставленъ намъ преподавателемъ ея Александромъ Ѳеодоровичемъ Карашевымъ. По словамъ о. Іероѳея, эти «воспоминанія, повѣствующія только о житейскихъ трудахъ и приключеніяхъ» преосвящ. Смарагда, были «составлены имъ тотъ часъ же послѣ его смерти» для печати, «но по независящимъ обстоятельствамъ остались въ рукописи». Изъ двухъ редакцій первою по времени является Рязанская, которая отправлена была для помѣщенія въ «Рязанскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ» и приспособлялась къ сему [1]), однако цензоръ [2]) не далъ

[1]) Судимъ такъ по надписи на первой, ненумерованной четвертинѣ: „Читалъ Редакторъ Рязанскихъ Е. Вѣд. Священникъ Николай Глѣбовъ. 28 Мая 1867 г.“ и по разнымъ помѣткамъ во многихъ мѣстахъ рукописи.—Николай Ѳеодоровичъ Глѣбовъ былъ сынъ причетника Рязанской епархіи, первые два года учился въ Московской Духовной Академіи, но окончилъ курсъ въ Казанской въ 1858 г. и назначенъ преподавателемъ въ Пензенскую Семинарію, откуда въ 1860 г. перешелъ въ Рязанскую и въ 1864 г. рукоположенъ во священника къ Владимірской семинарской церкви; съ 1866 г. былъ членомъ мѣстнаго цензурнаго комитета и редакторомъ „Рязанскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей“; въ 1875 г. избранъ смотрителемъ Касимовскаго Духовнаго Училища и настоятелемъ собора, съ возведеніемъ въ санъ протоіерея; въ 1890 г. оставилъ учительскую должность (см. у проф. *П. В. Знаменскаго*, Исторія Казанской Духовной Академіи III, Казань 1892, стр. 400); въ 1892 г. призванъ въ Рязань на должность каѳедральнаго протоіерея съ возложеніемъ на него обязанностей редактора „Епархіальныхъ Вѣдомостей“; умеръ 23 сентября 1893 г.

[2]) Это былъ ректоръ Рязанской Семинаріи, архимандритъ Ювеналій (Знаменскій).—Сынъ священника изъ Орловской губерніи, обучался онъ въ Калужской Семинаріи (1830—1836 г.г.) и въ Московской Духовной Академіи (1836—1840 г.г.), въ послѣдней въ октябрѣ 1838 г. постриженъ въ монашество и по окончаніи курса опредѣленъ 17 сентября 1840 г. учителемъ въ Виѳанскую Семинарію, гдѣ съ апрѣля 1841 г. былъ инспекторомъ и въ августѣ возведенъ на степень магистра, въ 1848 г. сдѣланъ архимандритомъ и въ 1849 г. назначенъ ректоромъ Вологодской Семинаріи, въ 1850 г. перемѣщенъ ректоромъ и профессоромъ богословія въ Рязанскую Семинарію, въ 1868 г. былъ уволенъ съ отчисленіемъ въ монастырь Трегорскій Волынской епархіи, но вскорѣ переведенъ въ Казанскую епархію настоятелемъ сначала Зилантова, потомъ (въ 1878 г.) Свіяжскаго монастыря; умеръ въ санѣ архимандрита настоятелемъ Балаклавскаго Георгіевскаго монастыря (въ Крыму), куда перемѣщенъ въ 1883 г. См. о немъ „Списки начальниковъ, наставниковъ и воспитанниковъ Виѳанской Духовной Семинаріи съ 1800 до 1897 года“ (Св.—Тр. Сергіева Лавра 1898), стр. 20, и у прот. *А. П. Яблокова*, Городъ Свіяжскъ, Казанской губерніи, и его святыни (Казань 1907), стр. 209—210.

ходу, положивъ на рукописи такую резолюцію: «Безъ всякаго повода печатно защищать относительно характера, религіозныхъ убѣжденій и чистоты жизни извѣстнаго, достоуважаемаго бывшаго служителя Церкви, значитъ открыто уничижать его. Всего лучше эти воспоминанія оставить непечатанными». Эта редакція датирована 1864 годомъ и была потомъ переработана чрезъ 10 лѣтъ (см. къ письму 59) или—точнѣе—въ 1876 г. (см. къ письму 41). Разности небольшія между обѣими редакціями, но въ нѣкоторыхъ мѣстахъ онѣ взаимно восполняютъ и разъясняютъ. Въ нихъ о. Іероѳей рисуется благоговѣйнымъ чтителемъ лица и дѣла архим. Смарагда. Хотя авторъ и отмѣчаетъ свою «необразованность» (Ряз. ред., л. 117) или «умственную недостаточность» (Кіев. ред., л. 116 об.), но все у него изложено съ достаточною литературною опытностію, свидѣтелями которой служатъ и два его печатные труда: 1) Мценскій Петропавловскій монастырь, Орловской епархіи, изд. 1-е Кіевъ 1858, изд. 2-е Москва 1859 г., изд. 3-е, исправленное и дополненное (подъ редакціею И. Токмакова и о. И. В. Ливанскаго), Орелъ 1900; 2) Брянскій Свѣнскій монастырь Орловской епархіи, 1-е изд. Москва 1866, 2-е изд. Орелъ 1895. Понятно, что, будучи достаточно умѣлымъ литераторомъ, о. Іероѳей—въ интересахъ документальности—долженъ былъ пользоваться Смарагдовыми письмами, поскольку стремился къ конкретной и убѣждающей объективности, не желая быть ни адвокатомъ, ни защитникомъ, ни доносщикомъ (см. «Воспоминанія» л. 42 об.). Тутъ цитуются и извѣстныя въ подлинникахъ письма, а сверхъ ихъ представляются болѣе или менѣе полныя выдержки изъ 37 новыхъ—по общему порядку №№-ра: 3, 4, 6, 10 — 12, 18, 22, 25 — 33, 37, 41, 43—46, 48—51, 53, 55—60, 62, 64 и 65. О. Іероѳей чаще даетъ лишь краткія извлеченія (см. № 56), а потому—для разъясненія этихъ фрагментовъ—мы воспроизводимъ ихъ совмѣстно съ контекстомъ нашего источника, какъ заимствуемъ оттуда замѣчанія и къ письмамъ подлиннымъ: все это иногда не относится прямо къ содержанію писемъ, за-то имѣетъ общій біографическій интересъ.

Письма расположены хронологически съ послѣдовательною нумераціей. Арабскія цифры въ скобахъ указываютъ по порядку подлинныя письма, собранныя Л. С. Мацѣевичемъ, а римскія (въ скобахъ) отмѣчаютъ то же по отношенію къ извлеченіямъ, заимствованнымъ изъ «Воспоминаній» о. Іероѳея.

Въ послѣдней категоріи встрѣчаются въ текстѣ слова, огражденныя вносными знаками: это—варіанты, ибо между обѣими редакціями есть маленькія разности даже въ самыхъ цитатахъ, а мы старались приводить возможно полнѣе и собственныя рѣчи о. Іероѳея.

Въ примѣчаніяхъ даются лишь самыя необходимыя поясненія. Кромѣ взятыхъ у о. Іероѳея и обозначенныхъ его именемъ, всѣ прочія принадлежатъ частію Л. С. Мацѣевичу, а больше нижеподписавшемуся, но авторство того или другого лица удостовѣряется иниціалами только въ особыхъ случаяхъ. Касательно лицъ и событій Орловской исторіи мы пользовались данными, сообщенными намъ по участію преосвященнаго (бывшаго) Орловскаго (нынѣ Калужскаго) Александра (Головина), равно еще секретаремъ Орловскаго Церковнаго Историко-Археологическаго Общества, столоначальникомъ Орловской Духовной Консисторіи Иваномъ Степановичемъ Комягинскимъ и преподавателемъ Орловской Духовной Семинаріи Алексѣемъ Евгеніевичемъ Поповымъ, а также г. начальникомъ Архива Св. Синода Константиномъ Яковлевичемъ Здравомысловымъ по самымъ различнымъ вопросамъ и предметамъ. Впрочемъ, по этой именно части осталось наиболѣе дефектовъ, которыхъ мы не въ силахъ восполнить по недоступности мѣстныхъ источниковъ. О нѣкоторыхъ Полоцкихъ эпизодахъ намъ доставлены свѣдѣнія Владиміромъ Николаевичемъ Тычининымъ (тогда) Смотрителемъ Витебскаго Духовнаго Училища (нынѣ Директоромъ Свислочской Учительской Семинаріи). Думаемъ однако, что и въ настоящемъ видѣ всѣ письма преосвящ. Смарагда къ архим. Іероѳею настолько понятны, что не встрѣтится особыхъ затрудненій при ихъ научномъ примѣненіи.

Н. Глубоковскій.

Ессентуки Терской области
1910, VII, 20 (вторникъ)—
Ильинъ день.

---

1 (1) [1].

†

Преподобнѣйшій Отецъ Архимандритъ Іероѳей!

Какъ Господу угодно было принять душу болярыни Маріи въ недовѣдомыя намъ селенія [2]): то бренное тѣло ея, яко благодѣтельницы Вашея обители, дозволяю соборне погребсти, Епархіи нашея, въ Мценскомъ Монастырѣ, въ церковномъ притворѣ большàго, Покровскаго, храма, при коемъ и прежде полагались тѣла членовъ семейства Превосходительнаго Господина Владиміра Николаевича Шеньшина.

При чемъ пастырски Васъ извѣщаю, что въ каѳедрѣ нашей и во всей паствѣ все находится въ благополучіи! Только рабъ Божій, о. Архимандритъ Болховской Макарій, слышно, безнадежно къ жизни боленъ, и, вмѣсто Іерусалимскаго Господня Гроба, долженъ вскорѣ встрѣтиться (а можетъ быть и встрѣтился уже!) съ собственнымъ своимъ гробомъ [3]). Таковъ жребій всѣхъ насъ! [4]).—Въ Кромахъ освящалъ я Со-

---

[1]) Три выдержки изъ этого письма приведены у о. *Іероѳея* въ „Воспоминаніяхъ" л. 51 об —52 Кіев. ред. и л. 49-ой—50 об. Рязан. ред., но въ послѣдней оно ошибочно датировано 18-мъ мая 1857 года.

[2]) „Усопшая Болярыня Марія—супруга Тайнаго Совѣтника Владиміра Николаевича Шеншина". О. *Іероѳей.*

[3]) По словамъ о. *Іероѳея,* Смарагдъ былъ „искреннимъ другомъ" Макарія и по „дару проницательности или даже прозорливости" предусмотрѣлъ его кончину. Смарагдъ былъ младшимъ товарищемъ Макарія по Спб. Академіи и добрымъ знакомымъ по Кіеву: см. у проф. *К. В. Харламповича,* Письма архимандрита Макарія (Казань 1905), стр. 55 (біографіи). 3 и 524, 1 (въ письмахъ) и у † *П. В. Нтохова,* Архимандритъ Макарій (Глухаревъ), основатель Алтайской миссіи (Москва 1899), стр. 210, а также „Сборникъ Орловскаго церковно-археологическаго комитета", т. I (Орелъ 1905), стр. 419. 421—422. Смарагдъ, дѣйствительно, питалъ особое расположеніе къ Макарію, который именно чрезъ него и попалъ въ Орловскую епархію (ср. „Чтенія въ Обществѣ любителей духовнаго просвѣщенія" 1871 г., кн. XIII, стр. 37 и ср. 42). Кирѣевскій въ апрѣлѣ 1848 г. писалъ Погодину: „Орловскій архіерей [Смарагдъ] распускаетъ слухъ, что онъ непремѣнно переведетъ [изъ Козельской Оптиной пустыни] къ себѣ отца Макарія и сильно объ этомъ хлопочетъ въ Синодѣ". См. у † *Н. П. Барсукова,* Жизнь и труды М. П. Погодина, кн. X (Спб. 1896), стр. 10.

[4]) Архим. Макарій (Глухаревъ), извѣстный миссіонеръ, скончался какъ разъ въ тотъ день, когда Смарагдъ писалъ это письмо—т. е. 18-го мая 1847 г.—и именно какъ разъ во время своихъ сборовъ въ Іерусалимъ для поклоненія Гробу Господню (*Л. М.*). Впрочемъ, теперь свидѣтельствуютъ, что о. Макарій скончался *не* 18-го, *а* 19-го мая 1847 г. въ 10-мъ часу утра, о чемъ см. у о. *И. В. Ливанскаго* въ „Сборникѣ Орловскаго церковно-археологическаго комитета" (Орелъ 1905), стр. 421 и прим.

борную церковь 12-го мая, и много удивлялся отличному и богатому ея украшенію, наипаче внутреннему. Откуду что взялось, по мановенію Главы и Содѣтеля Церкви! Празднество было великое, усердное, и, можно сказать, не по Кромамъ!

Мира и благоденствія усердно Вамъ и Обители желаю и благословеніе преносылаю.—Смиренный

Смарагдъ Архіерей.

18 мая 1847.
Орелъ.

Сейчасъ проѣздомъ изъ Харькова бралъ у меня благословеніе Іеромонахъ Арсеній, ѣдетъ съ ризницею Иннокентія въ С.-Петербургъ [1]).

Помѣта: „Получ. 19 мая 1847 г."

2 (2) [2]).

†

Преподобнѣйшему Св. Мценскія Обители Аввѣ, всежелательному во Хрістѣ Іисусѣ Господѣ нашемъ Брату нашего смиренія Архипастырское благословеніе и мысленное о Воскресшемъ Господѣ лобзаніе, съ привѣтствіемъ: *Хрістосъ воскресе*!

Пользуясь удобнымъ случаемъ, преносылаемъ благодареніе наше за благожелательства Ваши, по поводу прошедшихъ дней спасительной Пасхи Хрістовой. Молимъ Васъ, да устрояете ввѣренную Вамъ Архимандрію какъ внутренно такъ и наружно, со всевозможнымъ тщаніемъ, страхомъ Божіимъ и всецѣльнымъ упованіемъ на Вседержительный Промыслъ Царя царствующихъ. Каждое лѣто непремѣнно осматривайте монастырскія ветхости, и возобновляйте монастырскія строенія, какъ достояніе Спасителя (Его же чудотворный ликъ у Васъ почиваетъ) и обо всемъ насъ извѣщайте, яко пріемлющихъ сердечное участіе во благѣ Обители [3]).—

[1]) Иннокентій (Борисовъ), тогда архіепископъ Харьковскій, вызванъ былъ въ первый разъ въ Спб. для присутствованія въ Св. Синодѣ—въ началѣ апрѣля 1847 г.

[2]) Выдержки изъ этого письма см. у о. *Героеея* въ „Воспоминаніяхъ" на л. 52 об.—53 Кіев. ред. и л. 50 об.—51 об. 101 об.—102 Ряз. ред.

[3]) Мценскій Петропавловскій мужской третьеклассный монастырь существуетъ съ 1694 г. и находится за чертою города Мценска въ полуверстѣ отъ него и въ 47 верстахъ отъ Орла. Въ соборной церкви въ честь Покрова Пресвятыя Богородицы находится очень древняя икона Христа Спасителя греческаго письма въ дорогой серебряной ризѣ (вѣсомъ въ 36 фунт. 10 зол.). Предъ этою иконой, какъ чудотворной и чтимой городскимъ и окрестнымъ населеніемъ, еженедѣльно по воскре-

О внутреннемъ же, которое всего важнѣе, и напоминать Вамъ не нужно, потому что сами вѣдать должны, что вѣра, любовь, воздержаніе, кротость, милосердіе, несеніе креста и послѣдованіе Спасителю—болѣе всѣхъ строеній находящихся во всемъ мірѣ. Почему нелѣностно въ семъ подвизайтесь, твердо и благодушно памятуя, что *безъ труда нѣтъ плода*! Прочее Господь да наставитъ Васъ своею премудростію и утвердитъ своею благодатію.

Благодареніе Воскресшему! во дни Его воскресенія я былъ здоровъ, и все отправлялъ, кажется, безъ опущенія. Но ни о семъ оправдаюся [1]); ибо Единъ нашъ оправдатель—на небесахъ! Тамъ расчетъ!

Братъ нашъ Ѵподіаконъ Алексѣй Соболевъ отыде ко Господу, на 4-й день Св. Пасхи. Безъ него по ризницѣ и по Архіерейскому служенію довольно неисправностей.

Херсонскій Преосвященный Иннокентій самъ ко мнѣ пишетъ, что онъ былъ отчаянно боленъ *коликою въ груди*, но теперь выздоровѣлъ и отпущенъ въ Одессу временно [2]). О новостяхъ же С.П.б-хъ ничего, по своему прикровенію, не пишетъ [3]).—Кажется, что Площанскій [4]) и Одринскій [5]) строители получатъ наперсные кресты.—Спасайся Отче о Господѣ и о нашей немощи Его благодать моли! Прошу!

Вашъ благожелательнѣйшій Пастырь,

Смарагдъ, недостойный Архіеп...

2-ое мая 1850.

сеньямъ и по пятницамъ совершается соборнѣ акаѳистъ Спасителю, а ежегодно 12 августа бываетъ съ иконою Спасителя крестный ходъ изъ монастыря въ городъ Мценскъ при участіи всего городского духовенства—въ память прекращенія холеры въ 1848 году. См. у о. *Іероѳея*, Мценскій Петропавловскій монастырь, стр. 365—67. 99. Ср. и письмо 50.

[1]) 1 Кор. IV, 4.

[2]) Ср. у о. прот. проф. *Т. И. Буткевича*, Иннокентій Борисовъ (Спб. 1887), стр. 335—336.

[3]) Архіеп. Иннокентій (Борисовъ), съ 1 марта 1848 г. уже Херсонскій и Таврическій, въ это время *третій* разъ присутствовалъ въ Св. Синодѣ, вызываемый туда *ежегодно* [по особому къ нему расположенію Оберъ-Прокурора гр. Н. А. Пратасова].—Ежегодно ѣздить изъ Одессы въ Петербургъ и обратно—при тогдашнихъ условіяхъ поѣздки—это былъ большой подвигъ!—Все-таки въ 1852 г. Иннокентій опять вызванъ былъ въ С.-Петербургъ—въ 4-й и послѣдній разъ, а въ 1853—на его мѣсто въ Синодѣ вызванъ былъ изъ Орла преосв. Смарагдъ. См. письмо 9.—*Л. М.*

[4]) Это былъ о. Виталій, о которомъ см. ниже къ письму 20-му.

[5]) Въ 1845—1848 гг. Одринскимъ строителемъ былъ игуменъ Серапіонъ. См. къ письму 20-му.

3 (I) [1].

24 декабря 1850 г. [Смарагдъ] пишетъ [о. Іероѳею]:

„Весьма благодаренъ вамъ, что вспомянули меня въ столь важные и спасительные дни Воплощенія на землѣ Бога-Слова“.

4 (II) [1].

А *30 марта 1851 г.* [Смарагдъ] писать изволилъ [о. Іероѳею] между прочимъ:

„Нужно стараться, чтобы духовная жизнь о Христѣ господствовала не на бумагѣ только; но и въ сердцѣ и во всѣхъ дѣйствіяхъ“.

5 (3).

Книгу Сборную Вамъ выдалъ, и Амвросія во Іеродіакона произвелъ; коего постарайтесь усовершить въ грамотности; въ противномъ же случаѣ считать его между больничными...

Слышу, что Мценяне Ваши не довольны за то, что подлиннаго Спасителя [2]) не даете къ нимъ въ домы, а только копію, или что даете подлинникъ только въ богатые домы (: что еще хуже). Для отвращенія таковыхъ пересудовъ должно сдѣлать на подлинный образъ кіотъ, чтобъ не стирали позолоты и не гадили камней, а въ разсужденіи тяжести образа [2]), чтобъ отвратить ее, сдѣлать носилки съ колесами и каталками, какъ ухитрились Болховитяне сдѣлать на огромную икону Іерусалимской Божіей Матери [3]). Давать же подлинникъ нужно всѣмъ; ибо если пожалуются: (къ чему Мценяне весьма склонны), то немудрено, что получите приказаніе, сообразное ихъ желанію.—

Болѣе писать совершенно нѣкогда. Трудйтесь на пользу дѣйствительно убогой и оскудѣвшей Обители [4]); а Господь Вамъ видимо и невидимо помогаетъ и поможетъ.

Смиренный Смарагдъ Архіеп...

Дек. 3 [5]). 1851.

---

[1]) Обѣ эти выдержки приводятся въ „Воспоминаніяхъ“ о. *Іероѳея* на л. 53 Кіев. ред. и 51 об. Ряз. ред.

[2]) См. письмо 2 на стр. 388, з.

[3]) См. о ней и въ книгѣ: „Историческое описаніе церквей, приходовъ и монастырей Орловской Епархіи“, т. I: Болховской-Кромской уѣзды (Орелъ 1905), стр. 9. 18; † *Г. М. Пясецкій*, Историческіе очерки города Болхова и его святыни (Орелъ 1875), стр. 100—101.

[4]) См. письмо 7, стр. 391. 392.

[5]) Въ краткой выдержкѣ у о. *Іероѳея* это письмо датируется *8*-мъ декабря 1851 г. по обѣимъ редакціямъ его „Воспоминаній“—Кіевской л. 53) и Рязанской (л. 51 об.).

6 (III) [1].

Въ письмѣ отъ *27 Марта 1852 г.* Преосвященный [Смарагдъ] говоритъ:

„Препосылаю вамъ, отче и брате, благословеніе мира о Воскресшемъ Господѣ, благодать Коего да украшаетъ и совершенствуетъ жизнь вашу.... Слава Богу, до сей минуты мы здоровы, хотя по случаю поста и не совсѣмъ остаемся укрѣпленными [2]......“.

7 (4) [3].

†

Пречестному О. Архимандриту Іероѳею нашего недостоинства Архипастырское благословеніе!

Мнѣ пріятно, что Ваша, по истинѣ убогая обитель, въ вещественномъ преуспѣяніи сколько-нибудь подвигается. Дай Богъ, чтобъ и въ нравственномъ отношеніи она подвигалась къ лучшему!—Діаконъ Красинъ сдѣлался для Площанской Пустыни невыносимъ. Главное за нимъ: пьянство, ябедничество и служеніе съ ябедниками, и неимѣніе никакой добросовѣстности. Но къ клироснымъ послушаніямъ онъ способенъ. Смотрите за нимъ покрѣпче, ни въ чемъ ему не довѣряя, и не надѣясь на словесныя его къ исправленію обѣщанія, яже суть лживи и суетни. По крайней мѣрѣ желаю, чтобъ не изъ Мценскаго Монастыря онъ былъ отправленъ въ Губернское Правленіе, куда давно уже лежитъ ему дорога [4]).

Кажется, что о. Архимандритъ Климентъ опять вскорѣ будетъ ѣхать чрезъ Мценскъ. Переведенъ изъ Чернигова въ Тверь, въ томъ же званіи и чинѣ. Слышно, что онъ Черни-

---

[1]) Взято изъ „Воспоминаній“ о. *Іероѳея* л. 53 Кіев. ред. и л. 52 Ряз. ред.

[2]) „Можно однакожъ сказать, что Архипастырь не былъ записнымъ постникомъ“.—О. *Іероѳей.*

[3]) Въ датѣ (185*2* года) этого письма послѣдняя цифра, набранная курсивомъ, проставлена въ подлинникѣ не отчетливо и скорѣе походитъ на 7, но по справкѣ въ дѣлахъ Орловской Консисторіи (чрезъ И. Ст. Комягинскаго) оказывается, что упоминаемые въ письмѣ прот. Бутягинъ и экономъ о. Флорентій были награждены указанными отличіями въ 1852 году, каковой только и подходитъ къ обстоятельствамъ жизни архимандрита Климента (Можарова), ибо,—переведенный изъ Чернигова въ Тверь синодальнымъ опредѣленіемъ отъ 31 марта 1852 г.,—онъ тамъ былъ разсчитанъ жалованьемъ по 15-е мая 1852 г., свой билетъ, выданный изъ Черниговской Семинаріи, представилъ правленію Тверской Семинаріи 14 іюня и вступилъ въ должность 16 того же іюня 1852 года (какъ все это видно изъ журналовъ Правленія Тверской Духовной Семинаріи за 14 и 16 іюня и 2 іюля 1852 г.).

[4]) См. и письмо 23.

говѣ былъ большой охотникъ до крещенія Евреевъ, которые, говорятъ, взбутаражились, съ опасностію для него. Обращенные имъ въ Казани кантонисты—Евреи, многіе обратились по прежнему въ Іудейство. Изъ таковыхъ одинъ присланъ и въ нашу Епархію (въ Елецкій Монастырь:) на увѣщаніе, и по долговременному убѣжденію о. Архимандрита Флавіана [1]) опять согласился исповѣдывать Православную вѣру.

Новости Іерархическія вы знаете изъ газетъ, а другихъ нѣтъ никакихъ. Извѣстно, что Нижегородскій Епископъ Іеремія выходитъ на покой [2]).

По нашей Епархіи мало нынѣ награженныхъ, изъ коихъ Каѳедр. Протоіерей Бутягинъ [3]) получаетъ Анны 3-ей ст., а Экономъ мой, Іеромонахъ Флоретній—наперсный крестъ. Всего награждено только 9 человѣкъ.

Можетъ быть Никодимъ еще отважился бы отправиться въ сборъ. Убѣждай, а мы Вамъ споспѣшествовать будемъ.

См. Архіеп.

30 Апрѣля 1852 г.

* * *

Думаемъ, что именно изъ этого письма взяты у о. *Іероѳея* (въ воспоминаніяхъ" л. 53 об. Кіев. ред. и л. 52 и обор. Ряз. ред.). двѣ выдержки, приводимыя подъ 30-мъ *Марша* въ такомъ видѣ.

А *30* того же [года *1852*] ***Марта*** [Смарагдъ] писалъ [о. Іероѳею]:

„Мнѣ пріятно, что ваша, по истинѣ убогая, Обитель въ вещественномъ преспѣяніи подвигается. Дай Богъ, чтобы и въ нравственномъ отношеніи подвигалась къ лучшему"...

Переводя изъ Площинской Пустыни въ Мценскій Монастырь вдоваго Діакона Іоанна Красина [4]), описывая его злыя

[1]) Архиман. Флавіанъ былъ настоятелемъ Троицкаго Елецкаго монастыря въ 1838—1862 г. г.

[2]) Преосвящ. Іеремія (Соловьевъ) однако уволенъ на покой 17 іюня 1857 г. († 6 декабря 1884 г.), а въ 1852 году ходили о семъ только слухи.

[3]) Николай Ивановичъ Бутягинъ, бывшій старше Смарагда лишь на одинъ курсъ по Спб. Духовной Академіи, былъ при каѳедральномъ соборѣ съ 1845 г., скончался 4 сентября 1868 г. (см. „Орловскія Епархіальныя Вѣдомости" 1867 г., № 21, стр. 1624; 1897 г., № 36, стр. 1354—1355); ср. еще о немъ письма 33, 35, 36, 38 и 40.

[4]) Здѣсь о. Іероѳей ссылается на сказанное выше, а тамъ (Кіев. ред. л. 49 об.—50, Ряз. ред. л. 48 об.—49) говорится: „И о чистотѣ жизни Архипастырской свидѣтельствовали мы: Преосвященный [Смарагдъ] хранилъ ее свято. Иногда даже и самъ свидѣтельствовался ею; и скромно представлялъ себя въ примѣръ для подражанія въ этомъ отношеніи. Однажды въ Мценскомъ Петропавловскомъ монастырѣ нетрезвой жизни, вдовый подначальный Діаконъ, Іоаннъ Красинъ, въ послѣдствіи лишенный сана

свойства и предостерегая меня [о. Іероѳея], далѣе [Смарагдъ] говоритъ:

„Желаю, чтобы не изъ Мценскаго монастыря онъ [Красинъ] былъ отправленъ въ Губернское Правленіе, куда давно уже лежитъ ему [Красину] дорога [4])“....

* * *

Упоминаемый въ настоящемъ письмѣ архим. Климентъ (Можаровъ), магистръ С.-Петербургской Духовной Академіи выпуска 1831 года, былъ тамъ съ 1831 по 1839 г. сначала баккалавромъ, затѣмъ экстраординарнымъ профессоромъ богословскихъ наукъ; 5 мая 1839 г. назначенъ ректоромъ Орловской Дух. Семинаріи, въ 1843 году—Казанской Семинаріи, въ 1850 году—Черниговской Семинаріи, 31 марта 1852 года—Тверской Семинаріи; синодальнымъ опредѣленіемъ отъ 10 февраля 1853 г. перемѣщенъ настоятелемъ Воскресенскаго, близъ Москвы, монастыря (именуемаго Новый Іерусалимъ), а потомъ переведенъ въ Казанскій Спасскій монастырь, гдѣ и скончался въ 1863 году (ср. и у † *А. С. Родосскаго*, Біографическій словарь студентовъ первыхъ XVIII-ти курсовъ С.-Петербургской Духовной Академіи, Спб. 1907, стр. 202—203, и въ „Богословской Энциклопедіи“, ред. проф. *Н. Н. Глубоковскаго*, т. XI, столб. 208—209. „Орловскія Епархіальныя Вѣдомости“ 1866 г., № 21, стр. 1191. 1196; 1867 г., № 9, стр. 682. 687—688, № 11, стр. 895, № 21, стр. 1633; 1868, № 22, стр. 1733—1735). † Проф. *Д. И. Ростиславовъ* въ „Вѣстникѣ Европы“ 1883 г., іюль, стр. 128—129. 140—142. 155. 170). Что до обращенія евреевъ въ христіанство, то въ письмѣ своемъ изъ Чернигова отъ 18 февраля 1852 года на имя митрополита С.-Петербургскаго Никанора самъ архимандритъ Климентъ собщалъ о себѣ слѣдующее: „Слишкомъ за двадцать лѣтъ до сего времени въ Санктпетербургской Духовной Академіи кончилъ

и сосланный въ каторжную работу, противъ донесенія моего о его діакона поступкахъ, вмѣсто объясненія, сталъ писать противъ меня, что онъ Красинъ соблазняется, когда я долго иду изъ церкви, и когда народъ, особенно женщины и дѣвицы, толпою идутъ за мною, желая получить Божіе благословеніе чрезъ меня, грѣшнаго. Порѣшивши въ Консисторіи это дѣло, Преосвященный Архипастырь, въ послѣдствіи, между разговоромъ и въ назиданіе мнѣ, сказалъ: «Ты десять лѣтъ жилъ со мною; видѣлъ, какъ я обращаюсь съ женскимъ поломъ (осторожно): ты бы хоть у меня поучился»“.

[4]) Это обстоятельство тоже можно отнести къ прозорливости Архипастыря въ обоихъ случаяхъ. Дѣйствительно Діаконъ Красинъ, обезпокоившій и Мценскую Обитель неблагоповеденіемъ своимъ, былъ переведенъ къ Болховскому Собору на причетническую должность. По этому случаю Владыка лично мнѣ изволилъ сказать: «Тамъ его добьютъ!»—Такъ и случилось. За воровство изъ Собора креста и прочее Красинъ лишевъ сана и сосланъ въ каторжную работу“.—О. *Іероѳей.*

курсъ студентъ Петръ Можаровъ,—и переименованный въ Климента оставленъ при той же Академіи Баккалавромъ. Черезъ восемь лѣтъ службы при Академіи, онъ былъ посланъ Ректоромъ въ Орловскую Семинарію, которымъ и былъ ровно четыре года. Черезъ четыре года службы въ Орлѣ онъ переведенъ былъ Ректоромъ же въ Казанскую Семинарію, при которой послужилъ слишкомъ семь лѣтъ, занимясь, между прочимъ, обращеніемъ Евреевъ Кантонистовъ въ Христіанство, которыхъ съ 1845 года по 1849 годъ обращено болѣе 2,000 человѣкъ; въ чемъ Ваше Высокопреосвященство можете Сами лично увѣриться по Отчетамъ Оберъ-прокурора Св. Синода за означенные годы.—Дѣло обращенія Евреевъ-Кантонистовъ такъ шло успѣшно, что до 1845 г. никогда въ Казани подобнаго успѣха не было. Но врагъ спасенія людей такъ сумѣлъ испортить это Богоугодное дѣло, что не только пріостановилъ самое дѣло, но заднимъ числомъ представилъ негодными къ обращенію самыя средства, которыя цѣлыхъ пять лѣтъ, какъ показалъ опытъ, были весьма годны. Съ этими, по мнѣнію врага негодными, а по опыту весьма годными средствами къ обращенію Евреевъ въ Христіанство, меня изъ Казани бросили въ Черниговъ.—Скучно, Высокопреосвященнѣйшій Владыко, русскому служить въ Черниговѣ, послѣ Петербурга, Орла и Казани!—Но преданный съ дѣтства волѣ Промысла, я рѣшился убивать эту скуку напряженною дѣятельностію по Монастырю и Семинаріи. Не довѣря оцѣнкѣ моихъ средствъ къ обращенію Евреевъ въ Христіанство, я, между прочимъ, рѣшился снова провѣрить ихъ опытомъ въ Черниговѣ. Для сего роздалъ ученикамъ Семинаріи изданную мною въ Казани брошюрку подъ заглавіемъ: Исполненіе Ветхозавѣтныхъ пророчествъ о Мессіи на Лицѣ Господа нашего Іисуса Христа, съ тѣмъ, чтобъ они читали ее всѣмъ жидамъ, которые захотятъ ихъ слушать. И дивный въ дѣлахъ Своихъ Господь удивилъ на мнѣ милость Свою. 15-ть человѣкъ уже такимъ образомъ обращено изъ Іудейства въ Христіанство. Увѣренные въ истинѣ Евреи сами приходятъ ко мнѣ съ прошеніемъ святаго крещенія; я препровождаю ихъ въ Полицію для засвидѣтельствованія ихъ искренности въ обращеніи; Полиція составляетъ актъ и присылаетъ ко мнѣ формальное увѣреніе въ искренности обращающагося.—Такъ шло дѣло Божіе до Августа мѣсяца прошлаго 1851 года. Но врагъ спасенія паки здѣлалъ запинаніе; онъ изъ Жидовъ составилъ скопъ, который началъ взводить на меня различныя клеветы,—однѣ другихъ нелѣпѣе. Изъ этихъ клеветъ одна извѣстна уже Святѣйшему Синоду, по жалобѣ на меня за обращенія Еврейскаго мальчика Исера Бреслина, опровергнутой самимъ дѣломъ.—Не успѣвши оклеветать меня, жиды выкрали 11 Сентября прошлаго 1851 года съ насиліемъ своего Исера Бреслина, Христіанина Алексѣя Бреслина,—и завезли (если не убили), Богъ вѣсть,

куда.—Пятый уже мѣсяцъ производится слѣдствіе, но искомаго Христіанина Алексѣя нѣтъ и доселѣ.—На меня этотъ скопъ жидовъ озлобился до того, что готовъ убить. Добрые Христіане предувѣдомили меня объ опасности, и безъ моего вѣдѣнія донесли о томъ Шефу жандармовъ. Что сдѣлано по сему донесенію, не знаю: но я съ своей стороны принялъ всѣ зависящія отъ меня мѣры предостережности,—и до февраля мѣсяца сего 1852 года ничего опаснаго для себя не видалъ.—Но 1 февраля сего 1852 года въ 8 часовъ вечера затаившійся за дверью моей кухни какой-то злодѣй нанесъ моему келейнику въ голову такой ударъ, что сей несчастный безъ чувствъ повалился на землю и пролежалъ, неизвѣстно, сколько времени, доколѣ не ожилъ.—Это явленіе, заявленное Полиціи, навело на меня такой страхъ, что я не могу уже быть покоенъ.—Не страшно умереть за имя Христа Спасителя: но страшно умереть отъ руки таящагося злодѣя.—За годъ до моего прибытія въ Черниговъ такимъ же образомъ убили Намѣстника моего Монастыря,—и убійца не отысканъ. Спасите, Высокопреосвященнѣйшій Владыко, жизнь мою отъ таящихся на нее посягателей, по своему благоусмотрѣнію; дайте мнѣ возможность жить и дѣйствовать для славы имени Божія, для пользы ближнихъ, и для благоустроенія собственнаго спасенія! — Если бы Ваше Высокопреосвященство затруднились, какъ это сдѣлать: то осмѣливаюсь предложить Вашему Высокопреосвященству и самый способъ спасенія меня отъ напрасной смерти.—Предложите Святѣйшему Синоду уволить меня рѣшительно отъ всѣхъ должностей, Училищныхъ и Епархіальныхъ, исходайствуйте мнѣ на пропитаніе Магистерскій окладъ, выдаваемый каждому Священнику по званію Магистра, и пенсію за двадцатилѣтнюю мою, не безполезную службу, на основаніи существующихъ законовъ. И я, благословляя имя Вашего Высокопреосвященства, немедленно выѣду изъ Чернигова, куда глаза глядятъ, для пріисканія себѣ мѣстопребыванія на Святой Руси, въ ея Святыхъ Обителяхъ.—Не затрудняйтесь, Высокопреосвященнѣйшій Владыко, и продолжительностію формальнаго дѣлопроизводства объ увольненіи меня отъ всѣхъ должностей; дайте только мнѣ знать тремя словами, что мое желаніе исполняется,—и черезъ три дня меня въ Черниговѣ не будетъ; я убѣгу изъ него, (немедленно сдавъ и Монастырь и Семинарію надлежащимъ порядкомъ), если не на лошадяхъ, то пѣшкомъ. И такимъ образомъ спасу жизнь свою отъ посягательства на нее жидовъ. Боюсь, Высокопреосвященнѣйшій Владыко, чтобы меня не убили прежде, нежели успѣю выѣхать изъ Чернигова.—Въ такомъ случаѣ прошу послѣдней уже милости:—когда услышите, что ректоръ Черниговской Семинаріи убитъ жидами, тогда помяните во святыхъ молитвахъ убіеннаго Архимандрита Климента". Это письмо митр. Никаноръ препроводилъ Оберъ-Прокурору гр. Н. А. Пра-

тасову, а послѣдній предложилъ его 18 марта 1852 г. на усмотрѣніе Св. Синода, который 18-го же марта опредѣлилъ: „Ректора и Профессора Богословскихъ наукъ Черниговской Семинаріи, Настоятеля Успенскаго первокласснаго Елецкаго Монастыря, Архимандрита Климента перемѣстить на тѣ же должности въ Тверскую Семинарію, поручивъ въ управленіе его Тверской второклассный Отрочъ Монастырь съ утвержденіемъ за нимъ лично первоклассной настоятельской степени". См. въ Синодальномъ Архивѣ дѣло 10 марта 1852 г. № $^{506}/_{1509}$.

8 (5) [1].

†

Отче!

Я ѣду въ С.-Петербургъ для присутствованія въ Св. Синодѣ, на одинъ годъ [2]), а Васъ оставляю въ Орлѣ, въ Архі-

---

[1]) Приводя лишь двѣ фразы изъ этого письма, о. Іероѳей предваряетъ (см. „Воспоминанія" л. 54 Кіев. ред. и л. 52 об.—53 Ряз. ред.), что Смарагдъ написалъ его, „получивши Высочайшее призваніе въ С. Петербургъ для присутствованія въ Святѣйшемъ Правительствующемъ Синодѣ, и вызывая его [о. Іероѳея] въ Архіерейскую каѳедру для управленія Архіерейскимъ Домомъ и для священнослуженій въ Крестовой церкви и Каѳедральномъ Соборѣ въ Царскіе дни и прочіе торжественные случаи, такъ какъ и Ректоръ Семинаріи былъ въ С.-Петербургѣ на чредѣ" (см. письмо 21).

[2]) Синодальный Оберъ-Прокуроръ гр. Н. А. Пратасовъ отношеніемъ отъ 20 апрѣля 1853 г. за № 2843 сообщилъ преосвящ. Смарагду о слѣдующемъ: „Его Императорское Величество Высочайше повелѣть соизволилъ Вашему Преосвященству прибыть въ С.-Петербургъ для присутствованія въ Св. Синодѣ срокомъ по 1 мая будущаго 1854 года. Объявивъ о сей Монаршей волѣ Св. Синоду къ надлежащему исполненію, имѣю честь объ оной Васъ, Милостивый Государь и Архипастырь, увѣдомить". На этомъ отношеніи положена преосвящ. Смарагдомъ такая резолюція отъ 26 апрѣля 1853 г.: „Немедленно объявить о семъ циркулярно по всей Епархіи съ тѣмъ, что имѣющіе личныя ко мнѣ просьбы, представленія или надобности могутъ являться въ Орелъ до 15 будущаго мѣсяца Мая". Въ указѣ Св. Синода преосвящ. Смарагду отъ 25 мая 1853 г. за № 4687 значится: „...предписать а) нынѣ же слѣдовать изъ Орла въ С.-Петербургъ и для помѣщенія Вашего занять Ярославское подворье, состоящее на Васильевскомъ Островѣ съ церковью; б) для священнослуженія взять съ собою нужное число священноцерковнослужителей и ризницу; в) въ управленіи въ отсутствіе Ваше Орловскою епархіею поступать такъ, какъ Синодальные члены и другіе пребывающіе въ С.-Петербургѣ Преосвящ. Архіереи ввѣренными имъ епархіями управляютъ. Предоставить Г. Оберъ-Прокурору снестись съ Министромъ Финансовъ объ отпускѣ Вашему Преосвященству отъ Орла до С.-Петербурга прогонныхъ денегъ на 12 лошадей... и сверхъ того на подъемъ 600 руб. сер.". „Секретное извѣщеніе" о своемъ вызовѣ въ Синодъ Смарагдъ получилъ въ

ерейскомъ Домѣ, на хозяйствѣ для служенія въ Архіерейскомъ Домѣ и Каѳедральномъ Соборѣ въ Царскіе дни и прочіе торжественные случаи [1]). Выѣду до 15 Мая, а потому, по полученіи сего, немедленно пріѣзжайте ко мнѣ, для предварительнаго распоряженія по Архіерейскому Дому, въ коемъ жить постоянно будете, и Вашему Монастырю, куда будете наѣзжать только временно и изрѣдка. По предварительномъ распоряженіи можете опять отправиться на нѣсколько времени въ свой Монастырь, и потомъ уже прибыть для провожанія меня, и чтобъ остаться здѣсь на жительствѣ. Впрочемъ здѣсь получите подробныя свѣдѣнія и наставленія. Вотъ, въ старости лѣтъ обыдоша мя зѣло лютая обстоянія и безпокойства! Но Богъ, доселѣ путеводившій меня, да будетъ и впредь моимъ вождемъ и покровителемъ.

Смиренный Смарагдъ Архіепископъ.

27 Апрѣля 1853.

P. S. Эконома и прочихъ служебныхъ братій беру съ собою, но съ Вами будетъ кому жить.—Сейчасъ извѣстите отъ моего имени Анастасію и Александру Владиміровнъ и родителя ихъ [2]), что я чрезъ три недѣли уѣзжаю въ С.-Петербургъ, а имъ нынѣ усердно кланяюсь и посылаю благословеніе *).

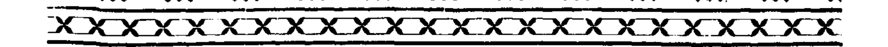
Проф. **Н. Глубоковскій.**

письмѣ Преосвящ. Иннокентія (Борисова) отъ 3 апрѣля 1853 г. и 13 числа писалъ ему такъ: „Если сбудется писанное Вами: то я бы желалъ только жительствовать на Вашемъ мѣстѣ, а не тамъ, гдѣ пребываетъ Астраханскій [Евгеній Баженовъ]. Я увѣренъ, что Вы можете способствовать мнѣ въ томъ и я, повѣрьте, не останусь безъ живѣйшей признательности Вамъ за всякое добро Ваше“ (см. „Рязанскія Епархіальныя Вѣдомости“ 1896 г., № 18, стр. 640).

[1]) Архим. Іероѳей вызванъ въ г. Орелъ для соборнаго служенія и управленія Орловскимъ Архіерейскимъ Домомъ 10 іюня 1853 г.

[2]) Анастасія и Александра Владиміровны—дѣвицы, дочери того Владиміра Николаевича Шеншина, о коемъ упоминалось въ 1-мъ письмѣ (стр. 387).

*) Продолженіе слѣдуетъ.

Новыя книги.

Исторія христіанской церкви. Выпускъ второй. Эпоха вселенскихъ соборовъ и раздѣленія церквей (313—1054). Съ приложеніемъ карты и географическаго указателя. Составилъ преподаватель Тульской семинаріи **П. И. Малицкій.** Тула 1910. Стр. IV+308. Цѣна 1 р. 35 к.

ПРЕДНАЗНАЧАЯ свой трудъ, первый выпускъ котораго вышелъ въ 1909 году [1]), для учебныхъ цѣлей, авторъ руководствовался и при составленіи появившагося нынѣ второго выпуска тою же изданною Учебнымъ Комитетомъ при Св. Синодѣ программою (или точнѣе—проектомъ программы, не устранявшимъ и ранѣе существовавшей программы), которою опредѣлялись содержаніе и планъ перваго выпуска. Въ предисловіи онъ указываетъ и обосновываетъ нѣкоторыя отступленія отъ этой программы, состоящія частію въ перемѣщеніи рубрикъ, частію въ дополненіяхъ (введены свѣдѣнія о лжеученіяхъ Маркелла анкирскаго, Фотина и Аполлинарія, о св. Епифаніи кипрскомъ, о сочиненіяхъ извѣстныхъ съ именемъ св. Діонисія Ареопагита). Въ отличіе отъ сухого изложенія въ учебникѣ Е. Смирнова, авторъ имѣлъ въ виду сообщить обозрѣнію эпохи вселенскихъ соборовъ больше живости, полноты и округленности, въ частности особое вниманіе обратилъ на патрологическій отдѣлъ, неудовлетворительно изложенный въ книгѣ Смирнова, далъ также новую обработку, напр. очеркамъ о христіанской жизни въ разсматриваемую эпоху, о раздѣленіи церквей. Въ оправданіе получившагося отсюда увеличенія объема книги въ сравненіи съ курсомъ Смирнова для той же эпохи (215 страницамъ учебника Смир-

---

[1]) См. „Церк. Вѣстникъ“, 1909, № 45, 1416—1417.

нова по изд. 1895 г. меньшаго формата, но болѣе убористой печати, соотвѣтствуютъ здѣсь 293 стр.) указывается особая важность излагаемой эпохи. Между прочимъ, авторъ самъ признаетъ слишкомъ большой для учебника размѣръ трактата о Юліанѣ Отступникѣ въ своей книгѣ (стр. 11—22), но объясняетъ свое особое вниманіе къ его личности дидактическими и апологетическими соображеніями. Въ концѣ книги приложены алфавитный указатель географическихъ названій съ поясненіями и карта, изображающая 1) древнехристіанскій міръ въ цѣломъ, за исключеніемъ большей части Египта съ Эѳіопіей и Нубіей и Аравіи, 2) Египетъ, 3) Палестину и 4) Малую Азію съ Сиріей. Карта заимствована изъ H. Appel, Kurzgefasste Kirchengeschichte für Studierende. T. I: Alte Kirchengeschichte. Leipzig 1909, но въ ней сдѣланы при этомъ нѣкоторыя измѣненія, частію опущенія, главнымъ же образомъ дополненія. Книга посвящается духовенству Тульской епархіи.

Подобно первому выпуску, и этотъ выпускъ труда автора можетъ быть полезнымъ пособіемъ при преподаваніи церковной исторіи. Допущенныя отступленія отъ программы оправдываются существомъ дѣла. Пополняя разные пробѣлы книги Смирнова, авторъ даетъ въ цѣломъ болѣе живое и обстоятельное изображеніе церковной жизни въ разсматриваемую эпоху. Патрологическій отдѣлъ получаетъ у него совершенно иную постановку въ сравненіи съ изложеніемъ Смирнова. Прилагая къ книгѣ карту, авторъ идетъ на встрѣчу съ давнихъ поръ отмѣчаемой потребности въ этомъ приложеніи для семинарскаго преподаванія церковной исторіи. Издана книга въ типографскомъ отношеніи хорошо, какъ и первый выпускъ, хотя желательно было бы устраненіе нѣкоторыхъ корректурныхъ недосмотровъ. Между прочимъ, должна бы быть исправлена орѳографія «Афанасій» (29, 30, 59 и всюду далѣе) «Эфіопія» (30), «Евстафій» (57 и далѣе), «Тримифунтъ» (57).

Отдѣльныя мѣста и въ этомъ выпускѣ могутъ давать поводъ къ замѣчаніямъ. Исторія напр., аріанскаго спора послѣ смерти Константина В. (63—64) изложена въ слишкомъ уже общихъ чертахъ, съ опущеніемъ нѣкоторыхъ важныхъ для пониманія истиннаго положенія дѣла фактовъ. Здѣсь напр. совсѣмъ не упоминается о сердикскомъ соборѣ, задуманномъ въ качествѣ вселенскаго и имѣвшемъ въ извѣстномъ смыслѣ важное значеніе въ этой исторіи; повторяется, между прочимъ, ошибка учебника Смирнова, вытекающая изъ неправильнаго

отнесенія этого собора къ 347 г. (ср. у автора 229), будто Аѳанасій возвратился изъ второго изгнанія въ 349 г. (вмѣсто 346); нѣтъ упоминанія и о составляющемъ на дѣлѣ поворотный пунктъ въ исторіи волновавшихъ тогда востокъ догматическихъ споровъ александрійскомъ соборѣ 362 г. Маркелла анкирскаго авторъ вводитъ въ свою книгу; но нужно было бы отмѣтить то значеніе, какое имѣлъ онъ съ своимъ предполагаемымъ «савелліанствомъ» въ исторіи именно аріанскаго спора; у Смирнова онъ и совсѣмъ не упоминается, но безъ выясненія его роли въ дѣйствительности нельзя правильно понять исторіи богословскихъ споровъ того времени. Стр. 67: Аполлинарій не только не выступалъ противъ аріанскаго ученія о принятіи Сыномъ Божіимъ одного тѣла безъ души, но и самъ первоначально, повидимому, вполнѣ раздѣлялъ это мнѣніе и потомъ лишь извѣстнымъ образомъ видоизмѣнилъ его. Стр. 69: Григорій Назіанзинъ не былъ еще «престарѣлымъ», когда прибылъ въ Константинополь,—ему было тогда около 50 лѣтъ. стр. 94, 228: Говоря о «параволанахъ», нужно имѣть въ виду статью В. В. Болотова: «Параволаны ли?» въ Христ. Чт. 1892, II, стр. 18—37. 97: Необходимо указать годъ, когда состоялось примиреніе между восточными епископами и Кирилломъ александрійскимъ (433). Стр. 104: Нѣтъ основаній утверждать о Діоскорѣ, что «онъ и Варсума били Флавіана по лицу, сбили съ ногъ и топтали ногами» и что именно отъ этихъ побоевъ Флавіанъ вскорѣ и умеръ. Стр. 116—117: Объ армянскомъ «расколѣ», а не ереси, хотѣли бы, конечно, говорить сами представители армянской церкви. Но съ православной точки зрѣнія никоимъ образомъ нельзя согласиться, что въ «догматическомъ ученіи церковь эта не отличается отъ православной» и поэтому «представляетъ церковь не еретическую, а раскольническую». У Смирнова сказано объ армянской церкви нѣсколько болѣе осторожно: «не столько еретическое общество, сколько раскольничье» (стр. 282). О вѣрѣ армянъ ср. И. Е. Троицкій, Изложеніе вѣры церкви армянскія, начертанное Нерсесомъ, каѳоликосомъ армянскимъ, по требованію Боголюбиваго государя грековъ Мануила. Спб. 1875. Стр. 117: Соборы въ Двинѣ, на которыхъ былъ осуждаемъ армянами Халкидонскій соборъ, были въ VI вѣкѣ въ 505/6 и 554, но не въ 536 г. Стр. 118: Киръ былъ сначала не монофиситскимъ, а православнымъ епископомъ. Стр. 119: Въ моноѳелитскомъ спорѣ сначала рѣчь была лишь о дѣйствіяхъ Христа, и въ 9 членахъ Кира о единой волѣ ни-

чего не говорится. Стр. 120: Экѳесисъ запрещалъ говорить именно лишь о дѣйствіяхъ. Стр. 125: Вмѣсто «Вардесанъ» должно быть «Варданъ». Стр. 127: Вмѣсто «Леонтія еписк. никопольскаго на о. Критѣ» должно быть «неапольскаго на о. Кипрѣ». Стр. 136: «307» опечатка вмѣсто «367». Стр. 141: Торжество православія теперь относятъ обычно къ 843 г. Стр. 153: Въ русской литературѣ А. А. Спасскимъ доказано, что IV и V книги противъ Евномія принадлежатъ не св. Василію В., но Дидиму. Стр. 185, 234: «Тебе Бога хвалимъ» принадлежитъ не Амвросію медіоланскому, но Никитѣ ремезіанскому. Стр. 201: Книги «о Троицѣ» св. Максиму Исповѣднику не принадлежатъ. Стр. 258, 302: Селеніе, откуда происходилъ Антоній В., называлось не «Комана», а Кома (правильно на картѣ). Стр. 260: Тавенна или Тавенниси—не островъ. Стр. 270: Вмѣсто «нѣкототорые богословы стали высказывать мнѣніе, что Духъ Св. исходитъ отъ Отца и Сына» нужно опредѣленнѣе указать, что это мнѣніе ведетъ начало отъ бл. Августина.

Относительно приложенной къ книгѣ картѣ нужно замѣтить, что названіе данное на ней упомянутому выше № 1: «Финикія, Месопотамія и Европейскія страны», далеко не обозначаетъ всего здѣсь изображеннаго, и лучше бы оставить этотъ № безъ названія, какъ это сдѣлано у Аппеля.—Между прочимъ, древнія «Апулія» и «Калабрія» совсѣмъ не то, что позднѣйшія; если ужъ помѣщается на картѣ позднѣйшая терминологія, то необходимо было бы, во избѣжаніе недоразумѣній, хотя бы отмѣтить это въ географическомъ указателѣ.— Тагаста на дѣлѣ гораздо ближе къ Иппону, нежели какъ отмѣчена она на картѣ.—Птолемаида въ Пентаполѣ, Александрія, Тиръ, Кизикъ, замѣтно отодвинутые на картѣ отъ берега, на дѣлѣ приморскіе города.—На картѣ М. Азіи Понтъ «Птолемаикусъ» (ср. также въ указателѣ стр. 303—о Неокесаріи) появился, повидимому, подъ вліяніемъ ошибочнаго сообщенія въ «Очеркахъ изъ церковно-исторической географіи» С. Терновскаго (Казань, 1909), стр. (253: «Полемаикусъ» отъ «Полемая», вмѣсто Polemoniacus отъ Полемона.—Вмѣсто «Гонорія» должно быть «Гоноріада» (какъ въ указателѣ стр. 302—о Клавдіополѣ).—Вмѣсто «Мапсуетія» (303: Мопсуетъ, 88: Ѳеодоръ мопсуетскій) должно быть «Мопсуэстія».

А. Бриллiантовъ.

24 февраля 1910 года. Печатать разрѣшается. Ректоръ С.-Петербургской духовной академіи епископъ *Георгій*.

Редакторъ, профессоръ С.-Петербургской духовной академіи *Петръ Смирновъ*.